

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

ДАЛИ ДАЛЯ

Сборник материалов Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции молодых учёных
«Далевские чтения»,
посвящённой Дню славянской письменности и культуры
г. Белгород, 22–23 мая 2025 г.

Белгород 2025

УДК 811.161.1*27(470.325)

ББК 81.2Р-3 (2...)

Д 15

Редакционная коллегия:

И.И. Чумак-Жунь (отв. ред.), доктор филол. наук;
А.С. Титова, канд. филол. наук; *М.М. Голикова*, канд. филол. наук;
С.В. Ковалева, канд. филол. наук; *Д.А. Черемохина*, канд. филол. наук;
П.А. Чересюк, канд. филол. наук; *А.П. Уренкова*

Д 15 **Дали Даля** : сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых учёных «Далевские чтения», посвящённой Дню славянской письменности и культуры, г. Белгород, 22–23 мая 2025 г. / под ред. И.И. Чумак-Жунь (отв. ред.), А.С. Титова, М.М. Голикова [и др.]. – Белгород : ЦПП ИД БелГУ НИУ «БелГУ», 2025. – 190 с.

ISBN 978-5-9571-3887-7

В представленном сборнике рассмотрены актуальные для современного этапа развития филологии культурологические, лексикографические и лингвометодические проблемы. Участники «Далевских чтений» обозначили роль В.И. Даля в истории русской культуры, рассмотрели словарь как объект и инструмент филологического анализа, обратились к далевским традициям в филологических и историко-культурных исследованиях, к новым формам изучения наследия В.И. Даля и его последователей в вузе и школе. Материалы сборника представляют интерес для учёных-филологов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, школьных учителей, для всех, кто интересуется историей и современным состоянием русского языка.

УДК 811.161.1*27(470.325)

ББК 81.2Р-3 (2...)

ISBN 978-5-9571-3887-7

© НИУ «БелГУ», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. Текст словаря как источник информации о культуре и обществе

Аллаярова З.Р. Башкирский след в творчестве В.И. Даля	6
Барсукова А.Р. Фразеологизмы в современных словарях: структура и функции	11
Голикова М.М. Словарь как инструмент изучения языка современников	15
Зубкова В.В. Эволюция лингвистической терминологии в русских толковых словарях (на примере словарей В.И. Даля, С.И. Ожегова)	22
Иванова В.В. Французские заимствования в словаре Даля: семантические трансформации и культурный контекст	27
Ковалева С.В. «Язык заболеваний» магических фольклорных текстов (на материале словаря В.И. Даля)	33
Мальцева Е.С. Фольклор и его отражение в словаре	37
Меженина А.М. Словари как отражение исторических изменений в языке и литературе	41
Мирошникова М.А. Словарь как инструмент реконструкции истории	45
Савченко В.А. Реализация концепта «тело человека» в английских паремиях (на фоне немецкой и русской паремиологии)	49
Семыкин И.А., Семыкина Е.Н. Изучение обществоведческой терминологии в школе и «правовая азбука» В.И. Даля	54
Францевская Е.И. Индивидуально-авторское слово как реализация образного видения мира (на материале поэтического творчества З. Гиппиус)	60
Шевченко Е.М. Славянский круглый год в наследии В.И. Даля	66

Секция 2. Ключевые слова русской культуры в лексикографическом преломлении

Демичева В.В. Отражение в паремиях культурно-национального содержания лексем «муж» и «жена» (на материале сборника «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля)	72
Лукьянова А.К. Пословицы русского народа как источник прецедентности в современной языковой картине мира (на примере конструкции «за двумя зайцами погонишься – и одного не поймаешь»)	76
Тутова С.А. Динамика семантического диалога словаря языка и поэтического текста (русский «крест» В.И. Даля и Н.С. Гумилева)	80
Уренкова А.П. Традиционные наименования предметов одежды (на материале словаря В.И. Даля)	86
Чересюк П.А. Метафорические особенности репрезентации концепта женщина в повести «Крейцера соната» Л.Н. Толстого	92

Секция 3. Актуальные проблемы
преподавания русского языка
в вузе и школе

Амерьянова Е.В. Употребление молодежного сленга в речи одноклассников	98
Донькина В.Р. Некоторые аспекты изучения категории одушевлённости/неодушевлённости на уроках русского языка в 5-6 классах.....	103
Крохмалёва К.Ю. Использование справочной лингвистической литературы в обучении младших школьников.....	106
Насибли Т.Ф. Педагогический мониторинг как инструмент повышения качества обучения	110
Пашкова Г.И., Радомская А.И. Самостоятельная работа по орфографии с использованием современных образовательных технологий	116
Титова А.С. Использование толкового словаря при изучении лексико- грамматических норм современного русского литературного языка.....	121
Шишкина А.А. Энциклопедические словари и их роль в обучении (на материале анкетирования студентов)	124

Секция 4. Писательская лексикография

Блажиевская Е.С. Употребление лексико-семантических единиц со значением красного цвета в поэзии XX века.....	130
Голотовская Р.А. Прецедентный феномен как маркер идиостиля М.И. Цветаевой и Б.Л. Пастернака	134
Гречишена А.И. Писательская лексикография в сатирической публицистике Михаила Михайловича Зощенко	139
Губина Д.А. Демонологические персонажи в сказочной прозе В.И. Даля и славянских фэнтези.....	144
Гудкова Н.А. Влияние наследия В.И. Даля на развитие русской литературы: от фольклора до современности	151
Ёрматова М.А. Эпитеты-символы в творчестве М.Ю. Лермонтова	156
Иванчикова Н.Л. Языковые особенности диминутивов в сказках А.С. Пушкина.....	160
Курбонова М.Т. Стилистические фигуры как способ усиления выразительности в прозе К.Г. Паустовского	165
Леонова М.В. Дialeктизмы шолоховского Дона в словаре В.И. Даля: pexus sanguinis temporum.....	169
Мироненко М.К. Роль топонимов в авторском идиостиле (на материале «частотного грамматико-семантического словаря языка произведений А.П. Чехова»).....	177
Хомякова Е.С. Аксиологический компонент концепта «сад» в поэзии Б.А. Ахмадулиной.....	183

**СЕКЦИЯ 1.
ТЕКСТ СЛОВАРЯ
КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ
О КУЛЬТУРЕ И ОБЩЕСТВЕ**

Аллаярова З.Р.,
преподаватель, ГАПОУ СМПК, г. Стерлитамак

БАШКИРСКИЙ СЛЕД В ТВОРЧЕСТВЕ В.И. ДАЛЯ

Аннотация. Статья посвящена жизни и творчеству выдающегося русского писателя, лексикографа и этнографа В.И. Даля в Оренбурге, где он провёл 8 лет своей жизни. Основное внимание уделяется его работе с башкирским фольклором, который оказал существенное влияние на его творчество. В статье анализируются особенности изучения народных легенд и песен, а также их отражение в произведениях Даля. Особое внимание уделяется вкладу Даля в сохранение и популяризацию культурного наследия башкирского народа. Статья будет интересна специалистам в области литературоведения, этнографии и всем, кто интересуется историей и культурой народов России.

Ключевые слова: В.И. Даль, Оренбург, башкирский фольклор, этнограф, собиратель народных сказаний, культурное наследие, литературное творчество, лексикограф, народные легенды и песни, история и культура народов России.

Summary. The article is dedicated to the life and work of the outstanding Russian writer, lexicographer and ethnographer V.I. Dahl in Orenburg, where he spent 8 years of his life. The main focus is on his work with Bashkir folklore, which had a significant influence on his work. The article analyzes the features of the study of folk legends and songs, as well as their reflection in Dahl's works. Particular attention is paid to Dahl's contribution to the preservation and popularization of the cultural heritage of the Bashkir people. The article will be of interest to specialists in the field of literary criticism, ethnography and anyone interested in the history and culture of the peoples of Russia.

Keywords: V.I. Dal, Orenburg, Bashkir folklore, ethnographer, collector of folk tales, cultural heritage, literary creativity, lexicographer, folk legends and songs, history and culture of the peoples of Russia.

Владимир Иванович Даль представляет собой феноменальную личность в истории русской истории, филологии и культуры, чьи достижения сложно сопоставить с работами других ученых. Его многогранный талант проявлялся в различных сферах: он мог бы построить успешную карьеру как морской офицер или как выдающийся врач.

Особого внимания заслуживает его титанический труд – «Словарь живого великорусского языка», над которым он неустанно работал на протяжении 53 лет. Кроме того, значительный вклад Даль внес в сохранение культурного наследия башкирского народа, зафиксировав и систематизировав элементы башкирского фольклора.

Связь В.И. Даля с башкирским народом, его культурой начинается со службы в Оренбурге, ведь в состав Оренбургского края входила тогда и территория современного Башкортостана.

Летом 1833 года, когда регион испытывал засушливую погоду, в Оренбург прибыл новый военный губернатор – генерал-адъютант Василий Алексеевич Перовский. Его назначение последовало после внезапной

кончины предыдущего губернатора, графа П.Л. Сухтелена. Генерал-майор В.А. Перовский, получив назначение на должность военного губернатора Оренбургского края, подбирал в Петербурге команду из образованных чиновников. Василий Андреевич Жуковский – друг Василия Алексеевича, ценя Даля за деловые качества, рекомендовал его Перовскому [Саитбатталов 2019: 45].

Незадолго до этого, в 1832 году, под псевдонимом Казак Луганский, В.И. Даль опубликовал пять «Русских сказок», которые представляли собой вольную переработку народных сюжетов. Это издание принесло ему популярность, однако, по доносу Фаддея Булгарина, книга была изъята из обращения из-за «неблагонадежных мыслей», содержащихся в ней. Даль был арестован, и на него было заведено дело в III Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии (высший орган политической полиции Российской империи, который был создан в 1826 году). В.А. Жуковский, который был наставником наследника престола и подал прошение считать происшествие с Далем недоразумением, представил случившееся в анекдотическом свете. Обвинения сняли, но тираж книги уничтожили, правда, сам автор умудрился спасти несколько экземпляров. Дело было закрыто.

По приглашению Перовского в июле того же года В.И. Даль приехал в Оренбург на должность чиновника особых поручений при губернаторе.

В.А. Перовский – адъютант государя и друг государыни в прошлом – отхлопотал себе в сотрудники В.И. Даля с непостижимой скоростью и настойчивостью. Внимание Перовского привлек послужной список Даля и его профессиональные навыки врача, которые оченьгодились потом в Хивинском походе. Ценно было владение Далем многими иностранными языками, включая тюркские.

Тяга к языкам у Владимира Ивановича Даля была генетической. Его отец, Иоганн Кристиан Даль (впоследствии Иван Матвеевич) был потомком датчан, чья жизнь тесно переплелась с Россией. Его лингвистические таланты были поистине впечатляющими: он в совершенстве владел немецким, английским, французским, а также мертвыми языками – латынью, греческим и древнееврейским. Признание дарований пришло к нему еще при жизни Екатерины II. Императрица лично пригласила молодого лингвиста в Петербург на должность придворного библиотекаря, оценив его выдающиеся знания языков. Получив медицинское образование за границей, он вернулся в Россию, где успешно реализовал себя в новой специальности. В 1799 году он принял российское подданство, официально сменив имя на Иван Матвеевич Даль.

Восемь лет пробыл Владимир Иванович Даль в этих краях. И не просто пробыл. «Во всю жизнь свою я искал случая поездить по Руси», – вспоминал

он в автобиографии. Такой случай представился. В первый же год своего пребывания в Оренбурге он только верхом проскакал по необозримым просторам степей и гор более двух с половиной тысяч верст: Уральск и Гурьев, Уфа и Стерлитамак, Александров Гай и Калмыковская крепость, Буковская орда, бесчисленные станицы, деревни, аулы, стойбища, кочевки [Рахимкулов 2009: 68]. К концу года он уже свободно говорил на башкирском и казахском языках.

В 1834 году Владимир Даль написал и опубликовал на немецком языке работу о башкирах для дерптского научного журнала. Он хотел познакомить европейцев с этим народом. Статья была переведена и напечатана в «Журнале Министерства внутренних дел» (номер 8 за 1834 год). В начале статьи автор описывает природу Башкирии. «Земли, занимаемые этим народом, – пишет Даль, – можно без преувеличения отнести к числу прекраснейших и богатейших. Всеми своими дарами природа наделила их с избытком. Горы, лесные чащобы, множество больших и малых рек, ручьев, озер, тучных пастбищ, которыми благодаря их разнообразному положению можно пользоваться во всякое время года, наконец, несметные подземные сокровища...».

Интересуясь жизнью и фольклором народностей обширного Оренбургского края, В.И. Даль собирал также произведения башкирского устно-поэтического творчества. Во время своих многочисленных поездок по Оренбуржью он внимательно слушал башкирские песни. Важную идейно-композиционную роль играет, например, в рассказе «Обмиранье» песня, услышанная им в дороге от возницы-башкира: «Смеркалось вовсе, и мы катились по дороге, что по полотну, молча. Наконец возница мой соскучился и, оглянувшись, спросил: «Юрлайме?» (Запеть, что ли?) – «Юрлай, отвечал я, будто проснувшись в раздумьи, – пой...» – Башкир, будто мехом потянул в себя дыханье, задержал его и залился плачевным, высоким голосом, словно издали по ветру донесся звучный стон, под конец замирающий; затем последовал однообразный напев, на слова местного народного сочинения: «Сакмар быстра, бреуна тулста, икмяк да йок, капрал да сок!».

В одной из своих поздних публикаций В.И. Даль писал: «У кочевых башкиров осталось еще много поверий и приданий: есть злой дух дью-пари, принимающий образ человека, кошки, собаки и особенно барса и тигра, иногда у него грива бывает золотая; знаменитейшие башкирские батыры прославились битвами с этим чудовищем, которое, нападая и защищаясь и, особенно, похищая девок, прикидывается и принимает разные образы; если же дью-пари является в образе человека, батыра, то может быть ранен, как Ахилл, только в пятку» [Рахимкулов 2012: 57].

Богатый материал об экономическом устройстве башкир, описания башкирских кантонов не сохранились. Владимир Даль в 1848 году сжег

записки. Но фольклорные данные легли в основу литературных произведений. В.И. Даль с любовью описывает сказочную Башкирию, восхищаясь её загадочными пещерами и легендарными озёрами Асли и Кандры. Башкирские мотивы можно найти во многих его произведениях, включая повесть «Бикей и Маляуна», рассказы «Майна», «Охота на волков» и других. Однако самым выдающимся произведением Даля на башкирскую тему является творческая обработка эпического сказания о Зая-Туляке и Хыу-хылу под названием «Башкирская русалка», впервые опубликованного в январском номере журнала «Москвитянин» за 1843 год. В этом произведении рассказывается о великой любви легендарного батыра Зая-Туляка и русалки, дочери правителя озёр Асли и Кандры.

Повествование о Зая-Туляке в интерпретации В.И. Даля отличается от его башкирских вариантов своим художественным стилем. В то время как у В.И. Даля весь рассказ представлен в прозе, в башкирских версиях наиболее напряжённые драматические моменты сюжета передаются в песенной форме. «Башкирская русалка» также отличается обширным вступлением, где В.И. Даль говорит о вопиющей социальной несправедливости, существовавшей в Башкирии. Известно, что он собрал богатый материал об экономическом устройстве башкир и описал каждый башкирский кантон, но эти ценные записи не сохранились [Даль].

Во введении к «Башкирской русалке» писатель также предоставляет краткое историко-этнографическое описание региона, рассказывает о происхождении, образе жизни, нравах, обычаях, верованиях и преданиях башкир. В.И. Даль, в частности, отмечает, что к началу XIX века заводчики, переселенцы и припущенники «переполосовали и испятнали уже почти всю Башкирь» и «уже оттягали сотни тысяч десятин богатейших земель, расквитавшись с вотчинниками-башкирами или десятилетнею давностью владения, или полюбовною сделкою, тремя головами сахару, фунтом чаю...». Положительно оценивая добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству, В. Даль рассматривает это событие как закономерный шаг в историческом процессе. Основываясь на сказках и песнях, он приводит различные версии происхождения башкир.

Любопытны описания наблюдательного Даля, касающиеся занятий, поведения, одежды и оружия башкир.

Вот, к примеру, одна из таких схваченных «картинок»: «В сражении башкирец передвигает колчан со спины на грудь, берет две стрелы в зубы, а другие две кладет на лук и со скоростью ветра пускает их одну за другой: при нападении низко пригибается к лошади и – грудь нараспашку, рукава засучены – с пронзительным криком бросается на врага».

В.И. Даль с глубоким уважением к фольклору выступал за развитие национальной тематики, критиковал экзотизм и подчёркивал важность всестороннего изучения жизни народов. Осознавая ответственность писателя за правдивое отражение действительности, он призывал тщательно изучать социально-экономические отношения, историю и особенности народного быта. Он был против использования фольклорного материала для произвольного романтико-экзотического представления в художественных произведениях и выступал за создание исторически обоснованных и объективно достоверных национальных характеров. Знаменитый поэт Василий Жуковский, которому Даль ранее рассказал легенду о Зай-Туляке, попросил записать ее, чтобы использовать в собственной «восточной поэме», но Даль отказал ему в этой просьбе, мотивировав свой отказ так: «...надобно дать рассказу цвет местности, надобно знать быт и жизнь народа, мелочные его отношения и обстоятельства, чтобы положить резкие тени и блески света; иначе труды Ваши наполовину пропадут; поэму можно назвать башкирскою, кайсакскою, уральскою, – но она, конечно, не будет ни то, ни другое, ни третье».

Владимир Даль искренне симпатизировал коренным жителям Оренбургского края, даже своего старшего сына, который родился в 1834 году назвал русско-восточным именем Лев-Арслан-Василий. Первенца Даль назвал в честь старшего брата Льва, погибшего в 1831 году в Варшаве. В переводе на башкирский – «лев» звучит, как Арслан, а имя Василий дано в честь Василия Перовского, ставшего крестным отцом ребенка.

В.И. Даль стал настоящим энциклопедистом своего времени, чьи труды не только обогатили русскую филологию, но и внесли существенный вклад в изучение и сохранение культурного наследия других народов России, в том числе и башкирского народа. Деятельность В. Даля по изучению жизни, истории и духовной культуры башкирского народа явилась заметным вкладом в литературу о Башкирии и способствовала пробуждению интереса к ней писателей и ученых.

❖ Список литературы

1. Рахимкулов М.Г. От Пушкина до Толстого. Часть первая. XIX век. – Уфа: Китап, 2009. – 424 с.
2. Рахимкулов М.Г. Башкирские мотивы в творчестве В.И. Даля // Учитель Башкортостана. – 2012. – № 9. – С. 56-63.
3. Саятбатталов И.Р. Башкирия в творчестве В.И. Даля: источники и параллели в тюркоязычном фольклоре и литературе // Русская литература. – 2019. – № 1. – С. 45-51.
4. Даль В.И. «Башкирская русалка // Интернет-ресурс «Мир сказок». – URL: <https://mirckazok.ru/dal-vladimir-ivanovich/bashkirskaya-rusalka/>

Барсукова А.Р.,
студент, ОГАПОУ «БПК», г. Белгород;
науч. рук. – Окунева В.Ф.,
преподаватель ОГАПОУ «БПК», г. Белгород

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ: СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологизмы как важный элемент лексикографии, акцентируя внимание на их структуре и функциях в современных словарях. Анализируется классификация фразеологизмов, их семантические и стилистические особенности, а также роль, которую они играют в коммуникации. Особое внимание уделяется различиям в описании фразеологизмов в отечественных и зарубежных словарях, а также влиянию новых технологий и социальных медиа на развитие фразеологии. В заключение подчеркивается значимость фразеологизмов для изучения языка и культуры, а также их применение в образовательных процессах. Статья направлена на углубление понимания фразеологии как динамичного и многогранного объекта исследования, что может быть полезно как лексикографам, так и преподавателям языка.

Ключевые слова: фразеологизмы, лексикография, семантика, стилистика, коммуникация, словари, технологии, социальные медиа, язык, культура, образование.

Summary. The article examines phraseological units as an essential element of lexicography, focusing on their structure and functions in modern dictionaries. It analyzes the classification of phraseological units, their semantic and stylistic features, as well as the role they play in communication. Special attention is given to the differences in the description of phraseological units in domestic and foreign dictionaries, as well as the impact of new technologies and social media on the development of phraseology. In conclusion, the significance of phraseological units for the study of language and culture is emphasized, along with their application in educational processes. The article aims to deepen the understanding of phraseology as a dynamic and multifaceted object of research, which can be beneficial for both lexicographers and language educators.

Keywords: phraseological units, lexicography, semantics, stylistics, communication, dictionaries, technology, social media, language, culture, education.

Фразеологизмы, устойчивые словосочетания с целостным значением, являются неотъемлемой частью любого языка, придавая ему выразительность, образность и национальный колорит [Атарщикова 2017: 1-3]. Их изучение и систематизация представляют собой важную задачу для лингвистики и, в частности, для лексикографии. Современные словари стремятся не только зафиксировать фразеологический состав языка, но и предоставить пользователю исчерпывающую информацию об их семантике, стилистической окраске, грамматических особенностях, происхождении и употреблении. Данная статья посвящена анализу структуры и функций фразеологизмов в современных словарях, а также исследованию тенденций развития фразеологии в контексте новых технологий и социальных медиа.

Фразеология – это раздел лингвистики, изучающий устойчивые сочетания слов, обладающие единым, переосмысленным значением. Фразеологизмы, в отличие от свободных словосочетаний, не создаются в процессе речи, а воспроизводятся в готовом виде.

Лексикографическое описание фразеологизмов представляет собой сложный процесс, требующий учета различных факторов, таких как:

- классификация фразеологизмов: существуют различные классификации фразеологизмов, основанные на степени семантической слитности компонентов (фразеологические сращения, единства, сочетания), стилистической окраске (книжные, разговорные, просторечные), грамматической структуре (предложения, словосочетания, слова);

- семантическая интерпретация: определение значения фразеологизма часто представляет собой трудность, поскольку его семантика не всегда выводится из значения составляющих его слов. Словарь должен предоставлять четкое и точное толкование значения, а также указывать на его возможные оттенки;

- стилистическая характеристика: фразеологизмы могут иметь различную стилистическую окраску, которая определяет сферу их употребления. Словарь должен содержать информацию о стилистической принадлежности фразеологизма (например, разговорный, книжный, ироничный) и рекомендации по его уместному использованию;

- грамматические особенности: фразеологизмы могут обладать специфическими грамматическими свойствами, которые необходимо учитывать при их использовании. Словарь должен указывать на грамматические характеристики фразеологизма (например, род, число, падеж) и особенности его сочетаемости с другими словами;

- этимология и история: информация о происхождении фразеологизма может помочь лучше понять его значение и стилистическую окраску. Словари часто содержат этимологические справки, в которых рассказывается об истории возникновения фразеологизма и его связи с культурой и историей народа.

Современные фразеологические словари обычно включают следующие элементы словарной статьи:

- заголовочное слово (фразеологизм): фразеологизм, представленный в своей основной форме;

- толкование значения: четкое и точное объяснение значения фразеологизма;

- стилистическая помета: указание на стилистическую принадлежность фразеологизма;

- грамматические характеристики: информация о грамматических особенностях фразеологизма;
- примеры употребления: примеры использования фразеологизма в контексте, взятые из художественной литературы, публицистики и разговорной речи;
- синонимы и антонимы: фразеологизмы, близкие или противоположные по значению данному фразеологизму;
- варианты и производные: вариации фразеологизма и образованные от него новые фразеологизмы;
- этимологическая справка: информация о происхождении фразеологизма;
- иллюстрации: в некоторых словарях фразеологизмы сопровождаются иллюстрациями, которые помогают визуально представить их значение.

Подходы к описанию фразеологизмов в отечественных и зарубежных словарях могут различаться. Отечественные словари часто уделяют больше внимания стилистической окраске и грамматическим особенностям фразеологизмов, а также их связи с русской культурой и историей [Бельчиков 1993]. Зарубежные словари, напротив, могут больше фокусироваться на семантической стороне фразеологизмов и их употреблении в различных контекстах. Кроме того, могут наблюдаться различия в классификации фразеологизмов и в способах представления информации в словарной статье.

Развитие новых технологий, особенно интернета и социальных медиа, оказывает существенное влияние на развитие фразеологии [Валгина 2001]. С одной стороны, интернет предоставляет огромные возможности для сбора и анализа фразеологического материала. С другой стороны, в интернете появляются новые фразеологизмы, отражающие особенности сетевой коммуникации и интернет-культуры (например, *мем*, *хайп*, *лайк*).

Современные онлайн-словари активно используют новые технологии для представления информации о фразеологизмах, предлагая пользователям возможность поиска по ключевым словам, прослушивания аудиозаписей, просмотра видеороликов с примерами употребления.

Фразеологизмы играют важную роль в коммуникации, делая речь более выразительной, образной и эмоциональной. Использование фразеологизмов позволяет говорящему или пишущему выразить свое отношение к происходящему, подчеркнуть те или иные аспекты ситуации, а также установить контакт с аудиторией. В образовании фразеологизмы используются для обогащения словарного запаса учащихся, развития их речевых навыков и повышения уровня языковой культуры. Изучение

фразеологии способствует лучшему пониманию языка и культуры, а также формированию коммуникативной компетенции.

Фразеологизмы являются важным элементом лексической системы языка и играют значительную роль в коммуникации и культуре. Современные словари стремятся к полному и всестороннему описанию фразеологизмов, учитывая их семантические, стилистические, грамматические и этимологические особенности. Развитие новых технологий и социальных медиа оказывает существенное влияние на развитие фразеологии, приводя к появлению новых фразеологизмов и изменению форм их представления в словарях. Изучение фразеологии является важной составляющей образовательного процесса, способствуя развитию речевых навыков, повышению языковой культуры и формированию коммуникативной компетенции. Дальнейшие исследования в области фразеологии и лексикографии необходимы для более глубокого понимания этого динамичного и многогранного объекта исследования [Ожегов 1974].

❖ Список литературы

1. Атарщикова, Т.Н. Фразеологизмы как средство активизации речевой деятельности / Т.Н. Атарщикова, А.А. Калитвенцева, А.Н. Головченко // Молодой ученый. – 2017. – Т. 1. – № 22 (156). – С. 1-3.
2. Бельчиков Ю.А. «Что было выражено словом, то было и в жизни...» // Русская речь. – 1993. – № 3. – С. 30-35.
3. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке : Учебное пособие. – Москва: Логос, 2001. – 203 с.
4. Ожегов С.И. Лексикология, Лексикография. Культура речи : Учеб. пособие для вузов. – Москва : Высшая школа, 1974.

Голикова М.М.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

СЛОВАРЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОКОВ

Аннотация. Статья посвящена обзору словарей, помогающих выявить наиболее значимые лингвистические особенности, характерные для того или иного временного отрезка. Особое внимание уделяется словарю как инструменту для лингвокультурных исследований, позволяющему раскрыть значимые культурные особенности этноса.

Ключевые слова: словарь, лингвокультурология, культурный код, лексикография.

Summary. The article is devoted to an overview of dictionaries that help identify the most significant linguistic features characteristic of a particular time period. Special attention is paid to the dictionary as a tool for linguistic and cultural research, which makes it possible to reveal significant cultural features of an ethnic group.

Keywords: vocabulary, cultural linguistics, cultural code, lexicography.

Лингвистические словари – общепризнанные помощники филологов. Широкая палитра этих словарей даёт возможность рассматривать языковые явления с самых разных точек зрения. Однако «нецелевое» использование словарного материала также может быть чрезвычайно полезным для учёного.

С. Маршак в знаменитом стихотворении «Словарь» писал: «На всех словах – события печать». Эта поэтическая строка созвучна лингвокультурологическому направлению исследований в целом, а упоминание словаря как «древней рассыпанной повести» творчески характеризует результат деятельности лексикографов. Однако всегда ли «рассыпанная повесть» должна быть древней? Как показывает практика, сегодня это утверждение актуально не в полной мере: всё больше словарей посвящаются отдельным аспектам языка, имеющим чёткую хронологическую (причём современную автору) привязку. Как же изучить речь представителей того или иного поколения, используя словари разных типов?

Безусловно, наиболее очевидный вариант – обращение к источникам, изначально направленным на фиксацию единиц, используемых на том или ином отрезке истории человечества. Примером может послужить многотомный академический «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» [Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)], выпуск новых томов которого не завершён и по сей день. «Источники словаря – летописи, хроники, жития, поучения, похвалы, юридическая литература, грамоты, в том числе берестяные, надписи на предметах материальной культуры, в их числе многие неизданные тексты», – отмечается во вступительной статье [Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)]. Такой подход призван максимально

широко охватить узус обозначенного периода. Исследователь может обращать внимание на частоту включения лексем той или иной тематической группы, обращать внимание на развитие переносных значений и выявлять иные факты, важные для понимания языковой ситуации в древне- и старорусский периоды. Вполне естественно, что словарь такого типа подходит для изысканий в диахронном ключе. Но как быть с исследованиями синхронными?

Одним из главных инструментов может стать толковый словарь. Однако, на наш взгляд, для создания некоего «портрета эпохи» целесообразным представляется именно сопоставительное изучение словарей, выпущенных в разные годы. Как известно, одна из самых сложных задач лексикографии связана именно с отбором фиксируемого материала. Почему сначала слово включают в авторитетный словарь, а спустя десятилетия уже нет? Лингвистические и (в особенности) экстралингвистические причины таких расхождений могут быть достаточно показательными, однако требуют аккуратной интерпретации. Так, например, совсем недавно был анонсирован выход нормативных словарей, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка РФ. Это событие не могло не спровоцировать общественные дискуссии, самым острым вопросом в которых стала фиксация слов с пометой *бранное*, а также расширение списка корней нецензурных слов. Значит ли это, что носители языка стали больше ругаться? Вопрос спорный. По словам профессора А.Н. Баранова (которые, к слову, во многих СМИ передавались в искажённом виде), расширение вокабуляра «слабо связано с реальным речевым употреблением» [Гранина 2025], а включение в число нецензурных корней, ранее имевших иные стилистические пометы, вызвало у учёного недоумение. А.Н. Баранов полагает, что причина может скрываться в «общей политической и идеологической ситуации», а также особенностях языкового чутья составителей словаря [Гранина 2025]. Получается, что изменения подобного рода хоть и становятся достаточно интересными для изучения, но в то же время не могут служить основой для однозначных выводов об изменениях в лингвокультуре и обществе в целом.

Упомянутый выше исследовательский подход предполагает в большей мере статистическое изучение не столько самих словарных статей, сколько отобранных составителями вокабул (хотя фиксируемые «старые» и «новые» значения полисемантических слов тоже могут представлять интерес). Возможны ли другие варианты? Полагаем, что да, однако для этого могут пригодиться аспектные словари, уделяющие внимание конкретной тематической области. Рассмотрим примечательные, на наш взгляд, издания, способные помочь в первую очередь с составлением языкового портрета русского человека применимо к последним десятилетиям.

Работа над фиксацией изменяющихся слов и значений продуктивно ведётся в Институте лингвистических исследований РАН на протяжении многих десятилетий. Авторитетный коллектив подготовил словари и справочники, позволяющие получить представление о характерных для того или иного периода лексемах. Так, например, характеристике последних десятилетий XX столетия посвящены словари-справочники «Новые слова и значения». Каждый том освещает языковые явления, характерные для того или иного десятилетия, начиная с 60-х годов. Для 90-х потребовалось целых 3 тома, что можно объяснить серьёзными общественно-политическими преобразованиями государства, повлекшими за собой существенные сдвиги в культуре, экономике и, разумеется, индивидуальном сознании граждан. Неслучайно здесь можно найти слова, характеризующие не только новые явления (*боди-арт* ‘особый вид живописного искусства – расписывание красками обнаженного тела’ [Новые слова и значения 2009: 204], *баунти* ‘шоколадный батончик с кокосовой начинкой’ [Новые слова и значения 2009: 140], но и новые значения привычных слов, возникшие на сломе эпох (*дерево* ‘деревянные, рубли (разг., пренебр.)’ [Новые слова и значения 2009: 493]), а также иллюстрирующие исторические реалии (*дворовцы* ‘члены партии ДВР’ [Новые слова и значения 2009: 462], *гэкачепизм* ‘воззрения и идеология лидеров Государственного комитета по чрезвычайному положению, попытавшегося совершить государственный переворот в СССР (август 1991 г.) (разг.)’ [Новые слова и значения 2009: 451]). Детальное исследование материалов подобных словарей даёт возможность не только выявить природу культурных артефактов, зафиксировать время появления тех или иных реалий в языке и жизни людей (особенно благодаря наличию примеров из реальных источников, преимущественно СМИ), но и определить особенности мышления человека того времени, формирующие и определённую языковую картину мира: например, использование прилагательных вроде *доавгустовский* ‘предшествующий политическим событиям в России в августе 1991 года (так называемому путчу)’ [Новые слова и значения 2009: 524] или *догайдаровский* ‘предшествующий реформам Е.Т. Гайдара возглавившего правительство России в 1992 г.’ [Новые слова и значения 2009: 524] и т.п. свидетельствует о появлении особого мироощущения, где хронотоп вступает в прямую зависимость от политической обстановки, а затем вербализуется.

Заслуживают внимание и словарные материалы «Новое в русской лексике», ежегодно (но с перерывами) выпускавшие уже упомянутым Институтом лингвистических исследований РАН. Каждый выпуск отражает языковую ситуацию одного года и может быть чрезвычайно полезен для лингвокультурологических, социолингвистических и иных исследований. Выпуски последних лет – один из главных авторитетных источников

информации о лексике последних лет, в том числе неологизмах, имеющих чёткую культурно-событийную основу. Так, последний выпуск (2022 год) отражает смену одной событийной повестки на другую, спровоцировавший появление большого количества новых слов [Новое в русской лексике 2023]. У таких новообразований может отсутствовать дефиниция, однако будет продемонстрирован механизм образования слова. Анализ вокабуляра показывает, что в речи носителей языка ещё активно встречается лексика, связанная с пандемией коронавируса. Здесь не только нейтральные и/или профессионально окрашенные номинации вроде *ковид*, *коронавирус*, слова с компонентом *Zoot* по названию наиболее распространённого в эпоху дистанта приложения (*Zoot-видеозвонок*, *Zoot-подписка*), но и коннотативно окрашенные неологизмы, в т. ч. производные от вышеупомянутых слов: *ковидострофа*, *ковид-загул*, *корона-психоз*, *Zoot-переутомление* и т. п. Большое количество слов связано с началом проведения специальной военной операции РФ на Украине. Это собственно номинации вроде *спецоперация*, *СВО*, названия видов вооружения и фортификационных сооружений (*джавелин*, *зубы дракона*), а также многочисленные новообразования идеологического характера. Большинство слов СВО-тематики имеют яркую коннотативную окрашенность, что связано с особой важностью события для общества, сопряжённой с оценочностью. Многие слова отрицательно характеризуют противников спецоперации, что подтверждается и имеющимися в словаре пометами (*нетвойнешка*, *нацифист*, *мнестыдновец*). Отдельные визуальные знаки приобретают характер символов. Так, обозначение *Z*, используемое изначально в военной среде, вышло за её пределы и обросло дополнительным смысловым наполнением. Неслучайно словарь фиксирует большое количество слов, где *Z* – это не столько буква, сколько полноценный словообразовательный компонент (*Z-патриот*, *Z-движение*, *Z-поэзия*). Многие слова связаны с социально-экономическими событиями, сопровождающими спецоперацию (*икеезамещение* ‘о замещении товаров ушедшего из страны бренда’, *релокация* ‘массовый отъезд граждан за границу после объявления частичной мобилизации’, *запрещёнобук* и *запретграм* ‘трансформированные названия социальных сетей, запрещённых на территории РФ’). Большое количество подобных слов, зафиксированное словарём, служит маркером общественных настроений и способно показать актуальные для общества переживания, эксплицитовать ценностное пространство.

Словари, фиксирующие слова, имеющие под собой какую-то общую событийную основу, могут быть особенно полезны для изучения языковой ситуации того или иного периода. Для современности одним из наиболее ярких примеров такого издания может стать «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», также выпущенный коллективом ИЛИ РАН [Словарь

русского языка коронавирусной эпохи 2021]. Как уже было отмечено выше, пандемия COVID-19 стала знаковым событием для всего мира, что не могло не отразиться и на языке. Статья в таком словаре имеет классическую структуру: заголовочное слово, грамматические и стилистические пометы, дефиниция, примеры реального словоупотребления (Рис. 1):

КОВИ́ДЛА, *ы, ж. Разг. ирон.* О коронавирусной инфекции. Понимая., что вся эта ковидла, в которую мы вляпались всей планетой — может, и надолго, но точно не навсегда. Око планеты 25.03.2020. Сегодня в столичных поликлиниках действует отлаженный и весьма эффективный алгоритм выявления больных коронавирусом, но только среди так называемых групп риска, т. е. людей, для кого «ковидла» (так в соцсетях обозвали заболевание COVID19) может представлять смертельную опасность. Профиль 30.03.2020. Читал недавно статью, в которой рассказывается о том, как олигархи помогают государству в его борьбе с «ковидлой». 12.04.2020. Как Вашингтон, так и Тегеран столкнулись с тяжёлыми проблемами с экономикой, вызванными пандемией «ковидлы». Навигатор 27.04.2020. / Вообще, ковидла-шмovidла, — могло бы быть и хуже, дорогие друзья. continentalist.ru 23.05.2020. В моём распоряжении оказалась московская районная газета, посредством которой главный ковидист столицы СС <С.С. Собянин> продолжает окормлять паству ковидлой девятнадцатой. zen.yandex.ru 17.11.2020. — См. Пр. 2 (1.3).

Рис. 1. Пример словарной статьи

Большинство представленных слов являются неологизмами, но можно встретить и примеры развития новых значений узусальных лексем: *дистанция* ‘о социальной дистанции в период пандемии коронавирусной инфекции (ирон.)’ [Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021: 47], *паспорт* ‘об официальном документе, подтверждающем наличие у человека иммунитета (антител) к коронавирусной инфекции (в результате болезни или вакцинации)’ [Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021: 202]. Чаще всего такой семантический сдвиг обуславливается сужением значения, однако возможны и метафорические переносы для создания иронии.

Особого внимания заслуживает приложение – «Словарь ковидных русских антипословиц-карантинок» (сост. Х. Вальтер и В.М. Мокиенко). Это не первый опыт авторов в фиксации антипословиц – трансформированных паремий, ключевой образ в которых намеренно изменён для создания комического эффекта. Авторы собрали наиболее яркие антипословицы, тематически связанные с пандемией, провели анализ каждой единицы, в т.ч. с точки зрения установления связей с эквивалентами из других славянских языков, а также в отдельных случаях дали лингвокультурный комментарий и даже предложили другие варианты антипословиц. Следовательно, статья приобрела следующий вид (Рис. 2):

ХЛЕБ

Не ковидом единым. К.

✚ ✚ ✚ *Не хлебом единым жив человек.* Кроме забот о материальном благосостоянии, у человека должны быть духовные запросы и потребности. Говорят, когда хотят напомнить человеку о его душе. Выражение упрека или одобрения.

📖 Пословица книжная, старославянская по происхождению. Восходит к Библии: «Не о хлебе единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Второзаконие, VIII, 3; Евангелие от Матфея, IV, 4; Евангелие от Луки, IV, 4).

◇ *Не единым хлебом жив человек; Не хлебом единым сыты, но и не без хлеба жить; Одним хлебом сыт не будешь.*

◆ Не водкой единой пьян человек! Кто что знает, тем и хлеб добывает. Не хлебом единым, а воблой и пивом! Не мазутом единым... Не славой единой...

Рис. 2. Описание антипословицы

Вышеописанный словарь служит не только ценным лингвистическим изданием, это целая «энциклопедия русской жизни», которая может оказать неоценимую пользу и в гуманитарных исследованиях других профилей (исторического, психологического, социологического и т.п.).

Узкоспециализированные словари могут быть интересны и при ретроспективном изучении. Так, например, «Словарь модных слов» В.И. Новикова призван продемонстрировать слова, активно используемые носителями языка. Первая редакция словаря вышла в 2012 году, и, как показывает практика, многие слова уже утратили былую популярность (*мейнстрим, хипстер*) [Новиков 2018]. Подтверждением тому служат комментарии пользователей в интернете, а также наблюдения автора этой статьи, подкреплённые общением со студенческим контингентом. Подобные тенденции наблюдаются и в «Словаре языка интернета.ru» под ред. М.А. Кронгауза [Словарь языка интернета.ru 2018]. Отражающий популярные лексемы и фраземы ранней эпохи развития интернета в России, он содержит большое количество конструкций (в т.ч. мемов, образцов медиатекстов), которые непонятны или понятны не в полной мере современному человеку, не заставшему периода их активного функционирования. Однако подобные единицы могут быть важными для изучения развития языка с лингвокультурных позиций, способны выявить аксиологические доминанты на определённом этапе развития общества.

Настоящий краткий обзор ставил своей целью наметить основные способы использования словаря для изучения языка современников. Как видим, разнообразие лексикографических изданий даёт плодотворную почву для проведения самых разных лингвистических исследований.

❖ **Список литературы**

1. Гранина Н. Все больше слов в России объявляют нецензурными. К чему это приведет? // Lenta.ru. – 10.06.2025. – URL: <https://lenta.ru/articles/2025/06/10/badwords/>
2. Новиков В.И. Словарь модных слов. Языковая картина современности. – Москва: АСТ-Пресс, 2018. – 352 с.
3. Новое в русской лексике. Словарные материалы–2022 / Сост. Е.С. Громенко, А.Е. Дёмина, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, А.С. Павлова, М.Н. Приёмывшева, Ю.С. Ридецкая. – Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2023. – 254 с.
4. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. / Сост. Т.Н. Буцева, Е.А. Левашов, Ю.Ф. Денисенко, Н.Г. Стулова, Н.А. Козулина, С.Л. Гонобоблева. Ин-т лингвистических исследований РАН. – Санкт-Петербург: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. – 815 с.
5. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Р.И. Аванесов. – Москва: Рус. яз., 1988. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-drevnerusskogo-jazyka-11-14-vv/>
6. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Сост. Х. Вальтер, Е. Громенко, В. Мокиенко и др. – Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 550 с.
7. Словарь языка интернета.ru / под ред. М.А. Кронгауза. – Москва : Словари XXI века, 2018. – 288 с.

Зубкова В.В.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород;
науч. рук. – Чумак-Жунь И.И.,
д. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКИХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВАРЕЙ В.И. ДАЛЯ, С.И. ОЖЕГОВА)

Аннотация. В статье исследуется эволюция лингвистической терминологии, представленной в русских толковых словарях XIX–XX веков. На материале «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля и «Словаря русского языка» С.И. Ожегова прослеживаются изменения в понимании и дефинициях базовых лингвистических терминов, отражающие развитие лингвистической науки и языковой нормы. Анализ проводится с применением сопоставительного и историко-семантического методов, что позволяет выявить как преемственность в трактовке терминов, так и новые тенденции, связанные с научным прогрессом и кодификацией литературного языка.

Ключевые слова: лексикография, толковый словарь, терминология, лингвистика.

Summary. The article examines the evolution of linguistic terminology presented in Russian explanatory dictionaries of the 19th–20th centuries. Based on the material of the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V.I. Dahl and the Dictionary of the Russian Language by S.I. Ozhegov, changes in the understanding and definitions of basic linguistic terms are traced, reflecting the development of linguistic science and linguistic norms. The analysis is carried out using comparative and historical-semantic methods, which makes it possible to identify both continuity in the interpretation of terms and new trends related to scientific progress and codification of the literary language.

Keywords: lexicography, explanatory dictionary, terminology, linguistics.

Лингвистическая терминология, как и любая специализированная лексическая система, является отражением развития соответствующей науки и, одновременно, инструментом ее дальнейшего прогресса. Она аккумулирует научные знания, фиксирует новые понятия и категории, обеспечивая возможность точной и однозначной коммуникации между специалистами. Изучение эволюции лингвистической терминологии представляет собой важную задачу для понимания динамики развития лингвистической мысли, выявления ключевых этапов становления научных концепций и определения изменений в представлениях о языке как объекте исследования.

Толковые словари, являясь не только нормативными справочниками, но и своего рода «энциклопедиями языка», играют важную роль в кодификации и распространении лингвистических знаний. Они фиксируют значения терминов, отражают их употребление в речи и, тем самым, оказывают влияние на формирование языковой компетенции носителей языка, в том числе и

специалистов-лингвистов. Поэтому анализ лингвистической терминологии, представленной в толковых словарях, позволяет получить ценную информацию об эволюции лингвистической науки и ее отражении в общественном сознании.

Особый интерес, в этой связи, представляет сравнение лингвистической терминологии в словарях разных эпох, отражающих различные этапы развития лингвистики. В данной статье мы обратимся к сопоставительному анализу «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля и «Словаря русского языка» С.И. Ожегова. Выбор этих словарей обусловлен несколькими факторами. Во-первых, они представляют собой знаковые лексикографические труды, оказавшие значительное влияние на формирование русской литературной нормы. Во-вторых, они отражают различные периоды развития лингвистики: словарь В.И. Даля – эпоху становления языкознания как самостоятельной науки, а словарь С.И. Ожегова – период расцвета структурализма и системного подхода к изучению языка. В-третьих, они существенно различаются по своей цели и принципам составления, что позволяет выявить различные подходы к представлению лингвистической терминологии в толковом словаре.

Состав толковых словарей представляет для нас больший интерес, чем специальные терминологические источники, поскольку именно к ним обращаются школьники и студенты чаще всего в процессе изучения лингвистики.

Перед тем как приступить к сопоставительному анализу словарных статей конкретных терминов, необходимо изучить состав словников каждого словаря, чтобы выявить основной корпус поля «Лингвистическая терминология». Прежде всего отметим, что в обоих источниках представлены как узкоспециальные, так и общеупотребительные термины, однако, если в словаре С.И. Ожегова мы вычленим собственно лингвистические понятия с помощью специальных помет, то в труде В.И. Даля эта задача усложняется, поскольку пометы здесь не используются, таким образом, нам приходится определять принадлежность лексем к языкознанию, опираясь на узкоспециальные словари. Важно, что собственно лингвистические термины практически все имеют в своем толковании только одно значение, а вот общеупотребительные многозначны. Под многозначностью мы понимаем «внутреннее строение слова, когда несколько понятий, которые реализуются в форме иерархически организованных значений, обладающих общим семантическим признаком, объединяются одним языковым знаком – материальной оболочкой» [Чумак-Жунь 2018: 77]. Скажем также, что, в связи с тем, что оба тезауруса были изданы век и два века назад соответственно,

большое количество современных лингвистических терминов-композигов мы не встретим ни в одном из них (например, *юрлингвистика*, *нейролингвистика* и т.д.). В словаре В.И. Даля количественный состав интересующих нас единиц значительно меньше, чем в словаре С.И. Ожегова. Например, в первом источнике отсутствуют такие понятия, как *морфология*, *словообразование*, *окончание*, *суффикс* и т.д. Однако, есть термин *корень*, в котором фиксируется лингвистическое значение:

«КОРЕНЬ м. корешок, корешочек, коренек умалит. корнишка презрительное, корнища увеличительное, подземная часть всякого растения. У деревьев различают стеновой и боковые корни, а при них корешки и мелкие мочки. вбирающие влагу. Корень бывает: луковичный, клином, редькою, махорчатый, ползучий и пр. || В твер. корень зовут вообще кочерыжкой, а корнем клюку или кочергу. Часть растения между стволом и корнем называют корневище, оно более заметно у папоротников. Корень зуба, волоса, пера, ногтя и пр. та часть, которая вросла в тело. Корень, корешок книги, задок, сшивка, где она сшита. Переплести в корешек, в кожаный задок и бумажную покрывку досок. Приворотный корешек, у знахарей и ворожеек, заставляющий любить кого. Корень дела, начало, основание, источник. Мой корень там-то, тамб. родина, оседлость. Корень слова, производство, слог или звук, от которого слово произошло» [Даль 1978].

Для того, чтобы провести сравнительно-сопоставительный анализ, представим словарную статью этой же лексики из словаря С.И. Ожегова:

«КОРЕНЬ, рня, мн. рни, рней, м. 1. Подземная часть растения, служащая для укрепления его в почве и всасывания из неё воды и питательных веществ. Главный, боковой, придаточный к. Воздушные корни (у лиан и нек-рых других растений высоко над землёй: придаточные корни на надземных побегах). В саду десять корней яблонь (т. е. десять яблонь). Споткнуться о к. (о корень, выступающий из земли). Гнить на корню (также перен.: разлагаясь, гибнуть). Корни пустить (также перен.: прочно обосноваться где-н.; разг.). Под к. подрубить (не оставив пня; также перен.: полностью подорвать, уничтожить). С корнем вырвать (также перен.: уничтожить совсем). От доброго корня добрая и отрасль (стар. посл.). 2. Внутренняя, находящаяся в теле часть волоса, зуба, ногтя. Покраснеть до корней волос (очень сильно). 3. перен. Начало, источник, истоки чего-н. К. зла. Крепкие корни у кого-чего-н. (давнее происхождение). 4. В языкознании: основная, значимая часть слова, вычленяемая в нём после отделения окончания, приставок и суффиксов» [Ожегов 2000].

Во-первых, стоит отметить, что С.И. Ожегов структурирует словарную статью и нумерует каждое значение термина. Во-вторых, как мы видим,

В.И. Даль не использует помет (в отличие от современной лексикографической практики, где пометы используют для того, чтобы пользователю было проще определить, к какой области научного знания относится то или иное толкование). В-третьих, в обоих словарях нужное нам значение представлено последним, при этом толкование В.И. Даля кажется современному человеку несколько странным, поскольку *корень* сегодня не принято понимать как слог или звук, от которого образуются слова, в словаре же С.И. Ожегова определение данного термина расширяется до современного научного понимания.

Заметим, что исследование даже словарной статьи одной дефиниции в нескольких словарях даёт нам представление не только о том, как в разное время понимали то или иное слово, но и о способах составления лексикографических источников.

Интерес представляет и само толкование некоторых терминов, например, термина *орфография*. В.И. Даль в словарной статье отсылает к *ортографии*, указывая на единение этих понятий. Более того, определении *ортографии* есть указание на то, что *ортопедия* является однокоренным словом, однако, с точки зрения современной лингвистики, такое мнение является устаревшим.

Рассмотрим еще один термин:

«ЛЕКСИКОН м. словарь, речник, словотолк, словник, словотолковник. Лексиконный порядок слов, словарный. Лексический словарный. Лексические правила, заметки. Лексикология ж. наука о составе, производстве, образовании языка. Лексикография ж. составление, обработка словарей. Лексикографический труд требует лексикологических изысканий. Лексиколог м. ученый, занимающийся сравнительными розысками состава слова или языков; лексикограф м. составитель словарей» [Даль 1978].

«ЛЕКСИКОН, а, м. 1. То же, что словарь (в 1 знач.) (устар.). Французский л. 2. Запас слов, лексика (книжн.). Бедный л. у кого-н.» [Ожегов 2000].

Толкование В.И. Даля представлено с помощью синонимов, некоторые из которых относятся к церковнославянизмам (*словотолк*, *словотолковник*). Кроме того, лексема *лексикология* входит в гнездо слова *лексикон*, хотя раздел языкознания в современном представлении прямо не соотносится со словарем.

С.И. Ожегов же указывает на то, что определение *лексикона* как словаря устарело, и расширяет значения ‘запасом слов’, чего не было в первом источнике.

Таким образом, на основе результатов анализа поля «Лингвистическая терминология», представленного в двух толковых словарях, можно сказать о

том, что отсутствие в словаре В.И. Даля многих терминов отражает развитие лингвистики и расширение ее предметной области в XX веке. Толкования исследуемых нами дефиниций соответствуют уровню развития науки того временного периода, в котором был издан источник, так, представления о многих терминах в словаре В.И. Даля довольно значительно отличаются от современных толкований, а вот язык словаря С.И. Ожегова уже более близок к нашему времени и язык его труда также более научен, чем тезаурус XIX века.

Исследование словарных дефиниций позволяет не только проследить динамику развития отдельных терминов, но и получить представление об общих тенденциях и закономерностях развития лингвистической науки и ее взаимодействия с культурой и обществом. Изучение лингвистической терминологии в исторических словарях является важным аспектом исследования истории лингвистической мысли и формирования научного знания о языке.

❖ Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского русского языка. Том 2. – Москва, 1978. – URL: <https://gufo.me/dict/dal>
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – Москва : Азбуковник, 2000. – 793 с.
3. Чумак-Жунь И.И. Семантические трансформации слова как результат дискурсивного воздействия // Лексикография и коммуникация – 2018: Сборник материалов IV Международной научной конференции, Белгород, 26–27 апреля 2018 года. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – С. 76-80.

Иванова В.В.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород;
науч. рук. – Соболева Т.Е.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ФРАНЦУЗСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СЛОВАРЕ ДАЛЯ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Аннотация. В данной работе исследуются семантические трансформации французских заимствований, зафиксированных в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. На примере таких слов, как авангард, будуар и ридикюль, анализируются изменения в значении и коннотациях, произошедшие в процессе адаптации французских слов в русский язык XIX века. Исследование позволяет выявить языковые и культурные факторы, влиявшие на семантические трансформации, а также оценить роль словаря Даля в интеграции заимствований в русскую языковую систему. В качестве эмпирического материала используются словарные статьи из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, «Большой толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова, французский толковый словарь Le Petit Robert.

Ключевые слова: заимствования, семантические трансформации, лексикография, культурный контекст, русский язык, французский язык, XIX века, адаптация, лингвокультурология.

Summary. This work investigates the semantic transformations undergone by French loanwords as documented in Vladimir Dal's "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language." Employing examples such as авангард (avant-garde), будуар (boudoir), and ридикюль (reticule), the analysis focuses on the shifts in meaning and connotations that occurred during the adaptation of French vocabulary into the Russian language of the 19th century. The research aims to identify linguistic and cultural factors influencing these semantic transformations, as well as to assess the role of Dal's dictionary in integrating these loanwords into the Russian linguistic system. The empirical material consists of dictionary entries from Dal's "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language," Kuznetsov's "Great Explanatory Dictionary of the Russian Language," and the French dictionary Le Petit Robert.

Keywords: borrowing, semantic transformations, lexicography, cultural context, Russian language, French language, 19th century, adaptation, linguoculturology.

Актуальность изучения французских заимствований в русском языке, особенно в контексте XIX века, обусловлена несколькими ключевыми факторами.

Во-первых, роль заимствований в развитии языка неоспорима. Они являются одним из основных механизмов обогащения словарного запаса, отражают изменения в культуре, науке, технике и социальной жизни общества. Заимствования свидетельствуют о контактах между народами и служат своего рода «культурными маркерами», указывающими на сферы влияния и обмена.

Во-вторых, влияние французского языка на русский язык в XIX веке было чрезвычайно значительным. Французский язык, будучи языком аристократии, образования и дипломатии, глубоко проник в русскую культуру. Французские заимствования охватывали широкий спектр областей: от моды и кулинарии до литературы, искусства и философии. Эти заимствования не только обогатили русский язык новыми словами, но и повлияли на формирование мировоззрения и культурных ценностей русского общества [Виноградов 1982].

Несмотря на то, что влияние французского языка на русский в XIX веке хорошо известно, вопрос о конкретных механизмах адаптации и трансформации французских концептов в русской культуре, отражённых в лексико-графических источниках, требует более детального изучения.

В соответствии со сформулированной проблемой целью исследования является выявление и анализ семантических трансформаций французских заимствований, представленных в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, а также определение их культурного контекста и особенностей отражения в словаре Даля. Это исследование имеет значение для истории русского языка, лингвокультурологии, социолингвистики и культурологии.

Процесс заимствования и адаптации иноязычной лексики является одним из важнейших аспектов языкового развития, отражающим культурные, социальные и эконо-мические контакты между народами. Существует множество теорий, объясняющих причины, механизмы и последствия этого процесса. Яркими примерами таких преобразований в словаре могут являться теории «престижа» и «моды» в языке. Заимствования могут происходить из-за престижности языка-источника, влияние которого может быть связано с его политическим, экономическим или культурным доминированием. В таком случае заимствования указывают на принадлежность к определенному социальному слою или культурному контексту [Виноградов 1982].

Стоит отметить, что процесс адаптации иноязычного слова – это не только изменение его фонетической формы и приспособление к грамматической системе. Не менее важным является семантический аспект, а именно те изменения, которые происходят со значением заимствованного слова в новой языковой среде. Такие смысловые сдвиги могут быть весьма значительными и приводить к расширению, сужению, переосмыслению или даже полной замене исходного значения [Палванова 2017: 419-420].

Как справедливо считает В.Н. Комиссаров, лексико-семантические трансформации – это способ перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц языка перевода, значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них

с помощью определенного типа логических преобразований [Комиссаров 1990: 86]. В этой связи стоит отметить, что одну из важнейших ролей в процессе адаптации и интеграции заимствований в язык занимают словари. Они не просто регистрируют факт появления нового слова, но и влияют на его дальнейшую судьбу, способствуя распространению, унификации написания и произношения, а также определению его места в языковой системе.

Принимая во внимание роль словарей в процессе адаптации заимствованной лексики, для достижения поставленной цели – выявления коннотативных изменений и определения культурного контекста французских заимствований – представляется необходимым обратиться к конкретному языковому материалу, зафиксированному в авторитетном словаре XIX века. Таким словарем является «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля.

Для анализа нами были отобраны лексические единицы, соответствующие следующим критериям:

- 1) наличие французского этимона (указание на французское происхождение в авторитетных этимологических словарях);
- 2) относительная широта распространения в русском языке XIX века (наличие примеров употребления в словаре Даля и других источниках);
- 3) разнообразие тематики (охват различных сфер жизни: светская жизнь, военное искусство, мода);
- 4) различная степень семантических изменений (от полного сохранения значения до существенной трансформации).

В качестве примеров заимствований, подлежащих анализу, мы привели следующие слова: *авангард*, *будуар*, *ридикюль*.

Рассмотрим словарную статью, посвященную слову *авангард* в словаре В.И. Даля: *авангард* – ‘м. воен. авангардия ж. морск. франц. отдельная часть войск, передовой отряд, впереди армии или отряда же’ [Даль 1880: 23]. В современном французском языке (Le Petit Robert) *avant-garde* имеет два основных значения: 1) военное – ‘часть войска, идущая впереди, передовой отряд’ (как и у Даля), и 2) переносное – ‘передовая часть, передовые люди (в науке, искусстве, политике и т.д.)’. В словаре Даля зафиксировано только военное значение слова *авангард*. В русском языке XIX века слово использовалось преимущественно в военной сфере. Со временем в XX веке в русском языке, как и во французском, слово *авангард* приобрело переносное значение: ‘передовая часть общества, новаторы в искусстве, науке, политике’ [Кузнецов 1998: 56]. Таким образом, можно сказать, что в XIX веке произошло сужение значения по сравнению с потенциально возможным на тот момент значением французского слова, а в XX веке – расширение.

Переносное значение, связанное с искусством и новаторством, в русском обществе (особенно в консервативных кругах) поначалу могло восприниматься с настороженностью или даже критикой, так как часто было связано с радикальными и непонятными для широкой публики течениями. Задержка в появлении переносного значения в русском языке может быть связана с тем, что само явление авангардного искусства стало актуальным в России позже, чем во Франции. Возможно, первоначальное сужение значения слова (только военная сфера) отражало приоритеты и интересы русского общества XIX века, которые были больше сосредоточены на военной мощи и безопасности, чем на культурных экспериментах.

Далее проведем анализ лексемы *будуар*. В словаре В.И. Даля *будуар* – это ‘м. франц. дамский кабинет; комната, где светская женщина проводит день свой и принимает близких; хозяйская, теремок, светёлка, горенка. *Будуарные шашни*’. Согласно французскому словарю (Le Petit Robert) *boudoir* имеет значение: ‘1) небольшая элегантная комната, служащая даме туалетным кабинетом или личной гостиной. 2) продолговатое печенье, посыпанное сахарным песком’ [Le Petit Robert 1997: 134]. Указанный второй смысл лексемы является менее распространенным и, вероятнее всего, не связан с первоначальным заимствованием. Основной смысл – дамская комната.

В целом мы можем отметить, что значение слова *будуар* в русском языке, зафиксированное Владимиром Ивановичем Далем, близко к исходному французскому. Можно отметить такие нюансы, как сужение значения и появление новых коннотаций. У Даля в качестве синонимов приведены русские слова: *теремок, светёлка, горенка*. Они могут указывать на то, что в русском сознании *будуар* ассоциировался не только с элегантностью и роскошью, но и с традиционным русским бытом (хотя и в адаптированном, «светском» варианте).

Фраза «будуарные шашни» указывает на появление у слова *будуар* коннотаций, связанных с интригами, любовными похождениями и флиртом. Впрочем, это может отражать не столько изменение самого значения, сколько восприятие образа жизни «светской женщины» в русском обществе. Во Франции *будуар* был важным элементом аристократического быта, отражая культ женственности, галантность и стремление к комфорту и уединению. Будуар был местом, где женщина могла проявить свою индивидуальность и влиять на общественную жизнь, принимая избранных гостей. В русской же культуре *будуар*, как и многие другие элементы французской культуры, был заимствован русским дворянством, стремящимся подражать европейским образцам.

Однако в русском обществе *будуар* не всегда воспринимался однозначно. С одной стороны, он был символом роскоши и статуса, с другой,

мог ассоциироваться с легко-мыслием и моральной распушенностью. Появление коннотаций, связанных с интригами и флиртом, может отражать критическое отношение к образу жизни светских дам, которые проводили много времени в будуарах. Это может указывать на то, что будуар в русском сознании ассоциировался не только с элегантностью и уютом, но и с определенной степенью моральной свободы (или даже распушенности).

Анализ лексемы *будуар* показывает, что заимствование не всегда означает простое копирование. Заимствованное понятие адаптируется к новым культурным условиям, приобретая новые смысловые оттенки и коннотации. В русском варианте *будуар* остался символом элегантности и роскоши, но также приобрел оттенок некоторой «несерьезности» и интриги, что отражает сложное отношение русского общества к французскому образу жизни.

Финальным примером для исследования послужит слово *ридикюль*. Согласно словарной статье из словаря В.И. Даля *ридикюль*: ‘м. франц. устарелое: ручной женский мешочек’. Однако согласно словарю Le Petit Robert *ridicule* имеет следующие значения: 1) (прилагательное) ‘вызывающий смех своей странностью, глупостью; 2) достойный того, чтобы быть высмеянным’ и 3) (существительное) ‘то, что нелепо; нелепый характер’ [Le Petit Robert 1997: 458]. Здесь мы наблюдаем разительное отличие в значении: из прилагательного, характеризующего нечто (человека, ситуацию, предмет), слово превратилось в существительное, обозначающее конкретный предмет – дамский мешочек. Изначальное значение, связанное с нелепостью, смехотворностью, полностью утрачено, осталось только обозначение предмета. В русском языке XIX века *ридикюль* мог приобретать коннотации, связанные с модой и элегантностью (или, наоборот, с устарелостью и нелепостью, если мешочек был старомодным).

Вероятно, перенос значения произошел из-за того, что в Россию пришел конкретный предмет – дамская сумочка, которая была настолько вычурной, странной или старомодной, что ее стали называть «*ридикюлем*» – то есть чем-то смешным, нелепым. Затем связь с прилагательным утратилась, и слово стало обозначать просто сумку. Использование пометки «устарелое» у В.И. Даля указывает на то, что к моменту составления словаря *ридикюли* как предмет гардероба уже выходили из моды, что усиливает ассоциацию с чем-то несовременным. Перенос значения и сужение смысла (от качества к предмету) может указывать на то, что русскому языку оказалось более удобным использовать слово для обозначения конкретного предмета, а не абстрактного качества. Также высока вероятность, что тонкости французского понятия *ridicule* были не до конца поняты и восприняты в русском обществе, что привело к упрощению значения. Таким образом, яркий и запоминающийся

предмет (дамская сумочка) стал ассоциироваться со словом, затмив его первоначальное значение.

Слово *ридикюль* является ярким примером семантической трансформации, когда заимствованное слово полностью меняет свое значение, переходя из категории прилагательных в существительные и обозначая конкретный предмет, а не абстрактное качество. Этот процесс репрезентует особенности восприятия французской культуры в русском обществе и стремление адаптировать иностранные слова к нуждам и особенностям русской языковой системы. Утрата первоначального значения, связанного с нелепостью и смехом, свидетельствует о том, что заимствование было скорее формальным, чем глубоким, и не сопровождалось полным пониманием французского культурного контекста.

Наше исследование французских слов, вошедших в русский язык в XIX веке и зафиксированных в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, показывает, что заимствование – это не просто перенос слова, а его перерождение в новой языковой среде. Меняется смысл, появляются новые оттенки, отражающие особенности русской культуры. Французское влияние было достаточно сильным, но русское общество адаптировало заимствования под себя, наполнив их собственным содержанием. Словарь Даля, зафиксировав эти процессы, сыграл важную роль в интеграции заимствований в русскую языковую систему, предлагая не только дефиниции, но и культурный контекст их употребления.

❖ Список литературы

1. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française: Le Petit Robert / sous la dir. de A. Rey. – Paris: Société du Nouveau Littré, 1997. – 2384 p.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – Москва : Высшая школа, 1982. – 528 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4т. / В.И. Даль. – Санкт-Петербург : Изд-во книгопродавца – типографа М.О. Вольфа, 1880-1882. – 2716 с.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода: учебник для институтов и факультетов иностранных языков. – Москва : Высшая школа, 1990. – 253 с.
5. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 с.
6. Палванова О.И. Адаптация заимствований в русском языке / О.И. Палванова, А.Х. Ваисова // Молодой ученый. – 2017. – № 19 (153). – С. 419-420.

Ковалева С.В.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

«ЯЗЫК ЗАБОЛЕВАНИЙ» МАГИЧЕСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ В.И. ДАЛЯ)

Аннотация. Статья посвящена специфике языка магических фольклорных текстов. Особое внимание уделяется номинациям заболеваний и их трактовке с опорой на словарь В.И. Даля.

Ключевые слова: заговор, фольклорный текст, лингвопрагматика, лингвокультурология.

Summary. The article is devoted to the specifics of the language of magical folklore texts. Special attention is paid to the categories of diseases and their interpretation based on the dictionary of V.I. Dahl.

Keywords: folk spell, folklore text, linguopragmatics, linguoculturology.

Любая культура проходит длительный путь развития. Считается, что необходимой основой существования цивилизации является наличие собственного языка, формирующего менталитет и коллективное сознание. Умирает язык – умирает нация и культура с ее особенностями. Соответственно, с историческим расцветом языка культурный фонд обогащается новыми формами, приобретая уникальные и неповторимые черты. К достижениям культуры относят результаты духовной, общественной и производственной жизни людей. С этой точки зрения особенно интересно рассмотреть язык магических фольклорных текстов, а именно язык народных заговоров, отражающих представления и установки русского народного сознания.

Говоря о «культурности» заговоров, следует дать определение самому термину. «**Заговор (или заклинание)** – произведение магического характера, произносимое с целью воздействия на окружающий мир, его явления и объекты, чтобы получить желаемый результат. Произнесение заговоров часто сопровождалось действиями с водой, огнем, различными предметами, а также крестным знамением» [Зуева, Кирдан 1998: 63]. Примечательно, что в других языках существует слово с подобным смыслом, но обозначает именно заклинание: англ. *spell*, нем. *buchstabieren*, исп. *deletrear*, серб. *чаролија* и др. Лексема *заговор* существует в похожем звучании только в группе восточнославянских языков (укр. *заклинання*, бел. *заговор*). Это говорит об общности происхождения слова в народном сознании русских, украинцев и белорусов, а также свидетельствует о том, с чем ассоциировался данный процесс у восточных славян: существительное *заговор* образовано от глагола *заговорить*, употребляемого в значении *заколдовать*, воздействуя словом.

В словаре В.И. Даля есть толкования: ‘ЗАГОВАРИВАТЬ, заговорить, начать говорить, стать сказывать, заводить речь, разговор. Коли богатый

заговорит, так есть кому послушать. Я б не так с ним заговорил, обошелся бы покруче, строже. || Утомлять разговором, переговорить других, не дать другим сказать слова. Он всех заговорил до смерти. || Завораживать, заколдовывать; таинственными словами, дыханием, движением рук останавливать какое действие, лишать силы. Заговорить змею. Заговорить кровь. Заговаривать уроки, порчу' [Даль 1880: 585].

«Словом можно исцелить, "заговорить", и можно поразить, навести порчу, что свидетельствует о той высокой цене, которую имеет слово в русской народной культуре, где слово зачастую значит больше, чем дело, или, по крайней мере, равнозначно делу» [Кошарная 2020: 77]. Околдованный человек, согласно русской национальной картине мира, теряет концентрацию внимания, бдительность, не может жить и принимать решения разумно, опираясь на законы логики. Следовательно, заговорный магический текст можно понимать, как процесс произнесения заклинательной формулы, которая необходима для воздействия на интересующий объект с целью трансформации реальности.

Особый культурный пласт составляют тексты концептуальной зоны «Здоровье». Отметим, что заболевания в заговорных текстах четко определяются в зависимости от недуга, связанного со здоровьем человека, и имеют конкретное наименование: *колотье, боль в ушах, лишай*. Причинами их возникновения зачастую являются:

- эмоциональная сфера (*испуг* и др.);
- результат какого-либо процесса (*встреча* и др.);
- воздействие извне (*порча* и др.).

Объектом воздействия в лечебных текстах становится заболевание, которое нередко персонифицируется, наделяется сознательными характеристиками, что формально выражается в обращениях к недугам (*лишай, нутряная нутрянка*) и в глаголах в повелительном наклонении (*умри, пропади, плыви* и др.). Болезнь представляется как нечто чужеродное и враждебное организму человека, что можно убрать при помощи заговорного слова и обрядового действа. Зачастую в таких текстах встречается описание обряда, символизирующего «изгнание» болезни при помощи атрибутов: веника, воды, золы, хлеба и др. (*взять лопот хлеба, крепко посолить его и бросить в воду со словами...*).

Исследуя восточнославянские лечебные магические тексты, Т.А. Агапкина представила примерную классификацию характеристик болезней в текстах в зависимости от:

- цвета (*«красная краснуха»*);
- звука (*крикливые ночницы*);

— количества (*тридевять уроков*);
— симптомов (*болючий*);
— эмоциональной оценки (*злой*);
— соматики (*костяной*);
— времени (*годовой*);
— дополнительных внешних признаков (*рожа красивая*)» [Агапкина 2010: 96-100].

Наименования лечебных заговоров носят конкретный характер, указывая на имеющийся в теле человека недуг.

Рассмотрим толкования В.И. Далем некоторых нетипичных номинаций, встречающихся в сборнике народных заговоров Л.Н. Майкова (1869): *от огневицы, от коросты и шелудей, от утина, от усоев*.

Огневица – ‘ж. огнева, горячка. || Растен. *Anacyclus Pyrethrum*, переводн. || Огневица пск. твер. сыпь на губах, прыщеватая, местная сыпь’ [Даль 1881: 666].

Короста – ‘юж. чесотка, свербежная сыпь. Коростой более назыв. сливную чесотку, сплошную (кора?). Зазнался, что вошь в коросте’ [Даль 1881: 171].

Шелуди – ‘шолуди м. мн. вообще, длительная (не острая) сыпь по телу, струпья, короста; || золотушная сыпь, бол. по всей голове, парши. Шолудей в бане не смоешь (а разве наживешь). Кудри-то выются, а шолуди не отстают. Была бы голова, шолуди будут!’ [Даль 1882: 647].

Утин – ‘вост. сев. боль в крестце, в пояснице. Утин лечат: рубят старый веник на крестце. Да пришел утин, да грыжа, на злую силу ездил на осяти, стар. Разыгрался утин во хребте, Кирша’ [Даль 1882: 534].

Усовь – ‘ж. сев. усови мн. твер. усовье ср. вост. болезнь колотье, внутреннее воспаление. Его усови порют. Не ешь через нож: усови колют, поверье: будет колотье. || Усов и усов, симб. вологодск. помеха; досадное дело, неуклюжая вещь. Эка усов (не узов?) кафтан, не лезет! Вишь усов приспела, дорогу править выгоняют!’ [Даль 1882: 531].

Здоровье, а значит комфорт, счастье и благополучие человека обеспечиваются отсутствием болезни. Лечебные заговоры представляют обширную группу узконаправленных текстов, применяемых в разных коммуникативных ситуациях в зависимости от конкретного недуга, поэтому все номинации выстраиваются по типу сочетания существительного с предлогом *от*: *от лихорадки, от жабы* и др.

Оппозицию лечебным заговорам составляют тексты, направленные во вред, однако они составляют меньшую часть концептуальной зоны «Здоровье». Номинации такого плана выражаются целевыми союзами с конкретизацией недуга: *чтобы напустить икоту*.

Таким образом, концептуальная зона «Здоровье» представлена двунаправленными видами заговорных текстов в оппозиции «лечение-вред». Наименования заговоров включают конкретные номинации заболеваний.

Толкование нетипичных лексем возможно благодаря Словарю В.И. Даля, фиксирующему богатый языковой пласт русского культурного наследия.

❖ Список литературы

1. Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. – Москва: Индрик, 2010. – 823 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4т. – Санкт-Петербург: Изд-во книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880-1882. – 2716 с.
3. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор. Учебник для высших учебных заведений. – Москва: Наука, 1998. – 400 с.
4. Кошарная С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. – Белгород: Издательство БелГУ, 2002. – 288 с.
5. Кравцов Н.И., Лазутин С.Г. Русское устное народное творчество. – Москва: Высшая школа, 1977. – С. 68.
6. Майков Л.Н. Великорусские заклинания. – Санкт-Петербург: типография Майкова, 1869. – 164 с.

Мальцева Е.С.,
студент, ОГАПОУ «БПК», г. Белгород;
науч. рук. – Окунева В.Ф.,
преподаватель, БПУ «ОГАПОУ», г. Белгород

ФОЛЬКЛОР И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЕ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию отражения фольклорного наследия в словарном составе языка. Рассматривается влияние устного народного творчества на лексику, фразеологию и народные названия, иллюстрируемое примерами из славянского фольклора. Особое внимание уделяется роли словарей в сохранении и интерпретации фольклорных элементов, а также проблемам, связанным с динамичностью фольклора и субъективностью интерпретации. Предлагается комплексный подход к изучению и сохранению фольклорного наследия в лингвистическом контексте.*

Ключевые слова: фольклор, словарь, русский язык, пословицы, фразеологизмы.

Summary. *The article is devoted to the study of the reflection of folklore heritage in the vocabulary of the language. The influence of oral folk art on vocabulary, phraseology and folk names is considered, illustrated by examples from Slavic folklore. Special attention is paid to the role of dictionaries in the preservation and interpretation of folklore elements, as well as problems related to the dynamism of folklore and the subjectivity of interpretation. An integrated approach to the study and preservation of folklore heritage in a linguistic context is proposed.*

Keywords: folklore, dictionary, Russian language, proverbs, phraseological units.

Фольклор по своей сути является живым голосом народа, отражением его многовековой истории, верований, традиций и мировоззрения. Это не просто собрание сказок, песен и обрядов, а динамично развивающаяся система знаний, передаваемая из поколения в поколение посредством устной традиции. В отличие от него, словарь представляет собой статичный каталог лексических единиц, зафиксированных в письменной форме. Однако при более внимательном рассмотрении становится очевидно, что словарь – это не просто перечень слов, а своеобразное зеркало культуры, отражающее историю народа, его ценности и, конечно же, его фольклорное наследие [Топоров 1995: 200-220].

Влияние фольклора на словарный состав языка проявляется по-разному и охватывает различные аспекты лексической системы. Прежде всего это касается слов, обозначающих реалии народной жизни, поверья и обряды.

Названия мифологических персонажей: славянский фольклор богат мифологическими персонажами, олицетворяющими силы природы, духов предков, добрых и злых существ. Слова, обозначающие этих персонажей, такие, как *Леший*, *Водяной*, *Русалка*, *Баба Яга*, *Кощей Бессмертный*, прочно вошли в активный словарный запас и несут в себе культурный код, отражающий народные представления о мире, добре и зле. Они не только обозначают вымышленных существ, но и являются частью культурной памяти народа.

Термины, связанные с народными обрядами и обычаями: многие слова, обозначающие элементы народных обрядов и обычаев, также имеют фольклорное происхождение. Примеры: *колядки* «песни, исполняемые во время святок», *масленица* «праздник проводов зимы», *русальная неделя* «неделя, посвященная русалкам». Эти слова не только фиксируют реалии народной жизни, но и отражают систему верований и ценностей, присущую традиционной культуре [Веселовский 2020: 150].

Названия предметов быта и орудий труда: многие предметы быта и орудия труда, использовавшиеся в крестьянской среде, также имеют свои названия, уходящие корнями в фольклор. Например, *веретено*, *прялка*, *рушник*, *лапти*, *сарафан*. Эти слова, хотя и обозначают вполне конкретные предметы, часто несут в себе дополнительную символическую нагрузку, связанную с народными представлениями о труде, красоте и гармонии [Телия 1996: 272]. Особое место в отражении фольклора в словаре занимают фразеологизмы и пословицы. Эти устойчивые выражения представляют собой концентрированное выражение народной мудрости, морали, опыта и взглядов на мир.

Фразеологизмы, уходящие корнями в фольклор: многие фразеологизмы имеют фольклорное происхождение и отражают мотивы и образы, встречающиеся в народных сказках, легендах и преданиях. Например, *биться как рыба об лёд* «бесплодные усилия», *жить как кошка с собакой* «постоянная ссора», *за тридевять земель* «далеко». Эти фразеологизмы – не просто образные выражения, но и своеобразные «ключи» к пониманию народной ментальности.

Пословицы и поговорки: моральный кодекс народа: пословицы и поговорки – это краткие изречения, содержащие народную мудрость, моральные нормы и правила поведения. Они часто отражают народные представления о труде, справедливости, чести, любви и дружбе. Примеры: *Что посеешь, то и пожнёшь* «закон возмездия», *Без труда не выловишь и рыбку из пруда* «ценность труда», *С кем поведешься, от того и наберешься* «влияние окружения». Пословицы и поговорки являются важным элементом фольклора, отражающим нравственные устои общества [Караулов 2022: 87].

Словари не только фиксируют фольклорные элементы в языке, но и выполняют важную функцию их интерпретации и сохранения для будущих поколений. Различные типы словарей выполняют разные функции в этом процессе.

Толковые словари: толковые словари, наряду с определением значения слова, часто содержат этимологическую справку, указывающую на происхождение слова из фольклорных источников. Это помогает читателю понять не только значение слова, но и его исторические корни. Кроме того,

толковые словари могут содержать примеры употребления слова в контексте фольклорных произведений.

Фразеологические словари: фразеологические словари подробно разъясняют значения устойчивых выражений и приводят примеры их употребления в литературе и устной речи. Это позволяет сохранить и передать народную мудрость, заключённую во фразеологизмах и пословицах. Кроме того, фразеологические словари могут указывать на фольклорные источники тех или иных фразеологизмов.

Словари народной культуры: существуют специализированные словари, посвященные народной культуре, быту, обрядам и поверьям. Эти словари содержат подробные описания и толкования терминов, связанных с фольклором, и позволяют глубже изучить культурное наследие народа. Они являются ценным инструментом для исследователей, этнографов и всех, кто интересуется историей и культурой своей страны.

Этнолингвистические словари: эти словари рассматривают лексику в контексте культуры и традиций этноса. Они исследуют, как язык отражает картину мира народа, его систему ценностей и верований. Этнолингвистические словари играют важную роль в сохранении и популяризации фольклорного наследия. Несмотря на значительный вклад словарей в сохранение и интерпретацию фольклорного наследия, существуют определённые проблемы, требующие внимания и решения.

Динамичность фольклора и статичность словаря: фольклор – это живой, постоянно меняющийся процесс, в то время как словарь – это статичная фиксация языковых единиц. Поэтому словарные статьи, отражающие фольклорные элементы, могут устаревать и не отражать современные тенденции в устном народном творчестве. Необходимо постоянно обновлять словарный запас и пересматривать словарные статьи, чтобы они соответствовали современному состоянию языка и культуры.

Субъективность интерпретации: интерпретация фольклорных элементов в словаре неизбежно носит отпечаток субъективности. Составители словарей могут иметь разные взгляды на мир, разные ценности и представления о том, что является важным и значимым в фольклорном наследии. Необходимо стремиться к объективному и всестороннему отражению народных представлений и верований, избегая предвзятости и упрощений.

Неполнота отражения: в словарь невозможно включить абсолютно все фольклорные элементы. Особенно это касается узкорегionalных вариантов, диалектных слов и выражений, а также тех элементов, которые существуют только в устной форме и не нашли отражения в письменных источниках. Необходимо постоянно расширять словарный запас и стремиться к более полному отражению фольклорного наследия, включая региональные и диалектные варианты [Якобсон 1999: 63].

Перспективы развития словарного дела: современные технологии открывают новые возможности для отражения фольклора в словарях. Создание электронных словарей с мультимедийным контентом, включающим аудио- и видеозаписи фольклорных произведений, позволит сделать словарную статью более живой и наглядной. Использование корпусной лингвистики и автоматической обработки текста позволит выявлять скрытые связи между словами и фразеологизмами и более точно определять их фольклорное происхождение. Развитие интерактивных словарей, позволяющих пользователям добавлять собственные примеры и комментарии, сделает процесс изучения и сохранения фольклора более демократичным и увлекательным.

В заключение отметим, что фольклор и словарь – это два взаимосвязанных элемента, отражающих богатую культуру народа. Бережное отношение к фольклорному наследию и его грамотное отражение в словаре – это важная задача, направленная на сохранение культурной идентичности, укрепление национального самосознания и обогащение духовного мира человека. Дальнейшее развитие словарного дела с использованием современных технологий и учётом культурных особенностей каждого региона позволит создавать более полные, точные и живые словари, которые станут ценным инструментом для изучения и сохранения фольклорного наследия для будущих поколений.

❖ Список литературы

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – Москва : Высшая школа, 2020. – 150 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Москва : Наука, 2022. – 87 с.
3. Пропп В.Я. Морфология сказки. – Москва : Наука, 1969. – 20 с.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 272 с.
5. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Избранное. – Москва : Прогресс – Культура, 1995 – С. 200-220.
6. Якобсон Р.О. Избранные работы. – Москва : Прогресс, 1999. – 63 с.

Меженина А.М.,
студент, ОГАПОУ «БПК», г. Белгород;
Науч. рук. – Окунева В.Ф.,
преподаватель ОГАПОУ «БПК», г. Белгород

СЛОВАРИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Статья посвящена словарю как важному инструменту для изучения исторических, культурных и социальных изменений, происходящих в языке и обществе. Автор рассматривает, как словари фиксируют лексические изменения, отражая не только изменения в языке, но и в мировоззрении, идеологии и ценностях общества. Особое внимание уделяется историческим событиям. Также анализируются примеры трансформации значений слов (например, «толерантность») и включение в словари новых слов и выражений, таких как неологизмы и заимствования, связанные с технологическим прогрессом и глобализацией. В статье подчёркивается, что словари не являются просто справочниками, а представляют собой хронологический и культурный архив, фиксирующий изменения в языке, обществе и культуре, сохраняя культурную память для будущих поколений.

Ключевые слова: словари, язык, лексика, исторические изменения, культура, социальные изменения, неологизмы, заимствования, языковая эволюция, идеология, общественные преобразования, культурная память.

Summary. The article is devoted to the role of dictionaries as an important tool for studying historical, cultural and social changes taking place in language and society. The author examines how dictionaries record lexical changes, reflecting not only changes in language, but also in the worldview, ideology and values of society. Special attention is paid to historical events. Examples of the transformation of word meanings (for example, «tolerance») and the inclusion of new words and expressions in dictionaries, such as neologisms and borrowings related to technological progress and globalization, are also analyzed. The article emphasizes that dictionaries are not just reference books, but are a chronological and cultural archive that records changes in language, society and culture, preserving cultural memory for future generations.

Keywords: dictionaries, language, vocabulary, historical changes, culture, social changes, neologisms, borrowings, linguistic evolution, ideology, social transformations, cultural memory.

Язык – живой организм, который изменяется под воздействием времени, общества и культуры. Одним из наиболее наглядных свидетельств этих изменений являются словари. Они не только фиксируют текущий лексический состав языка, но и отражают культурные, политические и социальные процессы, происходящие в обществе. Таким образом, словари представляют собой важный источник для изучения истории языка и эволюции культуры.

Особое внимание в создании словарей уделялось орфографии и грамматике. В условиях, когда письменность в России была относительно новой, а правила написания часто варьировались, словари становились необходимыми инструментами для установления единого стандарта. Словари той эпохи не ограничивались только лексическими и грамматическими аспектами. Они также отражали культурные и философские установки того времени. «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля

(1863–1866) был важным источником не только для понимания языка, но и для изучения народной жизни, народных традиций, мифов и представлений. В словарях того времени часто можно было найти отражение ценностей и мировоззрения, характерных для эпохи.

Словари играют важнейшую роль в фиксации и документировании языковых изменений, отражая лексический состав языка на определённый момент времени. Они служат своего рода «замороженной» версией языка, фиксируя слова, их значения, грамматические особенности и употребление на конкретную дату или период. По словам Н.С. Валгиной, лексика любого языка первой реагирует на все изменения в истории народа [Валгина 2003: 77]. Это высказывание подчеркивает ключевую функцию словарей – быть источником информации о динамике языка и фиксировать изменения, происходящие в лексическом составе. Словари позволяют проследить, как определённые слова и выражения меняются в значении или даже исчезают, а также как появляются новые термины.

Рассматривая факторы влияния на развитие языка, нужно одним из первых обращать внимание на исторические события, которые часто ускоряют или изменяют его эволюцию. Политические и социальные преобразования, научные открытия, войны и миграции – все эти факторы становятся мощным источником появления новых слов и выражений, а также изменяют значения уже существующих. Например, революции, войны или установление новых государственных режимов влекут за собой формирование специальной лексики. В ходе революций и войн часто появляются термины, отражающие новые политические и социальные реалии, такие как «советская власть» или «антисоветчик». Социальные изменения, такие как индустриализация, урбанизация или глобализация, также способствуют созданию новых терминов, отражающих изменения в быту и технологиях. В.И. Абаев подчёркивал, что «язык как идеология и язык как техника» [Абаев 1995: 16] находятся в постоянном взаимодействии, и любое изменение в общественном устройстве неизбежно находит своё отражение в языке. Так, появление новых понятий, связанных с развитием технологий, науки, культуры, политической ситуации, напрямую влияет на лексический состав и структуру языка, что подтверждается многочисленными примерами из истории. В период индустриализации появляются слова: «фабрика», «профсоюз», «рабочий класс», а с развитием глобализации появились термины: «интернет», «глобализация», «мультимедиа».

Словари играют важную роль не только в фиксировании языка, но и в отражении культурных и социальных изменений. Язык, как живой организм, постоянно развивается, и словари становятся своего рода хронологическим отражением этого процесса. Они фиксируют не только новые слова, но и изменяющиеся значения уже существующих, а также динамику общественных настроений и изменений в мировоззрении. Одним из ярких примеров того, как словарь отражает изменения в культуре, является трансформация значений

слов с течением времени. Рассмотрим, например, слово *толерантность*. В советских словарях оно в первую очередь трактовалось в медицинском контексте, обозначая «способность организма воспринимать чуждые вещества, такие как лекарства или инородные тела». Но со временем, начиная с конца 20-го века, это слово стало иметь более широкий социально-этический смысл. Сегодня *толерантность* связана с идеей уважения, принятия и инклюзии, отражая современные ценности уважения к различиям и противостояния дискриминации. Изменение значения слова «толерантность» иллюстрирует более глубокие сдвиги в обществе. Этот процесс не ограничивается только языковыми изменениями, но связан с важными переменами в социальной и политической жизни. Словарь, в этом случае, становится не просто набором определений, а индикатором того, как менялись идеологические установки общества, его представления о правде, справедливости и достоинстве.

Еще одним важным аспектом того, как словари отражают изменения в культуре, является включение в них слов, ранее считавшихся неприемлемыми или неформальными. Это явление связано с процессами демократизации языка, когда слова, которые раньше были ограничены узкими кругами, например, в разговорной речи или среди молодежи, получают признание в более широком контексте. Язык становится более гибким и инклюзивным, что отражает тенденции к открытости, разнообразию и социальной мобильности. Словарные издания и толковые словари русского языка, начиная с 20 века, все чаще включают в себя сленг и единицы различной стилистической природы, которые раньше считались табу. Примером может служить слово *крутой*, которое из субкультуры молодежи со временем перешло в официальный лексикон, означая что-то выдающееся, стильное или успешное. Такие изменения свидетельствуют о том, что язык стал более демократичным и адаптируемым, способным отражать реальные, живые процессы в обществе.

С течением времени словари пополняются новыми словами — неологизмами, которые появляются в языке в ответ на изменения в обществе. Современный лексикон активно пополняется такими словами, как «смартфон», «блогер», «геймер», «экосистема», «стартап», «инфлюенсер» и другими терминами, которые в своем современном значении ещё несколько десятков лет назад не существовали. Эти слова не просто обозначают новые явления, но и отражают значительные изменения в культурной и социальной жизни. Например, слово «смартфон» — это не просто заимствованное слово, а результат технологической революции в области мобильных устройств. Прежде чем это слово стало частью обихода, существовали только такие термины, как «мобильный телефон» или «кнопочный телефон». Но с развитием технологий и появлением устройств, способных выполнять функции персональных компьютеров, интернет-устройств и мультимедийных систем, появилось слово «смартфон», которое более точно отражает суть

нового устройства. Сегодня этот термин используется повсеместно, и его включение в современные словари подчёркивает важность и повсеместное распространение технологий.

Другим ярким примером является слово «блогер». Ранее такие люди могли быть просто журналистами, писателями или обозревателями, но с развитием интернета и социальных сетей появилась необходимость выделить новую категорию людей, которые создают контент в онлайн-пространстве. Включение этого слова в словарь подтверждает, насколько интернет и социальные сети изменили роль медиа в современном обществе.

Параллельно с появлением неологизмов в языке активно происходят заимствования – заимствование слов из других языков. Это явление особенно заметно в последние десятилетия, когда глобализация и развитие международной торговли, технологий и культуры открыли доступ к множеству новых понятий и терминов. Примером таких заимствований является большое количество англоязычных слов, которые с течением времени вошли в повседневный язык. Слова как «интернет», «компьютер», «реклама», «бренд», «маркетинг» – это лишь малая часть слов, пришедших в русский язык из иностранных языков, чаще всего из английского. Эти термины фиксируются в словарях, так как они становятся частью культуры и медиапространства. Их появление в языке также указывает на глобальные процессы – например, глобализация бизнеса, появления новых профессий и технологий, а также на смену парадигмы общественного сознания.

Словари – это не просто справочники, а отражение живой истории языка и общества. Они фиксируют не только лексические изменения, но и культурные сдвиги, мировоззренческие трансформации, смену эпох и экономические подъёмы. Изучая словари разных времён, можно понять, как менялось мышление людей, какие ценности становились приоритетными, и как язык адаптировался к новым реалиям. Таким образом, словари играют важную роль в сохранении культурной памяти и передаче её следующим поколениям.

❖ Список литературы

1. Абаев В.И. Избранные труды. Общее и сравнительное языкознание. – Владикавказ, 1995. – 724 с.
2. Бельчиков Ю.А. «Что было выражено словом, то было и в жизни...» // Русская речь. – 1993. – № 3. – С. 30-35.
3. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. – Москва : Логос, 2020. – 304 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – Москва : Эксмо, 2006. – 575 с.
5. Ожегов С. И. Лексикология, Лексикография. Культура речи. Учеб. пособие для вузов. – Москва : Высшая школа, 1974. – 352 с.
6. Онлайн-словарь неологизмов. Неологизмы XXI века. – URL: <https://russkiiyazyk.ru/leksika/slovar-neologizmov.html>
7. Онлайн-словарь устаревших слов русского языка. Архаизмы и историзмы. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-ustarevshih-slov/>

Мирошникова М.А.,
студент, ОГАПОУ «БПК», г. Белгород;
науч. рук. – Окунева В.Ф.,
преподаватель, ОГАПОУ «БПК», г. Белгород

СЛОВАРЬ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние русской истории на развитие филологии. Анализируется эволюция русского языка на протяжении веков, отражающая ключевые исторические события, социальные изменения и культурные особенности. Особое внимание уделяется взаимосвязи филологии и истории, роли литературы как источника исторических знаний и понимания менталитета прошлых эпох. Статья подчеркивает актуальность изучения этой взаимосвязи для сохранения культурного наследия, укрепления национальной идентичности и формирования исторического сознания.

Ключевые слова: Русский язык, филология, история, литература, культурное наследие, историческое сознание, национальная идентичность, эволюция языка, социальные изменения, культурные особенности, менталитет, исторические события.

Summary. The article examines the influence of Russian history on the development of philology. It analyzes the evolution of the Russian language over the centuries, reflecting key historical events, social changes, and cultural characteristics. Particular attention is paid to the relationship between philology and history, the role of literature as a source of historical knowledge and understanding the mentality of past eras. The article emphasizes the relevance of studying this relationship for the preservation of cultural heritage, strengthening national identity, and fostering historical consciousness.

Keywords: Russian language, philology, history, literature, cultural heritage, historical consciousness, national identity, language evolution, social changes, cultural characteristics, mentality, historical events.

Русский язык существует не одно столетие и, как и любой другой язык, меняется с течением времени – это касается как живого разговорного языка, так и литературного стандарта. Каким был русский язык в разные периоды, какой путь он прошёл от времён Руси до наших дней?

Актуальность исследования влияния русской истории на филологию обусловлена рядом факторов: пониманием национальной идентичности: русский язык и литература являются важнейшими компонентами национальной идентичности.; сохранением культурного наследия: язык и литература являются хранилищами исторической памяти народа; осмыслением современности: понимание того, как исторические события отразились в языке и литературе, помогает лучше осмыслить современные социокультурные процессы и тенденции, а также прогнозировать их развитие.

Целью исследования является изучение влияния языка и литературы на формирование у учащихся исторического сознания, критического мышления и умения анализировать сложные исторические процессы.

В условиях современных геополитических вызовов и активной информационной борьбы понимание исторических корней и культурной идентичности становится особенно важным. Изучение влияния русской истории на филологию позволяет не только сохранить и передать культурное наследие, но и укрепить национальное самосознание и сформировать у граждан чувство ответственности за будущее своей страны.

Понимание «филологии» появляется впервые в конце 3 – начале 1 века до нашей эры, в эпоху поздней античности. В этот период наука развивается как практическая деятельность [Амирова 2020: 20]. Учёные занимаются работой над письменными текстами; создаются библиотеки, в частности, крупнейшая библиотека в городе Александрии (Египет). Также филология приобретает такое направление, как обучение. В 5 веке до нашей эры обучение заключалось в толковании и переводе поэтических текстов.

Филология и история – тесно взаимосвязанные дисциплины. Началом истории русского литературного языка принято считать момент возникновения письменности. Взаимное влияние искусства слова и истории идет на протяжении веков. Филология влияет на историю, позволяя раскрыть множество источников, анализировать язык и детали текстов, которые помогают историкам составить полную картину прошлого. Филологический анализ позволяет расшифровать старинные рукописи и архивные материалы, воссоздать исторические события и детали жизни в прошлом во всех их аспектах. История, в свою очередь, влияет на филологию, определяя ее область исследования, а также направляя филологов на поиск новых источников и материалов в исторических архивах и библиотеках.

Первые достоверные письменные памятники появились уже после крещения Руси в 988 году. Язык, как живой организм, постоянно эволюционирует, отражая исторические события, социальные изменения и культурные процессы [Иванов 2021: 143]. Русская история оказывает значительное влияние на развитие филологии, отражая различные эпохи и культурные особенности в языке и литературе. Изучение языка и литературы позволяет не только реконструировать историческую действительность, но и понимать менталитет людей прошлых эпох, их ценности и мировоззрение. Русский язык претерпел значительные изменения на протяжении веков, отражая исторические события и культурные особенности. Например, после Октябрьской революции в русский язык вошли новые слова и выражения, связанные с новой идеологией и социальными изменениями, к ним можно отнести: профсоюз, субботник, ударник, агитация, пропаганда, профком, местком, колхоз. Литература является одним из основных источников изучения русской истории. В произведениях писателей и поэтов можно найти отражение различных эпох, событий и культурных традиций. Например, произведения Александра Пушкина, Льва Толстого и Федора Достоевского позволяют нам погрузиться в атмосферу русской жизни XIX века.

Развитие русского языка и литературы в контексте исторических событий. Древнерусский период. Формирование древнерусского языка тесно связано с историческими процессами образования древнерусского государства. В этот период возникают первые письменные памятники, такие как «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», отражающие мировоззрение и языковую систему того времени.

Старорусский язык XV–XVII веков характеризовался постепенным утверждением московского койне в качестве образцового. Распространяясь из Москвы, он влиял на письменную речь других русских городов. Хотя зарождение книгопечатания долгое время связывалось с «Апостолом» Иваном Федоровым и Пётром Мстиславцем (1564 год), позднее были обнаружены более ранние безымянные издания – Евангелия и Постная Триодь [Виноградов 1982: 102]. Старорусский язык использовался в деловой переписке (договоры, грамоты), а литературные произведения образованных авторов содержали элементы церковнославянского языка. Примерами таких произведений являются «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Путешествие Василия Гогары» и автобиографическое «Житие протопопа Аввакума». Вплоть до 1708 года в книгах использовался русский полуустав, затем Пётр I ввёл новый гражданский шрифт, оставив полуустав лишь для церковных книг.

Русский язык XVIII–XIX веков отмечался постепенным преодолением русско-церковнославянского двуязычия [История русского литературного языка 2004: 36]. Этот период характеризуется расцветом русской литературы, отражающим социально-политические изменения, возникновение новых идеологий и философских течений. Произведения Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Тютчева, Некрасова и других классиков являются неотъемлемой частью российской истории и отражают дух своей эпохи. Церковнославянский сохранялся в богослужении, а церковнославянизмы стали либо архаизмами (агнец, пастырь), либо нейтральными словами (время, власть).

Многие церковнославянизмы имеют русские дублеты, различающиеся по значению или стилистике (страна/сторона, голова/глава). При Петре I язык пополнился техническими и юридическими терминами. Ломоносов в своей «Российской грамматике» (1755 год), основанной на грамматике Мелетия Смотрицкого, унифицировал орфографию, орфоэпию и описал морфологию. Возникла дилемма: что считать нормой – тексты или грамматику? Ломоносов также разработал учение о трёх стилях (высоком, среднем, низком), при чём высокий стиль был близок к церковнославянскому. Поэты (Тредиаковский, Сумароков, Радищев, Державин) и писатели (Фонвизин, Карамзин, Крылов, Грибоедов) внесли значительный вклад в формирование языка. Пушкин, по мнению Виноградова, «вывел русский литературный язык на широкий и свободный путь демократического развития», создав синтез русских разговорных, церковнославянских и иностранных слов. В XVII веке было много польских заимствований, в XVIII – немецких и нидерландских, а в XIX –

французских. К концу XIX века сформировалась сложная система стилей и высокий уровень нормализованности языка [Лопатин 2021: 70].

Революции, войны, социальные перемены XX века оказали огромное влияние на развитие русского языка и литературы. Возникновение новых стилей и направлений в литературе, изменение лексики и грамматики – все это является результатом исторических процессов. Современная литература продолжает отражать реалии современной России, ее проблемы и тенденции.

Анализ взаимосвязи исторических событий и литературного творчества выявляет влияние временных и пространственных факторов на художественное произведение. Литература, как показывают исторические примеры, не только отражает реальность, но и активно участвует в её формировании, причём исторические события определяют контекст литературных произведений. Взаимосвязь русской истории и филологии является несомненной. Язык и литература являются не только отражением исторических событий, но и важным источником информации для историков и культурологов. Изучение языка и литературы позволяет глубоко понять исторический процесс, менталитет и культуру русского народа.

И.С. Тургенев говорил:

*Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, – это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками!
Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием.*

❖ Список литературы

1. Амирова Т.А. История языкознания / Т.А. Амирова, Б.А. Ольховиков, Ю.В. Рождественский. – Москва : Академия, 2020. – 672 с.
2. Виноградов В.В. История русского литературного языка. – Москва : Высшая школа, 1982. – 528 с.
3. Иванов В.В. Древнерусский язык // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва : Большая российская энциклопедия, 2021. – С. 143.
4. История русского литературного языка : Учебно-методические разработки и указания для студентов отделения русского языка и литературы филологического факультета / Казан. гос. ун-т. Филол. фак-т. Каф. истории русского языка и языкознания; Авт.-сост. Т.М. Николаева. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2004. – 40 с.
5. Лопатин В.В. Русский язык: энциклопедия. – Москва : Дрофа, 2021. – 912 с.
6. Перфильева Н.В. Основы филологии. Лингвистические парадигмы : Учебное пособие. – Москва : Флинта, 2022. – 470 с.
7. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. – Москва : Просвещение, 1971. – 542 с.

Савченко В.А.,

к. филол. н., Курский институт кооперации
(филиал) БУКЭП, г. Курск

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА» В АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ (НА ФОНЕ НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ)

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена выявлению и описанию национально-культурной специфики репрезентации концепта «тело человека» в английских паремиологических единицах в сравнении с немецкими и русскими паремиями. Соматизмы в данной статье исследуются посредством лексикографических методик, разработанных курской научной школой лингвофольклористики на базе фольклорных текстов. В результате проведенного кросскультурного анализа были выявлены общие и национально-специфические признаки концепта «тело» в английской, немецкой и русской паремиологической картине мира.

Ключевые слова: лингвокультурология, кросскультурная лингвофольклористика, концепт, соматизм, паремия, пословица, поговорка.

Summary. The proposed article is devoted to the identification and description of the national and cultural specifics of the representation of the concept of "human body" in English paremiological units in comparison with German and Russian paremias. Somatisms in this article are investigated using lexicographic techniques developed by the Kursk Scientific School of Linguofolcloristics on the basis of folklore texts. As a result of the cross-cultural analysis, the general and nationally specific features of the concept «body» in the English, German and Russian paremiological worldview were identified.

Keywords: linguoculturology, cross-cultural linguofolcloristics, concept, somatism, paroemia, proverb, saying.

Одной из центральных проблем современной лингвистики является исследование связи и соотношения языка и культуры этноса. В настоящее время возникла лингвокультурология – новая научная дисциплина, исследующая отразившиеся и закрепившиеся в языке проявления культуры этноса. В лингвокультурологических исследованиях язык рассматривается прежде всего как механизм, способствующий кодированию и трансляции культуры.

Для исследования проблемы соотношения языка и культуры этноса большие возможности открывают сопоставительная и кросскультурная лингвофольклористика – лингвокультурологические дисциплины, сложившиеся в наши дни в русле курской школы лингвофольклористики. На базе фольклорных текстов курской лингвофольклористической школой были разработаны лексикографические методики исследования, которые обладают большим исследовательским потенциалом, так как позволяют проводить межжанровое и внутрижанровое сопоставление для выявления общefольклорных и специфически жанровых черт, выявлять

территориальную дифференциацию языка фольклора, а также исследовать национально-культурную специфику языка фольклора разных этносов [Бобунова 2004].

Общеизвестно, что национально-культурная специфика языка находит свое отражение на всех уровнях языка, однако наиболее ярко она проявляется в так называемых строевых единицах языка, а именно, в словах, фразеологизмах, пословицах, поговорках. Названия частей тела всегда были предметом интенсивных исследований в языкознании, поскольку данные языковые единицы характеризуются высокой степенью частотности и входят в состав значительной части устойчивых сочетаний слов.

Цель настоящей статьи – выявление и описание лексем, вербализующих концепт «тело человека» в английских паремиологических единицах в сравнении с аналогичными лексическими единицами немецкой и русской паремиологии.

Под паремиями в данном исследовании понимаются пословицы и поговорки. Эмпирической базой исследования явилась картотека английских паремиологических единиц с лексемами *body* ‘тело’ и *flesh* ‘плоть’, полученная путем сплошной выборки из следующих словарей:

1. Райдаут, Р., Уиттинг, К. Толковый словарь английских пословиц. – СПб: Лань, 1997. – 256 с.
2. Simpson J. A. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford: Oxford University Press, 2003. – 364 p.
3. Smith, W.G. The Oxford Dictionary of English Proverbs [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.227228/page/n5/mode/2up>

Для достижения поставленной цели использовалась методика создания концептограммы, которая была разработана курскими лингвистами М.А. Бобуновой и А.Т. Хроленко на материале фольклорных текстов. Словарные статьи, анализируемые в данном исследовании, составлялись по следующей схеме: **заглавное слово** (количество словоупотреблений); **S:** связи с существительными; **A:** связи с прилагательными; **Pron:** связи с местоимениями; **Num:** связи с числительными; **Vs:** случаи, в которых данное слово выполняет функцию субъекта действия; **Vo:** случаи, в которых лексема выполняет функцию объекта; **□:** ассоциативные ряды (связи соматизма с другими словами одного тематического ряда в паремии [Бобунова 2004: 142-149].

Человеческое тело в культуре выступает в качестве модели и образа мира. Тело человека является источником системы пространственного и временного ориентирования. У Платона тело выступает вместилищем души. Символика тела в культуре связывается также с оппозицией «тело – душа». Для традиций, основывающихся на дуализме материи и духа, тело наделяется негативным значением. В христианстве чётко прослеживается негативный характер телесности. В целом тело воспринимается как источник болезней и страданий [Словарь символов и знаков 2004: 425-426]. Анализ языкового

материала показывает, что данные символические значения и представления зафиксированы в паремиологических единицах исследуемых языков.

В английских паремиях концепт «тело» представлен лексемами *body* ‘тело’ и *flesh* ‘плоть’. Соматизм *body* ‘тело’ в анализируемых паремиологических единицах встречается 13 раз, лексема *flesh* ‘плоть’ зафиксирована 5 раз.

Рассмотрим словарную статью, отражающую функционирование соматизма *body* ‘тело’ в английских паремиях.

Body ‘тело’ (13)

1. ‘Тело’ (10) S: the sickness of the body ‘болезнь тела’ **1 A:** all ‘всё’ 1, little ‘маленькое’ 1, sound ‘здоровое’ 1, whole ‘всё’ 1 **Vs:** to harbour [a great soul] ‘таить [большую душу]’ 1, to be the socket of the soul ‘быть вместилищем души’ 1, to decrease ‘уменьшаться, дряхлеть, стареть’ 1, to be the worse ‘быть хуже <телу>’ 1 **Vo:** to be in a sound body [a sound mind] ‘быть в здоровом теле [здоровый дух]’ 1, to have neither bodies nor souls 1 [corporations] ‘не иметь ни тела ни души [корпорации]’ 1, to dress ‘одевать’ 2, to look unto ‘ухаживать’ 1, to love ‘любить’ 1

2. ‘Человек’ (2) Vs: to drink [wine] ‘пить [вино]’ 1 **Vo:** to tell ‘назвать’ 1

3. ‘Останки умершего человека’ (1) Vo: to bury ‘хоронить’ 1 **□:** body ‘тело’ ... soul ‘душа’ 6

В анализируемых паремиологических единицах лексема *body* ‘тело’ зафиксирована в трех значениях: ‘тело’, ‘человек’ и ‘останки умершего человека’. В значении ‘тело’ соматизм *body* ‘тело’ определяется прилагательными *all* ‘всё’ (1), *sound* ‘здоровое’ (1), *whole* ‘всё’ (1), например: *A sound mind in a sound body* ‘В здоровом теле здоровый дух’. В одной паремии тело характеризуется по своему размеру: *A little body often harbours a great soul* ‘В маленьком теле часто таится великая душа’.

В четырех паремиях существительное *body* ‘тело’ используется в функции субъекта. При этом тело может испытывать страдания, боль: *When the head acheth all the body is the worse* ‘Когда болит голова, хуже становится всему телу’.

В анализируемых английских пословицах и поговорках тело выступает объектом действия: *to look unto* ‘ухаживать’ (1), *to dress* ‘одевать’ (2), *to love* ‘любить’ (1), например: *A body is more dressed than the soul* ‘Тело более защищено, нежели душа; Душевные раны страшнее телесных’.

В английской паремиологии концепт «тело» соотносится с концептом «душа»: *body* ‘тело’ ... *soul* ‘душа’ (6). При этом тело выступает вместилищем души: *The body is the socket of the soul*.

В двух паремиях лексема *body* ‘тело’ метафорически обозначает человека, например: *The best wine is, that a body drinketh of another man’s cost* ‘Самое лучшее вино – это вино, которое человек пьет за счет другого’.

В одной паремии существительное *body* ‘тело’ используется в значении ‘останки умершего человека’: *While men go after a leech, the body is buried* ‘Ни

один врач не может вылечить смерть' (букв. 'Пока люди ходят за пиявками, тело похоронят').

Представим лексикографический портрет соматизма *flesh* 'плоть'.

Flesh 'плоть' (5)

1. 'Плоть' (4) **A:** own 'собственная' 1 **Pron:** thine 'твой' 1 **Vs:** to be on the foot 'быть на ноге' 1, to be weak 'быть слабой' 1 **Vo:** to cut out of thine own flesh [a dear collop] 'вырезать из собственной плоти [дорогой куочек]' 1, (not) to go out of the flesh 'не выйти из плоти' 1

2. 'Человек' (1) **A:** fat 'жирная, толстая' 1 **Vs:** to freeze 'замерзнуть' 1

В анализируемом материале лексема *flesh* 'плоть' единично определяется прилагательным own 'собственная' и местоимением *thine* поэт. 'твоя'.

Лексема *flesh* 'плоть' может выступать субъектом действия: *The spirit is willing but the flesh is weak* 'Дух крепок, да плоть немощна; Выше себя не прыгнешь; Рад бы в рай, да грехи не пускают'. В данной поговорке фиксируется христианское представление о телесной части человеческого существа, стремящейся к греху.

Лексема *flesh* 'плоть' может выступать также объектом действия: *What is bred in the bone will not out of the flesh* 'Что в костях, то и во плоти; Наследственные черты не изменишь – они непременно проявятся; Горбатого могила исправит'.

В одной паремии лексема *flesh* 'плоть' символизирует родственную связь: *It is a dear collop that is cut out of thine own flesh* 'Милый кусочек собственной плоти, т.е. ребенок'.

В одной паремии лексема *flesh* 'плоть' обозначает человека: *Fat flesh freezes soon* 'Полный человек быстро замерзает (о полном человеке, который жалуется на холод)'.

Обратимся для сравнения к немецким и русским паремиям с концептом «тело человека». В немецких поговорках и пословицах исследуемый концепт вербализуется существительными *der Leib* 'тело' (33 словоупотребления), *das Fleisch* 'тело, плоть' (8 словоупотреблений). По одному разу в немецкоязычном материале зафиксированы лексемы *der Körper* 'тело', *das Jungfernfleisch* 'девичье тело', *das Frauenfleisch* 'женское тело', *das Menschenfleisch* 'человеческая плоть', *das Weiberfleisch* 'женское тело'. В русских паремиях рассматриваемый концепт вербализуется лексемами *тело* (33 словоупотребления), *плоть* (10 словоупотреблений), высок. *прах* (одно словоупотребление). Только в русских паремиях один раз зафиксирован диминутив *тельце*. Специфической особенностью русскоязычного материала является наличие концепта «туловище», представленного соматизмами *туло* (одно словоупотребление) и *туловище* (два словоупотребления) [Савченко 2010]. Как показывает анализ языкового материала, в паремиях английского, немецкого и русского языков концепт «тело» тесно связан с концептом «душа». При этом тело является вместилищем души, а в русской

паремиологии также вместилищем памяти. В английских, немецких и русских паремиологических единицах закрепились представления о греховности человека. Тело в английских, немецких и русских пословицах и поговорках испытывает страдания, боль. В английских, немецких и русских паремиях дается характеристика тела с точки зрения его размеров, в русских и немецких паремиях к характеристикам тела относится также пол, в русских паремиях, кроме того, возраст. В русских пословицах и поговорках тело предстаёт предметом владения. Только в русской паремиологии прослеживается ассоциативная связь с концептом «дело». В немецких паремиях имеет место положительная эстетическая характеристика тела. В одной немецкой пословице лексема *der Leib* 'тело' употребляется в значении 'живот', который предстаёт ёмкостью для внутренних органов. Соматизм *der Leib* 'тело' в немецких паремиях употребляется также в устаревшем значении 'жизнь'. Только в немецкой паремиологии тело выступает источником наслаждения, радости.

Таким образом, кросскультурный анализ английских, русских и немецких паремий показал, что концепт «тело» в трех паремиологиях актуализируется по-разному. В русских и немецких паремиях концепт «тело» отмечен более высокой частотностью, чем в английских пословицах и поговорках. Этническое своеобразие ярче всего проступает на уровне синтагматики анализируемых соматизмов. Особенностью английской паремиологии является использование лексем *body* 'тело' и *flesh* 'плоть' в значении 'человек'. Подводя итог, необходимо также отметить и некоторое сходство структуры концепта «тело человека» в английской, немецкой и русской паремиологической картине мира. Так, например, в пословицах и поговорках исследуемых языков тело предстаёт вместилищем души и источником страданий, фиксируются представления о греховности человека, что объясняется общностью русской, английской и немецкой культур, относящихся к европейскому типу культуры.

❖ Список литературы

1. Бобунова М.А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. – 240 с.
2. Райдаут Р. Толковый словарь английских пословиц / Р. Райдаут, К. Уиттинг. – Санкт-Петербург: Лань, 1997. – 256 с.
3. Савченко В.А. Концептосфера «человек телесный» в русской и немецкой паремиологической картине мира (кросскультурный анализ соматизмов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; 10.02.19. – Курск, 2010. – 249 с.
4. Словарь символов и знаков / Авт.-сост. Н.Н. Рогалевич. – Минск: Харвест, 2004. – 512 с.
5. Simpson J. A. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford: Oxford University Press, 2003. – 364 p.
6. Smith W.G. The Oxford Dictionary of English Proverbs. – URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.227228/page/n5/mode/2up>

Семыкин И.А.,
обучающийся, МБУДО «Белогорье», г. Белгород.
Семыкина Е.Н.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», МБУДО «Белогорье», г. Белгород

ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ШКОЛЕ И «ПРАВОВАЯ АЗБУКА» В.И. ДАЛЯ

Аннотация. Статья посвящена вопросам изучения терминологического аппарата обществознания в школе и значимости обращения к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля в процессе освоения обществоведческих компетенций, методическим аспектам словарной работы при подготовке к государственной итоговой аттестации, к предметным олимпиадам школьников.

Ключевые слова: обществоведческая терминология, методика преподавания обществознания, «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля.

Summary. The article is devoted to the issues of studying the terminological apparatus of social studies at school and the importance of referring to the «Explanatory Dictionary of the living Great Russian language» by V.I. Dahl in the process of mastering social science competencies, methodological aspects of vocabulary work in preparation for the state final certification, for the subject Olympiads of schoolchildren.

Keywords: social science terminology, methods of teaching social studies, «Explanatory Dictionary of the living Great Russian language» by V.I. Dahl.

Освоение любого школьного предмета, подготовка к ОГЭ, ЕГЭ невозможны без знания значения базовых понятий, предполагают понимание содержания исходных терминов. Составители учебников, словарей, справочников всегда обращаются к истокам толкования слова, а они связаны в русском языке, прежде всего, с именем В.И. Даля и с его «Толковым словарем живого великорусского языка» [Даль]. Труд собирателя отечественной словесности, подготовленный в XIX столетии и не утративший актуальности, сохраняет значимость в разных сферах жизни. Одна из них – обществоведческая, требующая точности обращения с терминологическим аппаратом. Сведения из этой области традиционно изучаются в школе на уроках обществознания, необходимы как в текущем учебном процессе, так и при подготовке к олимпиадам, конкурсам, к государственной итоговой аттестации по предмету.

Изучение документов, представленных на сайте ФИПИ, позволяет заметить отсутствие в них необходимого терминологического минимума по обществознанию. Очевидна потребность в своеобразной «терминологической азбуке» для школьников, которая могла бы стать залогом успешного выполнения как текущих, так и экзаменационных, олимпиадных заданий. В Словаре В.И. Даля толкование слова *азбука* сопровождается пословицей: «Азбука велика, а тридцать слов» [Даль Т. 1: 11]. Это народное изречение

стало поводом для первоначального отбора тридцати важнейших понятий, активно используемых в правоведении как разделе обществознания и включенных в учебники «Основы правовых знаний» (автор С.И. Володина), «Право» (автор С.А. Лосев), представленных в «Кодификаторах» ОГЭ и ЕГЭ по общество-знанию, а также внесенных в «Словарь терминов, используемых в законода-тельстве Российской Федерации» (подготовлен Федеральным собранием РФ и Государственной Думой РФ в 2014 году), который важен при подготовке к олимпиадам обществоведческого характера. Термины были распределены в соответствии с разделами права: 1) общеправовые термины – закон, Конституция, право; 2) гражданское право – имущество, ипотека, облигация, обязанность, поручительство, сделка, соглашение, собственность, субсидия, услуга; 3) трудовое право – работник, договор, ответственность, прибыль, проект, убыток; 4) уголовное право – деяние, наказание, обвинение, подстрекатель, пособник, преступление, приговор, прокурор, разбой, свидетель, суд. Цель работы состояла в сопоставлении содержания понятий из современных изданий по обществознанию и значений лексических единиц из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, в стремлении проследить устойчивость либо трансформацию этих значений.

Известно, что одним из важнейших понятий обществоведения является закон. В школьном учебнике предлагается следующее его толкование: «Нормативный правовой акт, содержащий **общеобязательные правила поведения по важным вопросам общественной жизни**, принятый высшим законодательным органом государства или непосредственно гражданами путём референдума» [Володина Ч.1. 2022: 32]. В Словаре В.И. Даля за словом закон закреплено такое значение: «**Предел, постановленный свободе воли или действий**; неминуемое начало, основание; **правило, постановление высшей власти** <...> **Законы гражданские**, установленные гражданской, государственною властью для обеспечения быта граждан, противопоставляются законам духовным, т.е. относящимся до дел веры или же до духовного мира, духовной жизни; противопоставляются также **законам военным, уголовным**» [Даль Т.1: 973]. Развернутая словарная статья дополняется пословицами: «У них ни царя, ни закона, т.е. неурядица»; «Не будь закона, не стало б и греха»; «Закон паутина: имель проскочит, муха увязнет» [Даль Т.1: 973]. Как видим, содержание лексической единицы закон в каждом случае ориентировано на правила, которые устанавливаются в разных сферах общественной жизни и обязательны к соблюдению всеми гражданами государства.

Еще одно важное обществоведческое понятие – Конституция. Школьный учебник предлагает следующее его толкование: «**Основной закон государства**, закрепляющий основы общественного, политического и экономического строя страны, **форму правления, государственного устройства**, правовое положение человека и гражданина, порядок организации и

компетенцию органов государственной власти и управления, местного самоуправления, организацию и принципы правосудия и избирательной системы» [Володина Ч. 1 2022: 134]. В *Словаре В.И. Даля* слово *Конституция* обозначает «образование, устройство правления, **основание государственного управления**» [Даль Т. 2: 248]; «**основные законы**, определяющие права и обязанности избирательных собраний и отношения их к государю и к народу» [Даль Т. 2: 248]; «**законоправление**, ограниченное монархическое правление, где закон выше правителя» [Даль Т. 2: 248]. Можно заметить, что в современном толковании термина *Конституция* сохраняется содержание, закрепленное за этой лексической единицей В.И. Далем.

В числе актуальных обществоведческих понятий – *договор* как «действия двух и более лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей» [Володина Ч. 2 2022: 136], «соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей» [Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации 2014: 55]. В *Словаре В.И. Даля* *договор* – это «уговор, взаимное соглашение, условие, обязательство» [Даль Т. 2: 745], «предварительные условия или частное обязательство» («*Договор дороже денег*») [Даль Т. 2: 745]. Наблюдения дают основание сделать вывод о том, что основой обществоведческого понятия *договор*, как и в предыдущих примерах, является лексическое значение, закрепленное за словом в *Словаре В.И. Даля*.

Словарная статья «*Работник*» в «Словаре терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации» содержит указание на **физическое лицо**, «вступившее в трудовые отношения с работодателем», «**работающее в организации** на основе трудового договора (контракта)», «**занимающееся индивидуальной предпринимательской деятельностью**» [Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации 2014: 170]. Автор «*Толкового словаря живого великорусского языка*» лексическое значение слова *работник* определяет так: «**Взятый куда для работ**, простых, чёрных, или сельских, или фабричных и заводских»; «простой **прислужник**, наймист, служитель» («*На десять работников по одному указчику*»; «*Указчику (десятинку) рубль, а работнику полтина*»; «*По работе и работника (мастера) знать*») [Даль Т. 4: 7]. В современном обществоведческом использовании слова *работник* можно заметить изменения, связанные с процессами исторического развития государства, с трансформацией товарно-денежных отношений, основанных на социальной иерархии.

Анализ понятий, которые представлены в школьных учебниках по обществознанию, праву, в «Словаре терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации», в современных документах, позволяет заметить, что содержание терминов имеет устойчивый характер, соотносится со значениями лексических единиц, закрепленных В.И. Далем в «*Толковом*

словаре живого великорусского языка», который наряду со специальной литературой может стать важным источником информации при подготовке к аттестационным испытаниям, олимпиадам по обществознанию.

Добавим, что на едином государственном экзамене по обществознанию в задании 1 экзаменуемые отбирают из числа предложенных такие понятия, которые соответствуют содержанию вопроса (например: «Какие два из перечисленных понятий используются в первую очередь при описании политической сферы общества? *Страта*; *доход*; *власть*; *монархия*; *собственность*. Выпишите соответствующие понятия и раскройте смысл одного из них»). Ответом на поставленный вопрос являются понятия *власть*, *монархия*.

В учебнике С.И. Володиной определение понятия *власть* отсутствует, а *монархия* характеризуется как «разновидность формы правления, при которой главой государства является одно лицо – монарх, а власть передаётся по наследству» [Володина Ч. 1 2022: 76]. Словарная статья «*Власть*» в *Словаре В.И. Даля* содержит следующую информацию: «право, сила и воля над чем, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление», значение слова *власть* получает здесь закрепление в народном изречении: «*Закон определяет власть каждого должностного лица, а верховная власть выше закона*» [Даль Т.1: 362]. В словарной статье «*Монархия*» *Словаря В.И. Даля* читаем: «правленье, где верховная власть в руках одного лица» [Даль Т. 2: 570].

В задании 20 участники единого государственного экзамена определяют термин по базовым характеристикам, предложенным в таблице (Рис. 1).

20

Заполните пропуск в таблице.

Государственный символ	Характеристика
Флаг	Полотнище правильной геометрической (чаще всего прямоугольной) формы, имеющее какую-либо специальную расцветку
...	Торжественная песня, принятая как символ государственного или социального единства

Ответ: _____.

Рис. 1. Задание 20

Выполнение этого задания требует знания содержания понятия *гимн*. Автор учебника по обществознанию С.И. Володина не включает статью *гимн* ни в один из разделов, в то время как у *В.И. Даля* читаем: «хвалебная песнь, хвала и прославление, в стихах или в музыке песнопением» [Даль Т. 1: 576].

Таким образом, обращение к *Словарю В.И. Даля* позволяет выявить сходство в нем и в современном обществоведческом контексте значений

лексических единиц (например, *монархия* – один из ответов к заданию 1), в то время как при освоении содержания ряда понятий (например, *власть*, *гимн* – ответы к заданиям 1, 20), как показывает анализ, полезно обращаться к словарным статьям «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля.

При выполнении олимпиадных заданий понимание содержания обществоведческого термина должно подкрепляться умением изложить его суть на основе имеющихся знаний, готовностью самостоятельно составить требуемую словарную статью. Так, в комплектах заданий Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию предлагается установить, является ли верной характеристика понятия. Наряду с обществоведческой осведомленностью для выполнения этого задания требуется навык составления словарной статьи.

В связи с этим предлагаем памятку для школьников, которая будет способствовать формированию и развитию этого навыка.

1. Назовите термин. Убедитесь, что он относится к обществоведческой или правовой сфере (например: *правовое государство*, *социальная стратификация*, *юридическая ответственность*). Если точное значение вызывает сомнения, восстановите контекст, в котором термин обычно используется (например: в законодательстве, научных работах, СМИ).

2. Подберите синонимы и антонимы. Синонимы помогут раскрыть смысл понятия через близкие по значению лексические единицы (например: *коррупция* – «злоупотребление властью», «взяточничество»), антонимы обозначат границы понятия (например: *демократия* – *авторитаризм*).

3. Используйте метод описания. Дайте определение через родовую или видовую характеристику (например: *правовая норма* – общеобязательное правило поведения, установленное государством и обеспеченное его принудительной силой). Назовите ключевые признаки понятия: для обществоведческих терминов – функции, роль в социуме (например: *гражданское общество* характеризуется самоорганизацией, независимостью от государства); для правовых терминов – нормативно-правовая база (например: *дискриминация* – запрещена ст. 19 Конституции РФ, влечет юридическую ответственность).

4. Приведите примеры использования. Конкретизируйте содержание термина через реальные ситуации или цитаты из законов (например: *суверенитет* – «носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ» [Конституция РФ, ст. 3]).

5. Укажите связи с другими понятиями. Объясните, как термин соотносится со смежными понятиями (например: социальный институт связан с понятиями *социальные нормы*, *ролевые модели*, *общественная стабильность*).

6. Проверьте точность формулировки. Убедитесь в том, что определение не противоречит общепринятым трактовкам.

7. Структурируйте статью. Пример организации словарной статьи представим в виде логической цепочки: термин – определение (краткая характеристика) – синонимы/антонимы – признаки/функции (ключевые особенности) – примеры (контекст использования) – связи (смежные понятия). В связи с этим покажем, как будет выглядеть подобная словарная статья:

Правосознание

1. Определение: совокупность представлений и оценок, отражающих отношение общества или индивида к праву, его нормам и принципам.

2. Синонимы: *правовое мышление, юридическое мировоззрение.*

3. Признаки: включает знания о законах, эмоциональное восприятие справедливости, готовность соблюдать правовые нормы.

4. Пример: высокий уровень правосознания проявляется в активном участии граждан в выборах и уважении к судебной системе.

5. Связи: связано с *правовой культурой, законопослушностью, социализацией.*

Добавим, что опора на законодательство обязательна при работе с правовыми терминами (ссылки на кодексы, конституционные статьи). Для обществоведческих понятий важно учитывать сведения междисциплинарного характера (из области истории, политологии, экономики). Предложенные рекомендации помогут создать структурированную словарную статью, четко выразить мысль даже в условиях ограниченности времени. Приведенные в систему сведения будут свидетельствовать о наличии гуманитарного багажа, в котором отправной точкой станет «правовая азбука» В.И. Даля (шире – «обществоведческая азбука») как совокупность базовых лексических единиц, имеющих непосредственное отношение к обществоведческим вопросам. Эта информация окажется полезной для составителей «Терминологической азбуки» по предмету «Обществознание» (такого словаря в документах ОГЭ, ЕГЭ по обществознанию нет), будет полезна при подготовке к урокам, олимпиадам по обществознанию и праву.

❖ Список литературы

1. Володина С.И. Обществознание. Основы правовых знаний : учеб. для 8-9 классов: в 2 ч. – Москва : Академкнига, 2022. – 256 с.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Москва : АСТТ, 2004. – 4518 с.

3. Конституция Российской Федерации. – Москва : Юридическая лит., 2014. – 63 с.

4. Лосев С.А. Право : учеб. для 10-11 классов. – Москва : Интеллект-Центр, 2014. – 464 с.

5. Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации. – Москва: Изд-во Государственной Думы, 2014. – 240 с.

Францевская Е.И.,
аспирант, НИУ «БелГУ», г. Белгород;
науч. рук. – Плотникова Л.И.,
д. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЕ СЛОВО КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗНОГО ВИДЕНИЯ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА З. ГИППИУС)

Аннотация. В статье описываются особенности индивидуально-авторских слов как особой формы вербализации авторского мировосприятия действительности. Выявляется взаимосвязь философской концепции З. Гиппиус и словотворчества. Описываются авторские слова в поэтических текстах автора как репрезентанты особой поэтической картины мира поэта.

Ключевые слова: поэтический текст, индивидуально-авторские новообразования, словотворчество.

Summary. The article describes the features of individual-authored words as a special form of verbalisation of the author's worldview of reality. The relationship between the philosophical concept of Z. Hippius and word creation is revealed. The author's words in the author's poetic texts as representatives of the poet's special poetic picture of the world are described.

Keywords: poetic text, individual-authored innovations, word creation.

Поэтический текст – особый продукт лингвокреативной деятельности автора, имеющий ряд семантических, структурных и функционально стилистических свойств. Как особая форма отражения поэтической картины мира, «язык поэзии обладает рядом специфических особенностей, среди которых особое значение приобретают эмоциональные и экспрессивные средства» [Чумак-Жунь 2009: 24]. Как отмечает Ю.М. Лотман, на поэтический язык «накладываются новые, дополнительные по отношению к языку, ограничения: требование соблюдать определенные метро-ритмические нормы, организованность на фонологическом, рифмовом, лексическом и идейно-композиционном уровнях» [Лотман 1972: 35].

Поэтический текст как система «имеет богатые средства для выражения любого дерзания мысли, любых ее нюансов, вплоть до самых тонких – только надо уметь найти эти средства. Они не даны в готовом виде: готовы только шаблоны. Но они есть, и всякий ищущий находит их» [Щерба 1957: 131]. Г.О. Винокур отмечает, что язык поэзии обладает особой поэтической функцией, «которая не совпадает с функцией языка как средства обычного общения, а представляет ее своеобразным обособлением. Поэтический язык в этом смысле есть то, что обычно называют образным языком» [Винокур 1970: 142]. Образность (изобразительность) поэзии – «новая материальная

среда, которая рождается из слова и которая слово превращает в образ» [Гучинская 1984: 5]. Так, в структуре поэтического текста любая языковая единица становится фундаментом для построения новых значимых языковых объектов. Важным элементом при этом является фонетико-графическая организация стихотворного текста: в структуре поэтического текста звуки и звукокомплексы приобретают значения, становятся источниками различного рода ассоциаций.

Ритмико-интонационная сторона стихотворного текста выражается в графической организации. Граница стиха, по мнению Л.Г. Луниной, «поддерживает ритмико-синтаксическую завершенность строки, то есть служит дополнительным сигналом об окончании предложения, части сложного предложения, именной группы, глагольной группы и т.д.» [Лунина 1985: 170]. Именно интонация имеет тесную связь с просодическими элементами (фразовое ударение, длительность, темп, ритм и др.).

Особая роль в поэтическом тексте отводится словесной организации, в первую очередь это использование многозначных слов, синонимов, антонимов, паронимов, омонимов и авторских новообразований. М.М. Бахтин подчеркивает, что «только в поэзии язык раскрывает все свои возможности, так как требования к нему в этой сфере максимальны: все стороны его напряжены до крайности, доходят до своих пределов, поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого» [Бахтин 2003: 92].

Своеобразным выражением авторской картины мира, свидетельством лингвокреативного потенциала личности являются индивидуально-авторские новообразования, под которыми мы понимаем «неузуальные слова, отсутствующие в языковой традиции и сконструированные самим автором с определенной художественной целью» [Плотникова 2019: 223]. Термины *индивидуально-авторские новообразования*, *авторские слова*, *лексические инновации* рассматриваются нами как синонимичные.

Словотворчество как компонент идиостиля автора является отражением индивидуальной картины мира поэта. Авторские слова в структуре поэтического текста становятся особой формой передачи авторского мировоззрения, обладают высоким изобразительно-выразительным потенциалом. Яркие примеры взаимосвязи словотворчества и индивидуально-авторского видения действительности дают поэтические тексты З. Гиппиус. Важным представляется положение Н.А. Богомолова о том, что «рассмотрение идеологической стороны ее творчества, определившее именно те основания, на которых она строила свою художественную систему, является неотъемлемым и обязательным атрибутом изучения специфики не только языка, но и всей картины мира мирозерцания поэта» [Богомоллов 2001: 851].

Уже в ранней лирике поэта прослеживаются мотивы, получившие своё развитие в дальнейшем творчестве автора, – это печаль, грусть, одиночество,

смерть. Как представитель символизма, З. Гиппиус следовала в своей творческой деятельности его главным заветам, среди которых можно в первую очередь назвать следующие: наделение слов метафорическим смыслом, не прямое использование речевых элементов, словесная живопись, отношение к поэзии как к исповеди. Однако поэт дополняет общие положения своими философскими взглядами. Поэтический текст для автора становится способом единения с Богом: «Каждый человек непременно молится или стремится к молитве, – все равно, сознает он это или нет, все равно, в какую форму выливается у него молитва и к какому Богу обращена. <...> Поэзия вообще, стихосложение в частности, словесная музыка – это лишь одна из форм, которую принимает в нашей душе молитва» [Гиппиус 2001: 64].

Мировоззрение поэта формировалось в переходный период, поэтому в поэтическом творчестве отмечается эволюция авторской позиции в субъективном отражении действительности. Например, одной из главных тем эпохи становится революция. Как яркий участник политических событий (в доме Мережковских неоднократно проводились собрания в поддержку революции, после – против нее. Это привело к тому, что З. Гиппиус и Д. Мережковский были вынуждены уехать из страны) автор восприняла первую революцию с энтузиазмом. Так, стихотворение «Все кругом» наполнено целым каскадом авторских слов-адъективов. Обратим внимание, что почти весь поэтический текст построен из прилагательных. Уже в названии заявлено, что речь пойдет о том, что происходит вокруг. Автор не называет конкретных реалий, а лишь передает свое отношение к происходящему, выражает непонимание причин бездействия народа. В финале стихотворения звучит надежда на то, что изменения всё-таки случатся:

*«Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко-тупое, всегда безобразное,
Медленно рвущее, мелко-нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тесное,
Явно довольное, тайно-блудливое,
Плоско-смешное и тошно-трусливое,
Вязко, болотно и тинно застойное,
Жизни и смерти равно недостойное,
Рабское, хамское, гнойное, черное,
Изредка серое, в сером упорное,
Вечно лежащее, дьявольски косное,
Глупое, сохлое, сонное, злостное,
Трупно-холодное, жалко-ничтожное,
Непереносное, ложное, ложное!*

*Но жалоб не надо. Что радости в плаче?
Мы знаем, мы знаем: все будет иначе»* [Гиппиус 1999].

Стихотворение наполнено гневом, это находит отражение в созданных автором разнословных сложениях, в которых объединяются слова с негативной окраской, однозначно и ярко отражающие отношение к происходящему.

Последующие события вызвали у З. Гиппиус явное неприятие, так, в стихотворении «Юный март» автор уже с иронией описывает надежды народа на изменения, связанные с отставкой Николая II и приходом новой власти:

*«Пойдем на весенние улицы,
Пойдем в золотую метель.
Там солнце со снегом целуется
И льет **огнерадостный** хмель.
По ветру, под белыми пчелами,
Взлетает пылающий стяг.
Цвети меж домами веселыми
Наш гордый, наш мартовский мак!»* [Гиппиус 1999].

В поэтическом тексте создано лексическое новообразование *огнерадостный*: как свидетельствует контекст, для поэта это огонь, который сжигает всё на своем пути, однако в сочетании со словом *хмель* авторское слово создаёт ощущение мнимого восприятия, опьянения народа ложными представлениями о будущем.

З. Гиппиус отстаивала свои идеи поэзией, в которой значимая роль принадлежит индивидуально-авторским новообразованиям. Примером выражения негативного отношения к происходящему в стране могут послужить разнословные сложения-адъективы: «Гляжу – *шевелиются их спины / В зловонно-сумрачной пыли*» («Пауки»); «Я в лучах *блестяще-властных / Умираю от бессилья...*» («Богиня»); «Но стыдно тем, кто, *весело-покорны...*» («Петроград»).

Основными темами поэзии З. Гиппиус являются любовь, социум и смысл жизни. Поэт стремится познать, зачем человек приходит в мир и что есть реальная жизнь. Желание осознать вопросы бытия породило религиозную концепцию поэта – идею Третьего Завета и Богочеловеческой теократии [Гиппиус 2000: 151-152]. В философско-религиозной концепции З. Гиппиус важное место занимают понятия «триада» и «сверхчеловек». Главная её составляющая – переход одного состояния в другое: 1) *Я* (Личность), 2) *Ты* (Личная любовь), 3) *Мы* (Общество) [Гиппиус 1953: 107]. По мысли поэта, каждый человек стремится к Богу и может достигнуть его лишь после смерти, когда начинается истинная жизнь. На протяжении своего пути личность одинока, но ищет попутчика. Перейдя из одной ипостаси в другую, достигнув единения с собой, человек становится сверхчеловеком [Гиппиус 1975: 79].

Среди авторских новообразований значительное место отводится религиозной лексике как способу вербализации авторского отношения к социальным изменениям, например: «И радость во взоре / *Моливленно-*

чистая, / Весенние зори, / Сирень восьмиллистая...» («Земля»); «*Дрожи, чтоб Святой и тебе не отмстил / Твое блудодейство, Россия!*» («Имя») и др.

В религиозной концепции З. Гиппиус важную роль играет душа и связанные с нею чувства – горе, страдание, грех, любовь. Примером могут послужить лексические инновации – многочисленные префиксальные образования: «*Лишь холод безгорестный сердце ласкает, / А месяц склоняет – и умирает*» («Никогда»); «*Полна бесстрастия, холода и света / Бледнеющая высь*» («Вечерняя заря»); «*Безогненного чувства твоего, / Чрез мертвеца в тебе, – не принимаю*» («Ты любишь?») и др.

Отмечены примеры авторских слов-эмотивов, передающих различные чувства и выражающих авторское отношение к любви как особому божественному дару: 1) положительная коннотация («*И пламенно-чисты в полночной тиши, – Таинственно-чисты, – свиданья*» («Баллада»); «*Меч мой небесный, мой луч острогранный – / Тайна прозрачная, ласково-чистая*» («Ты») и др.), 2) отрицательная коннотация («*Со сладко-горячею грустью сплелась, / И стало ей имя – влюбленность*» («Баллада»); «*Она холодная, она змея. / Меня изранила противно-жгучая / Ее коленчатая чешуя*» («Она») и др.). Большая часть среди данных слов представлена разнословными сложениями, позволяющими поэту передать свои чувства в наиболее ёмкой форме.

Зафиксированы лексические новообразования, наполненные особым христианским мировосприятием, например: «*Чтобы душа дрожала / От счастья бессловного... / Хочу – святого жала, / Божественно-любовного*» (Святое); «*По Слову Извечно-Сущего / Бессменен поток времен. / Чую лишь ветер грядущего, / Нового мира звон*» (Непредвиденное) и др.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что индивидуально-авторские новообразования З. Гиппиус являются особой формой вербализации авторского мировосприятия действительности. Семантическая многоплановость и деривационное разнообразие авторских слов в полной мере отражают поэтическую картину мира автора. Творчество З. Гиппиус отличается особым отношением к слову, оно проникнуто верой и исповедальностью. С помощью авторских новообразований поэт создает более яркие образы, позволяющие более точно и глубоко передать его замысел. Созданные различными деривационными способами лексические инновации являются реакцией на происходившие в стране изменения, это своеобразный авторский способ осмысления действительности и места человека в изменяющемся мире.

❖ Список литературы

1. Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х годов // Собрание сочинений : в 7-ми т. – Калуга, 2003. – Т. 1. – 961 с.
2. Богомоллов Н.А. Зинаида Гиппиус / Н.А. Богомоллов // Русская литература рубежа веков (1890-е-начало 1920-х годов). – Москва, 2000. – С. 851-881.

3. Винокур Г.О. Филологические исследования: лингвистика и поэтика. – Москва, 1970. – URL: https://imwerden.de/pdf/vinokur_filologicheskie_issledovaniya_1990_text.pdf
4. Гиппиус З.Н. Profession de foi / Т. Пахмус // Новый журнал, 1975. – Т. 29. – № 102. – С. 79-96.
5. Гиппиус З.Н. Искусство и любовь // Опыты. – Москва, 1953. – № 1. – С. 107.
6. Гиппиус З.Н. Литературный дневник (1899-1907) / О. Разуменко. – Москва, 2000. – 320 с.
7. Гиппиус З.Н. Необходимое о стихах // Собрание сочинений. Т. 2. Сумерки духа: Роман. Повести. Рассказы. Стихотворения. – Москва : Русская книга, 2001. – 560 с.
8. Гиппиус З.Н. Стихотворения / А.С. Кушнер, К.М. Азадовский, В.Э. Вацуро, М.Л. Гаспаров и др. – Санкт-Петербург, 1999. – 612 с.
9. Гучинская И.О. Стихотворная речь в стилевой системе художественной речи (на материале немецкой поэзии). – Ленинград, 1984. – 440 с.
10. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Ленинград, 1972. – 272 с.
11. Лунина Л.Г. Структурно-семантические особенности стихотворного текста // Структура и функционирование поэтического текста. Очерк лингвистической поэтики. – Москва, 1985. – С. 160.
12. Плотникова Л.И. Изобразительно-выразительный потенциал индивидуально-авторских слов в поэтическом тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 3. – С. 222-226.
13. Чумак-Жунь И.И. Поэтический текст в русском литературном дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. – Белгород, 2009. – 244 с.
14. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – Москва, 1957. – 192 с.

Шевченко Е.М.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

СЛАВЯНСКИЙ КРУГЛЫЙ ГОД В НАСЛЕДИИ В.И. ДАЛЯ

Аннотация. С древних времен основу быта восточных славян занимало земледелие, в силу чего их культура, традиции, обряды тесно связаны с сельскохозяйственными работами, которые обусловлены сменой времен года. Анализ народного календаря в литературном наследии создателя «Словаря живого великорусского языка» позволяет выявить архетипичные ментальные установки, суеверия, наследуемые от древнейших эпох. Славянские лексемы, репрезентирующие народный календарь стали объектом данного исследования.

Ключевые слова: народный календарь, лексема, этимология, внутренняя форма, национальная картина мира.

Summary. Since ancient times, agriculture has been the basis of the life of the Eastern Slavs, due to it their culture, traditions, and rituals are closely connected with agricultural work, conditioned by the changing seasons. An analysis of the national calendar in the literary heritage of the creator of “the Dictionary of the Living Great Russian Language” reveals archetypal mental attitudes, superstitions, inherited from the most ancient eras. Slavic lexemes representing the national calendar have become the object of this study.

Keywords: national calendar, lexeme, etymology, internal form, national worldview.

С древним времен основу быта восточных славян занимало земледелие, в силу чего их культура, традиции, обряды тесно связаны с сельскохозяйственными работами, которые обусловлены сменой времен года. Объектом нашего изучения стали лексемы, репрезентирующие народный календарь в наследии Владимира Ивановича Даля, который по крупицам собирал древние знания, утверждая: «Не знаешь прошлого – не поймешь настоящего», что обуславливает актуальность данного исследования, позволяя расширить и углубить знание о реалиях и быте, а, соответственно, национальной картине мира русского народа.

В рамках данного исследования мы опираемся на дефиниционный, контекстуальный, этимологический, лингвокультурологический анализы. Обратимся к детальному анализу лексем

Слово *calendae* имеет латинские корни и означает ‘первый день месяца’, восходя к глаголу *calare* в значении ‘выкликать’. Известно, что в Древнем Риме существовала традиция, согласно которой обязанностью верховного жреца было громко произносить первый день каждого нового месяца [Круглый год].

Анализируя старинную народную систему номинаций месяцев по словарю Даля, можно получить четкое представление о славянском круглом годе. Обратимся к рассмотрению названья годовых месяцев. Январь по народному календарю: *васильев месяц, перелом зимы, стар. сечень, просинец*. В славянском народном календаре смешались православные и языческие праздники. Некоторые лингвисты считают, что *просинец* указывает на удивительно синий цвет неба в январе. Январь сечет зиму пополам, отсюда

название *сечень*, хотя некоторые ученые полагают, что крестьяне рубили («секли») леса, готовя земли к весеннему посеву. Январь называют *Васильевым* месяцем в честь святителя Василия, празднование приходится на *перелом зимы* – 1 января. В древности Новый год праздновался с приходом весны: с яркими лучами солнца природа оживала – начинался новый земельный цикл. Подтверждение этому мы находим в «Толковом словаре живого великорусского языка», где есть слово *авсень* широко «известное почти только в акающих областях; вероятно овесень, первая встреча весны: первый день весны, 1 марта, коим прежде начинался год; ныне название это перенесено на Новый год и на Васильев вечер, канун Нового года. В песнях: тусень, титусень, туасень, таусель; щедрованье или обсев хозяина житом, с пожеланьями; свиная голова к обеду; вечером гаданья» [Толковый словарь]. С праздничными традициями Нового года связана лексема *коляда* ж. южн. и зап. (лат. *calendae*) *святки и праздник Рождества Христова и все дни до Крещения*. Лексема *коляда* в этимологическом словаре Крылова означает: 1) «святки, сочельник, колядование – хождение с песнями под рождество»; 2) «зимнее солнцестояние», колядка «песенка при колядовании», укр., блр. коляда́, ст.-слав. колада (Euch Sin.), болг. ко́леда «рождество», сербохорв. ко́леда «колядка», словен. koléda «колядование», чеш. koleda «коляда», польск. kolęda – то же [Этимологический словарь]. Дешифровка данной лексемы приводит к интересной традиции *колядованья* – «обряду хождения по домам в Рождество и Новый год, с поздравленьем, песнями, со звездою или с житом, для сбора денег и пищи».

Согласно словарю Даля, февраль: *бокогрей, широкие дороги, стар. сечень, лютый*. Указанные лексемы отражают природные характеристики данного месяца. Этимология лексемы *бокогрей* связана с тем, что «в февральские метели наши предки грели себе бока на русских печках...». Лексема *сечень*, по одной из версий, связана с «секущими» холодными ветрами, по другой, с расчисткой леса для весеннего сева. Лексема *лютый* в разных вариантах встречается в других славянских языках, например, «в украинском – *лютий*, в белорусском – *люты*, болгарском – *лют*. Является родственным польское слово *luty* – «февраль». Значение слова *лютый* – «жестокий, злобный, свирепый, суровый». Производное: *лютовать*» [Этимологический словарь].

Согласно словарю Даля, март: *пролетье, свистун, стар. березозол, сухой*. Лексема *сухой* восходит к индоевропейской основе *сохнуть*, что указывает на природные процессы [Этимологический словарь].

Апрель репрезентирован лексемами: *брезен, кветень, цветень*. «В апреле земля преест. Апрель всех напоит. Март пивом, апрель водою, славится. Ни в марте воды (условно), ни в апреле травы» [Даль 2006]. Номинация апреля – *березозол*, по мнению Карамзина, связана со словом *зола*, очевидно, чередование корней «зол» с «зел», что, на наш взгляд, может указывать на зелень берез, о чем находим подтверждение в этимологическом словаре Фасмера [Этимологический словарь]. Природное потепление отражено в

номинации народного праздника «Алексея Теплого, Алексея-с-гор-вода или с-гор-потоки, Алексея-пролей-кувшин, в народе, день 17 марта, ростопель. С гор вода, а рыба со стану, с зимней лежки. На Алексея Теплого доставай улья изо мшеника южн. Покинь сани, ряди (ладь, готовь) телегу. Сани на поветь. Выверни оглобли из саней. Каковы ручьи на Алексея, таковы и поймы» [Даль 2006]. В словаре Даля отражены не только наблюдения за природными изменениями, но мы получаем представления об укладе жизни народа. Названия дней в апреле (*Антипы-Половода* или водополюя, в народе, день 11 апреля) указывает на природные явления, связанные с разливом рек, что отражено в следующих народных приметах: «Антипа воду распустил. Коли на Антипу воды не вскрылись, то будет плохое лето. Антипа в овражке топит. На Антипу под порогом брод, на улице переправа» [Даль 2006].

Май в народном календаре называется *травень*, напрямую подчеркивая весеннюю зелень, которая появляется в мае. Владимир Иванович отмечает обманчивое майское тепло: «Ай, ай, месяц май и тепел, да холоден! Май обманет. Тяжелый месяц: Май – коню сена дай, да на печь полезай, и холодно, и корму нет. Апрель – учись, учись да преи, май – гуляй, июнь – учись, учись да плюнь, июль – собирай книги в куль (семинаристское). Май обманет, в лес уйдет. Май смаит» [Даль 2006]. В словарной статье мы находим указание не только на голодный и холодный май, но и учебные реалии семинаристов. Кроме того, с древности существовало представление о мае как неудачном периоде для рождения и свадеб, что зафиксировано в Словаре: «В мае родиться (жениться), век промаяться. В май добрые люди не женятся (крестьянские свадьбы бывают осенью, по окончании работ, которые в мае только начинаются). Рад бы женился, да май не велит. Захотел ты в мае добра! Захотел ты у мужика да в мае перепутья (дорожной пищи)» [Даль 2006].

Не менее голодным для крестьян был и июнь – *червень*, *изок*. Лексема *изок*, согласно русскому этимологическому словарю онлайн, имеет значение ‘кузнечик, цикада’ [Этимологический словарь]. В старину наши предки называли этим словом кузнечиков. Номинация данной лексемы связана с огромным количеством кузнечиков в первый летний месяц.

В день Аграфены-Купальницы, народн. день 23 июня, канун Ивана-купалы, Ивановской ночи, «лютые (ошибочн. мытые) коренья: в сев. губ. закупаются, купаются впервые, что в южн. делается уже в мае, после первой грозы. Моются в банях и в реке; общее купанье с песнями; праздник купальщиков; обетная каша, складчиною. На Аграфену, коли гречиха мала, овсу порост». Владимир Иванович отмечает древние сакральные традиции празднования Иванова дня или Ивана купалы, 24 июня. «Иванова ночь замечательна мнимым цветом папортника, кладоисканьем. Иван постный, день Усекновения главы Предтечи» [Даль 2006]. В данном празднике, как и во многих других, сплелись языческие и христианские традиции. В словаре Даля есть лексема *адалень* м. (вероятно, *одалень*), ‘водяное растение купальница, купавка, *Nuphar*, *Niphar*, растущее поодаль от берегов, на глубине и по омутам; есть белые, желтые и (астрх.) пестро-алые; озерной лапушник,

водяной пострел? кубышка, курочки, кувшинка, кувшинчики, лататье, вахтовник, водолей, лопуха' [Толковый словарь]. Известно, что одолень – 'трава, она же неньюфара или кувшинка использовались для разрыва колдовских чар при поиске папартников'.

По народному календарю, июль: *сенозарник, страдник, грозник, макушка лета; стар. червень, липец*. Внутренняя форма перечисленных лексем прозрачна. Интерес представляет рассмотрение *червень* в диахронии. «Праслав. *šьgvjēpъ, прич. прош. страд. от šьgviti «красить в красный цвет» (др.-русс. чьвити, сербск.-цслав. чрьвити), а последнее – от *šьrvъ (см. червь), ср. народнолат. *vermiculus* «красный» от *vermiculus* «червячок, кошениль, из которой добывали пурпурную краску» [Карта слов и выражений]. Так, лексема *червень* связана с красным цветом, поскольку в этом период зреют ягоды.

Август номинируется лексемами: *народн. капуста, стар. серпень, зарев*. Лексема *серпень* связана с орудием труда при уборке урожая, а зарев – с ревом животных.

Сентябрь репрезентируется лексемами: *осенины, засидки, бабье лето, летопроедец; стар. вресень, ревун, рувень, рюень*. «В сентябре одна ягода, и то горькая рябина. Холоден сентябрь, да сыт. Сиверко, да сытно. В сентябре огонь и в поле, и в избе». Сентябрь – *рюен* (он же *рюень, ревун*). Происходит от слова *рев*, то есть это месяц, когда режут звери.

Внутренняя форма лексем, номинирующих октябрь, предельно прозрачна: *грязник, свадебник, зазимье, старин, паздерник, грудень, листопад*. Дешифровки требует лексема *паздерник*, которая имеет значение 'листобой, холодный северный или северо-восточный осенний ветер, оголяющий деревья от листвы' [Словари и энциклопедии]. Мы считаем, что корни данной лексемы восходят к глаголу *драть*, что проясняет мотивировку – «месяц, сдирающий листья с деревьев».

Ноябрь репрезентирован лексемами *братчины, стар. листопад, грудень*. Лексема *грудень* однокоренная со словом *груда*. Дело в том, что в этом месяце земля уже смерзлась и лежала комьями (грудами), а снега еще не было.

Декабрь представлен лексемами *студень, зимник; стар. студень, студений*, дешифровка которых сложностей не вызывает.

В словаре Даля широко представлены народные праздники, по структуре состоящие из имени собственного и существительного характеризующего род деятельности или состояния, связанные с этим днем. Так, Акулины-Гречушницы, в народе, день 13 июня «сеют гречу; скот от жаров и овода бесится, строчится (строка, зык, бызы). Мирская каша для нищей братии; праздник каш. На Акулину не работай, чтобы греча родилась, кур. Гречу сей либо за неделю до Акулины, либо неделей после» [Толковый словарь]. Согласно Далю, считается, что лесная малина созревает на Авдотьи-Малиновки, народное название дня 4 августа. Этот же день Евдокии-

огуречницы: огурцы созревают; он же Семи Отроков, сеногноя; дожди сеногноят [Толковый словарь].

Семен-день, 1-е сентября, Симеона-летопроводца, начало бабья лета. ‘Последний посев ржи; севалка с плеч; позже сеять грешно; Семен-день, и семена долой. Конец уборки ржи. Семен лето провожает, осень встречает; первая встреча осени, щанины. осенины, засидки: первый огонь в избе, работают с огнем; начало посиделок, супрядок, досветок’ [Толковый словарь].

Анастасии-Овечницы, Аврамия-овчара, в народе, день 29 октября. К примеру, день *Анисьи-Желудочницы*, в народе, день 30 декабря. Варят свиную требуху, гадают о зиме, по черевам, по печени и селезенке. Аналогичное гадание существовало у этрусков, которые были представителями проторимской цивилизации и населяли северо-запад Аппенинского полуострова.

В самой Аксиньи-Полухлебницы или – полужимницы, в народе, день 24 января. ‘Половина зимних запасов съедена; прошла половина времени от старого до нового хлеба; озимое зерно пролежало половину срока до исхода. Цены на хлеб до нового устанавливаются. Какова Аксинья, такова и весна. Метель на полужимницу корм подметает, корма будут плохи. Полужимница пополам, да не равно (делит зиму): к весне мужику тяжелее’ [Толковый словарь].

Агафии-Коровятницы или Голендухи, день 5 февраля в народе. ‘Все запасы вышли. На Агафию коровья смерть ходит, ниж. Агафона-Огуменника, день 22 августа. Леший ночью из лесу выходит, дурит в поле, раскидывает снопы по гумнам, которые и стерегут, в выворотном тулупе, с кочергою в руках’ [Толковый словарь].

Результаты исследования показывают, что концептуальные смыслы, заложенные в наследии В.И. Даля, из глубины веков транслируют древнейшие представления о культуре и мироздании русского народа. Очевидно, что в народном календаре тесно сплелись языческие праздники с православными, составляя славянский круглый год и отражая традиционный уклад жизни по природным циклам и крестьянский быт. Люди жили в полной гармонии с природой, совершая обряды, направленные на плодородие земли и урожай, что по их представлениям, было ключом к выживанию.

❖ Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – Москва : Эксмо, 2006. – 575 с.
2. Карта слов и выражений русского языка. – URL: <https://kartaslov.ru/>
3. Круглый год. Русский сельскохозяйственный календарь / Сост. А.Ф. Некрыловой. – Москва : Правда, 1991. – 496 с.
4. Словари и энциклопедии на Академике. – URL: <https://dic.academic.ru>
5. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 ч.] / [соч.] В.И. Даля. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000000554/
6. Этимологический онлайн-словарь русского языка. – URL: <https://lexicography.online/etymology>

**СЕКЦИЯ 2.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ
ПРЕЛОМЛЕНИИ**

Демичева В.В.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ОТРАЖЕНИЕ В ПАРЕМИЯХ
КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ
ЛЕКСЕМ «МУЖ» И «ЖЕНА»
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА
«ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ РУССКОГО НАРОДА» В.И. ДАЛЯ)

Аннотация. Статья посвящена анализу лексического состава пословиц из известного сборника В.И. Даля. В центре внимания – пословицы, в состав которых включены лексемы муж и жена, в которых находит отражение лингвокультурологическая составляющая русского языка. Особое внимание уделяется оппозиции этих лингвокультурем в текстах исследуемых паремий.

Ключевые слова: паремиология, лингвокультурема, наивная картина мира, муж, жена, жених, невеста, национально-культурный компонент.

Summary. The article is devoted to the analysis of the lexical composition of proverbs from the famous collection of V.I. Dahl. The focus is on proverbs, which include the lexemes husband and wife, which reflect the linguistic and cultural component of the Russian language. Special attention is paid to the opposition of these linguistic cultures in the texts of the studied paroemias.

Keywords: paremiology, linguoculturalism, naive worldview, husband, wife, groom, bride, national cultural component.

Традиционно в паремиологии пословица рассматривается как отражение наивной картины мира каждого народа. «При этом, – указывает Ю.Д. Апресян, – наивная картина мира несколько не проще научной: наивные представления отнюдь не примитивны, во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные» [Апресян 1995: 51].

Именно пословичное суждение, меткое, краткое, иногда нравоучительное, всегда обращенное к накопленному жизненному опыту прежних поколений, – представляет собой золотой фонд истории и культуры русского народа. Поэтому сегодня, когда на всех уровнях говорят о необходимости формирования у молодого поколения таких качеств, как гражданственность, патриотизм, гордость за свою родину, роль пословицы трудно переоценить.

Исследователи обращают внимание на тот факт, что центром пословицы всегда является человек: его помыслы, его поступки, его моральные качества, которые проявляются во взаимодействии, во взаимоотношении между людьми, в том числе и между людьми близкими. Именно пословицы мы исследовали в качестве материала для изучения оппозиции «муж – жена». На наш взгляд, в содержании пословиц, включающих данные лексемы, можно наглядно представить, что являлось для русского человека идеалом семейных отношений, а что – антиидеалом.

Материалом данной статьи послужили личные наименования, выписанные из текстов пословиц, представленных в сборнике В.И. Даля.

Как правило, лингвистов привлекает анализ синтаксической структуры пословиц, поскольку эта структура наиболее отчётливо выражает обобщённость. Лексический состав пословиц анализируется реже, хотя наиболее явно и непосредственно окружающая действительность и внутренний мир личности отражается в лексике, которая является зеркалом культуры народа, его менталитета, его быта, его истории, то есть выступает как национально-культурный компонент. «Национально-культурный компонент, как часть семантики слов, – отмечает В.И. Карасик, – отражает представления народа о тех или иных объектах и событиях, нашедших отражение в языке. Он может меняться под воздействием прагматических факторов, что обуславливает его трансформирование в представлении ассоциаций и коннотаций» [Карасик 2002: 8].

В качестве лексем, содержащих национально-культурный компонент, безусловно, выступают наименования лиц по степени родства. Семья в русской национальной традиции всегда воспринималась и понималась как начало, источник высших нравственных ценностей – справедливости, трудолюбия, верности, послушания, любви, гостеприимства, уважения к старшим поколениям. Наши предки считали, что каждый человек должен создать семью, быть и жить в семье. Поэтому в пословицах сказано: *«Человек без семьи, что дерево без плодов»* [Даль 2004: 243]. *«Когда нет семьи, так и дома нет. Семья – опора счастья. В семье и каша гуще»* [Даль 2004: 245].

Особое отношение было в семейной традиции к мужу и жене, которые должны были вместе, рука об руку идти по жизни. При выборе будущей жены надо было слушать старших членов семьи, искать будущую супругу, которая будет покладистой, послушной, верной, то есть доброй женой, иначе можно ошибиться: *«Один женился – свет увидал; другой женился – с головою пропал»* [Даль 2004: 228]. Конечно, любой жених мечтал и о крепком доме, и о достатке, и о доброй хозяйке, но всегда были сомнения и опасения, что нашло отражение в следующих пословицах: *«Богатую взять – станет попрекать! Хорошую взять – много будут люди знать. Умную взять – не даст слова сказать»* [Даль 2004: 232].

В ходе исследования мы отметили несколько оппозиций: первая из них – хороший муж и хорошая жена. В русском национальном восприятии семьи «хороший муж» – это глава семьи, крепко стоящий на ногах, опора, умеющий прокормить и обеспечить жену и детей: *«Дома не в гостях – посидев, не уйдёшь; Женился – навек заложился; Дом вести – не бородой трясти»* [Даль 2004: 233], *«Хоть гантай порви, а жену прокорми; Крест с шеи продай, а жену прокорми»* [Даль 2004: 234]; у него должно быть не

только крепкое слово, но и крепкая рука, он должен уметь и опекать, и охранять домочадцев: *«За мужнину жену есть кому вступиться; Без жены, что без кошки, без мужа, что без собаки (некому охранять); За мужем, как за каменной стеной»* [Даль 2004: 76].

«Хорошая жена» в понимании русского человека – это, во-первых, умная женщина: *«Умная жена, как нищему сума (все сбережет.)», «Мужа чтут за разум, жену по уму (т. е. за доброе поведение)»*. Ясно, что умная жена – это не та, что много знаний имеет, а та, что ведет себя в семье, куда она пришла человеком чужим, где ей надо суметь понравиться, показать себя с лучшей стороны, по-умному (почтительное отношение к мужу и его родителям; смиренность и старание в любом деле). Во-вторых, это хранительница домашнего очага, которая делает все, чтобы в доме был порядок, достаток: *«Добрая жена дом сбережет, а плохая рукавом разнесет (растрясет)»; «Без жены как без шапки»; «Без мужа, что без головы; без жены, что без ума»; «Без мужа голова не покрыта; без жены дом не крыт»* [Даль 2004: 235]. Во всех этих пословицах признается негласная, но главная роль женщины в доме, потому что именно от нее, от ее умения вовремя промолчать, или вовремя вставить нужное слово зависит крепость семейных уз, крепость брачного союза. В-третьих, хорошая жена – это женщина любящая и почитающая своего супруга, данного ей Богом: *«Красна пава пером, а жена нравом»; «С подружьем и горе пополам разгорюешь»; «Птица крыльями сильна, жена мужем красна»; «Муж жене отец, жена мужу венец»* [Даль 2004: 235].

Семейные дела – ссоры, упреки взаимные, даже рукоприкладство – русские люди не выставляли на показ, не следовало выносить сор из избы, тем более что *«смерть да жена — богом суждена»* [Даль 2004: 232]. Именно поэтому супруги должны были понимать, ценить и уважать друг друга, стараться видеть в делах и помыслах хорошее, сохранять семью, потому что – это пример для детей, это счастливое будущее. Поэтому во многих пословицах звучит тема единения, уважительного отношения между супругами: *«Промеж мужа и жены нитки не проденешь»; «Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад»; «Живут рука в руку, душа в душу»; «Согласную семью и горе не берет»* [Даль 2004: 236]. Однако суровые законы, прописанные в «Домострое», требовали от мужа меньше мягкости в обращении с женой: во-первых, нельзя допустить, чтобы жена командовала в доме, чтобы муж дал ей волю: *«Кто жене волю дает, тот сам себя бьет»; «От мужа поволька – жена самоволька»; «Дал муж жене волю – не быть добру»* [Даль 2004: 236]; во-вторых, жене не следует слишком доверять – *«Нет в лесу столько поверток, сколько у бабы (у жены) уверток»* [Даль 2004: 237]; в-третьих, жену обязательно надо «учить», то есть наказывать,

иначе не будет к мужу уважения – *«Любить жену – держать грозу»*; *«Жену не бить – и милу не быть»* [Даль 2004: 238].

На Руси исторически сложилось так, что даже женатый мужчина – человек вольный, свободный, и эта свобода простиралась и на супружеские измены, которые жена должна смиренно и покорно прощать, а вот ей самой надо хранить верность, не смотреть даже в сторону другого мужчины, не поднимать глаз при встрече и разговоре. Об этом речь идет в следующих пословицах: *«Чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая»*; *«Муж задурит, половина двора горит; а жена задурит, и весь сгорит»* [Даль 2004: 237]. Кроме того, ответственность за прегрешение ложится только на женщину, поэтому: *«Мужнин грех за порогом останется, а жена всё домой несёт»*; *«Муж согрешил, так в людях грех, а жена согрешила, так домой принесла»* [Даль 2004: 238].

И всё же в народной традиции муж воспринимается как голова семьи, а жена – шея, которая этой головой вертит. На муже заботы о материальном обеспечении семьи, а на жене – об атмосфере домашнего тепла и уюта, благодаря чему женщина сумеет расположить к себе супруга, добьется желаемого: *«Муж – голова, жена – душа»*; *«Утро вечера мудренее, жена мужа удалее»*; *«Продай, муж, лошадь да корову, купи жене обнову!»*; *«Жена мужа почитай, как крест на главе; муж жену береги, как трубу на бане!»* [Даль 2004: 238].

Таким образом, даже такой небольшой фрагмент анализа даёт возможность увидеть несколько характерных для русского менталитета признаков, которые позволяют сформировать представление о культурно-национальной специфике представленности в пословицах лексем «муж» и «жена». В зависимости от ценностной установки, содержащейся в пословице, можно судить о нормативности тех или иных обиходно-бытовых ситуаций, поскольку пословицы «есть по традиции предаваемый из поколения в поколение язык веками сформировавшейся культуры, в котором в сентенциальной форме отражены все категории и установки этой жизненной философии народа – носителя языка» [Телия 1996: 43].

❖ Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-67.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. – Москва : Эксмо, ННН, 2004. – 616 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 75 с.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва : Прогресс, 1996. – 288 с.

Лукиянова А.К.,
студент, КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь;
науч. рук. – Сегал Н.А.,
д. филол. н., КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

**ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА
КАК ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА ПРИМЕРЕ КОНСТРУКЦИИ «ЗА ДВУМЯ ЗАЙЦАМИ
ПОГОНИШЬСЯ – И ОДНОГО НЕ ПОЙМАЕШЬ»)**

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей реализации пословицы «за двумя зайцами погонишься – и одного не поймаешь» в текстах современных СМИ. Выявляется семантико-прагматический потенциал конструкции в текстах современных СМИ. Устанавливаются различия между денотативным содержанием и текстовой интерпретацией исследуемого языкового факта.

Ключевые слова: пословицы, конструкция, медиатекст, значение, сборник.

Summary. Annotation. The article is devoted to the analysis of the features of the implementation of the proverb «you chase two birds with one stone and you won't catch one» in the texts of modern media. The semantic and pragmatic potential of the construction in the texts of modern media is revealed. The differences between the denotative content and the textual interpretation of the linguistic fact under study are established.

Keywords: proverbs, construction, media text, meaning, collection.

В русской речи огромное значение имеет употребление ряда общеизвестных пословиц и поговорок. Часто они помогают выразить мнение говорящего по какому-либо поводу, показать его отношение к происходящему или более емко передать ту или иную мысль. С древних времен русскоязычное население пользуется различными конструкциями, многие из которых отражены в «Пословицах русского народа» Владимира Ивановича Даля. В сборнике можно найти как часто употребляемые выражения, так и более редкие, которые сохранились в качестве наследие русского народа, но уже не используются постоянно, но все еще сохраняются в памяти определенной группы населения. Нередко в современном медиапространстве можно встретить употребление различных пословиц в разных формах. В зависимости от контекста первоначальный вид и значение пословицы может измениться. Целью данной статьи является изучение семантико-прагматического потенциала пословицы «за двумя зайцами погонишься – и одного не поймаешь» в текстах русскоязычных СМИ.

Одной из пословиц, которая довольно часто употребляется в новостных статьях и присутствует в «Пословицах русского народа» Владимира

Ивановича Даля, является конструкция «за двумя зайцами погонишься – и одного не поймаешь». Смысл этой пословицы можно трактовать по-разному. Например, она может поучать, что нельзя браться за два важных дела одновременно, нужно уметь сосредоточиться на одном, чтобы выполнить его должным образом. Только тогда можно добиться желаемого результата в любом начинании. Если же взяться за огромное количество работы, то не получится сохранить концентрацию и сделать задуманное хорошо. Эта конструкция часто употребляется в медиатекстах, однако также видоизменяется и приобретает новые значения.

В новостных статьях, которые стали основным источником нашего исследования, присутствует конструкция «за двумя зайцами погонишься – и одного не поймаешь» из сборника Владимира Ивановича Даля «Пословицы русского народа», но при этом она определенным образом изменяется. Так, например, в конструкции, использованной в начале одного из медиатекстов, первая часть совпадает с толкованием этой пословицы Владимиром Ивановичем Далем, другая же половина известной пословицы полностью отличается: *«За двумя зайцами погонишься – обоих накормишь»* [2]. Рассматривая этот медиатекст, мы наблюдаем пример замены компонентов в выражении, это приводит к изменению его смыслового содержания. В изначальном варианте говорится о невозможности поймать желаемого зайца, в контексте рассматриваемой новостной статьи ситуация совершенно другая – зайцев не только не упустили, но еще и накормили. В анализируемом медиатексте говорится о зайце как о лесном зверьке, что можно подчеркнуть из следующего заголовка: *«Как сохранить и приумножить популяцию зайцев в Тамбовской области? Для охотоведов региона провели выездной семинар в Мордовском районе, где созданы самые благоприятные условия для увеличения численности этих зверей. Почему в этом районе зайца-русака больше, чем в остальных»* [2]. Как мы видим на примере этой новостной статьи можно увидеть в пословице замену компонентов, приводящую к изменению ее смыслового содержания.

Существуют и другие медиатексты, в которых используется анализируемая пословица. В них также знакомая всем конструкция может принимать абсолютно другой вид. В качестве примера можно привести следующий заголовок из новостной статьи: *«За двумя зайцами погонишься, обоих поймаешь: жаркая ночь выдалась у приморских росгвардейцев»* [3]. Здесь также присутствует замена компонентов. Первая часть половицы совпадает с вариантом из сборника Владимира Ивановича Даля «Пословицы русского народа», вторая часть полностью изменена, так как ее значение прямо противоположно тому, что представлено в знакомом всем выражении.

В пословице в сборнике Даля не удастся поймать ни одного зайца, в конструкции из медиатекста зайцы оказываются пойманными и даже уточняется, что «жаркая ночка выдалась у приморских росгвардейцев». Также необходимо отметить, что в анализируемом выражении из новостной статьи значение является более очевидным. Автор говорит о том, что «в Уссурийске отряд вневедомственной охраны Росгвардии задержал двух опасных преступников за ночь» [3]. Эта новость и легла в основу появления новой формы известной всем пословицы. Можно заключить, что в основе ее возникновения лежит принцип замены компонентов в первоначальном варианте пословицы, представленной в том числе и в «Пословицах русского народа» Владимира Ивановича Даля.

В большинстве рассматриваемых в рамках этой работы медиатекстов измененный вариант пословицы присутствует именно в заголовке новостной статьи. Это помогает привлечь читателей, ведь каждый из нас знает эти выражения, и употребление их в другой форме может заинтересовать общественность. То же можно сказать и о следующем заголовке медиатекста: «*За двумя зайцами погонишься, а попадешь в РНП*» [1]. Как и в предыдущих примерах, новая конструкция создана автором новостной статьи путем замены компонентов пословицы. Так, например, вторая половина пословицы изменила свое значение: вместо упущенных зайцев ожидает угроза попасть в РНП. Первоначальный смысл выражения, которое также отражено и в сборнике Владимира Ивановича Даля, полностью меняет свое смысловое содержание. Возникла же новая конструкция в связи со следующими событиями, указанными автором в тексте: «17 марта 2014 года Комиссией Псковского УФАС России принято решение о включении ОАО «Автоколонна №1121» в реестр недобросовестных поставщиков» [1]. Итак, можно утверждать, что появление новой вариации всем известной пословицы связано непосредственно с изменением автором новостной статьи как в форме первоначальной конструкции, так и в ее содержании.

Есть и другие примеры употребления пословицы из сборника Даля в новостных статьях. Так, например, в заголовке одного медиатекста говорится следующее: «*За двумя зайцами погонишься – поймашь многозадачность*» [4]. В рассматриваемом выражении первая часть также совпадает с общеупотребительным вариантом пословицы, а изменению подвергается ее вторая часть. Автор текста рассуждает о том, какая существует многозадачность, утверждая, что она может быть как хорошей, так и плохой. Так, например, «*под «хорошей» многозадачностью следует понимать способности и навыки людей выполнять несколько дел одновременно, являющихся по факту одной задачей*» [4]. Плохой многозадачностью автор называет те случаи, когда

человек берется за несколько совершенно разных дел одновременно и не может быстро и качественно выполнить ни одну из них. Можно сказать, что значение проиллюстрированной в медиатексте конструкции более широкое, чем в изначальном варианте пословицы, отраженной также и в сборнике Владимира Ивановича Даля.

Итак, на основе всего вышеизложенного, сделаем следующие выводы. Анализ показал, что конструкция «за двумя зайцами погонишься – и одного не поймаешь» встречается в медиатекстах довольно часто и реализуется в различных формах. Во всех представленных в данной работе примерах первая часть пословицы остается привычной нам и совпадает с представленным выражением из сборника Владимира Ивановича Даля. Во второй же части происходит замена компонентов, что приводит к изменению первоначального значения, его сужению или расширению.

❖ Список литературы

1. За двумя зайцами погонишься, а попадешь в РНП. – URL: <https://pskov.fas.gov.ru/news/7064>
2. За двумя зайцами погонишься – обоих накормишь. – URL: <https://vestitambov.ru/new/za-dvumya-zajtsami-pogonishsya-oboih-nakormish/>
3. За двумя зайцами погонишься, обоих поймаешь: жаркая ночка выдалась у приморских росгвардейцев. – URL: <https://www.dv.kp.ru/online/news/3267902/>
4. За двумя зайцами погонишься – поймаешь многозадачность. – URL: <https://tocpeople.com/2019/12/za-dvumya-zajczami-pogonishsya-pojmaesh-mnogozadachnost/>

Тугова С.А.,
студент, ПГУ, г. Пятигорск;
науч. рук. – Бузов А.А.,
д. филол. н., ПГУ, г. Пятигорск

ДИНАМИКА СЕМАНТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА СЛОВАРЯ ЯЗЫКА И ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (РУССКИЙ «КРЕСТ» В.И. ДАЛЯ И Н.С. ГУМИЛЕВА)

Аннотация. В статье анализируются особенности употребления лексемы крест в поэтическом тексте Н.С. Гумилева. Семантика ключевой номинации стихотворения рассматривается сквозь призму сопоставления двух разделённых полувековой историей России картин мира: статической, представленной в словаре В.И. Даля, и динамической, отражающейся в авторском словаре текста великого русского поэта. Изобразительный экспрессивный потенциал «остановленного мгновения бытия», рассматриваемого в лексикографическом отражении живого великорусского словаря, подтверждает мысль об эстетико-эвристических ресурсах русского поэтического языка поэзии. Вывод автора статьи о неисчерпаемых языковых ресурсах народной основы речевого многоголосия. Благодаря эвристике слово в поэтическом тексте способно развивать свой семантический вектор, способствуя раскрытию нравственной и духовной правды. Как показано в работе, поэтическая эвристика семантики рождается как результат авторского субъективного, индивидуально ощущаемого и имманентного восприятия действительности.

Ключевые слова: Н.С. Гумилев, В.И. Даль, лексикографический комментарий, словарь поэтического текста, речевая динамика, «остановленное мгновение бытия», эстетическая эвристика.

Summary. The article analyzes the features of the use of the lexeme «cross» in the poetic text of N.S. Gumilev. The semantics of the key nomination of the poem is considered through the prism of comparing two pictures of the world separated by half a century of Russian history: static, presented in the Dictionary of V.I. Dahl, and dynamic, reflected in the author's dictionary of the text of the great Russian poet. The pictorial expressive potential of the «stopped moment of being», considered in the lexicographic reflection of the living Great Russian dictionary, confirms the idea of the aesthetic and heuristic resources of the Russian poetic language of poetry. The author's conclusion about the inexhaustible linguistic resources of the folk basis of speech polyphony. Thanks to heuristics, the word in the poetic text is able to develop its semantic vector, contributing to the disclosure of moral and spiritual truth. As shown in the work, the poetic heuristics of semantics is born as a result of the author's subjective, individually felt and immanent perception of reality.

Keywords: N.S. Gumilev, V.I. Dahl, lexicographic commentary, dictionary of poetic text, speech dynamics, «stopped moment of being», aesthetic heuristics.

В семиосфере русского языка и литературы. представляющей собой, по Ю.М. Лотману, семиотическое многоголосное пространство взаимодействия действительности и культуры, пересекаются различные тексты. Представляет интерес соотнесение «сильных» текстов, созданных выдающимися языковыми личностями, которые близки по этноментальному духу.

В объективе нашего анализа – два шедевра русской филологической классики Золотого и Серебряного веков отечественной культуры, представляющей вершину нравственного гуманитарного опыта человечества. Мы рассматриваем словарь живого великорусского языка Даля не только как источник информации о культуре и обществе дореволюционной России, но и как нравственное основание формирования гражданского сознания всех последующих поколений. Генетического датчанина В.И. Даля, родившегося в Луганске в самом начале XIX века и ставшего великим русским лексикографом, и русского поэта дворянина Н.С. Гумилева, слушателя Сорбонны, исследователя Африки и участника первой мировой войны, награжденного двумя Георгиевскими крестами, несмотря на более чем полувековой временной интервал, разделяющий их тексты, роднит гражданственность, основанная на твердом убеждении в силе Веры и Правды.

В основе диалога словаря Даля и поэтического текста Гумилева лежит великая миссия русского «креста» как жизненном пути познания истины. Судите сами. В семантическом поле словарного «гнезда» лексемы *крест* в Далевом детище основная духовная составляющая выглядит так: *перекреститься* – ‘сотворить, положить на себя крест, знаменье креста... *Нести крест свой, судьбу свою, мирские бедствия. Целовать крест, присягать; целовать кресту кому, во чье имя, а стар. к кому, присягать на подданство, задаться кому. Целовати меж собою крест на всей любви, стар. быть во всем заодно, в союзе’ [Даль: 190]. То есть *животворящий крест* понимается как *судьба*, когда всё в жизни человека естественно и органично подчинено Воле Высшего Суда, олицетворяющего истинную справедливость. «Голгофа» гумилевского «крестного пути» завершилась трагедией в августе 1921 года. В ночь перед расстрелом поэт написал на стене своей тюремной камеры: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь» [Шеваров 2016]. Всё творчество поэта проникнуто искренней верой в православные ценности и идеалы, и эти мотивы только усиливаются в поздних стихах. Так, «центральная тема «Канцон» (стихи, написанные в последние годы жизни поэта – С.Т.) – любовь, благословенная Богом, и именно эта любовь исцеляет душевные раны» [Малых 2012: 17]. Свой «крест» Н.С. Гумилев нес гордо и мужественно, как и подобает истинно русскому человеку.

Стихотворение «Крест» написано двадцатилетним автором в 1906 году (вторая редакция относится к 1908 г.).

*Так долго лгала мне за картою карта,
Что я уж не мог опьяниться вином.
Холодные звёзды тревожного марта
Бледнели одна за другой за окном.*

*В холодном безумьи, в тревожном азарте
Я чувствовал, будто игра эта сон.
«Весь банк – закричал – покрываю я в карте!»
И карта убита, и я побеждён.
Я вышел на воздух. Рассветные тени
Бродили так нежно по нежным снегам.
Не помню я сам, как я пал на колени,
Мой крест золотой прижимая к губам.
Стать вольным и чистым, как звёздное небо,
Твой посох принять, о, Сестра Нищета,
Бродить по дорогам, выпрашивать хлеба,
Людей заклиная святыней креста! –
Мгновенье... и в зале весёлой и шумной
Все стихли и встали испуганно с мест,
Когда я вошёл, воспалённый, безумный,
И молча на карту поставил мой крест.*

По сей день гумилевский текст вызывает неоднозначную реакцию исследователей самого разного уровня. Так, в адресованной учителям словесности методической разработке урока «Выбор жизненного пути лирическим героем Николая Гумилева (по стихотворению «Крест»)» на сайте «Инфоурок» справедливо утверждается, что автор, в отличие от своего героя, не сумевшего побороть в себе искушение злом, «выбрал путь поэта Православия» [Буравель 2025]. Действительно, своим духовным идеалам Н.С. Гумилев не изменял никогда.

Менее четко оценка смыслового вектора финальной развязки сюжета стихотворения звучит в комментарии к тексту на сайте «Стихи. ру», где, в частности, говорится о том, что во вдохновенном монологе к «Сестре Нищете» герой «провозглашает свое решение «стать вольным и чистым». Но в финале стихотворения герой снова возвращается в игорный дом и *делает ставку на свой крест* (курсив наш. – С.Т.)» [Гумилев: крест 2024]. Соответственно, и вывод автором материалов сделан двусмысленный: «Основная мысль – в идее духовного пробуждения, отречения от суетной мирской жизни и обращения к христианским идеалам аскетизма и очищения» [Гумилев: Крест 2024].

И совсем уже странно выглядит суждение критика по поводу «рождения» самого замысла гумилевского произведения: «Дьявольской игрой воображения можно объяснить и рождение стихотворения «Крест» (1906)» [Полушин 2021]. Такой вывод явно не способствует ясной работе мысли, следующей за автором текста и требующей от читателя задуматься над значением последней строки: *«И молча на карту поставил мой крест».*

В данном контексте, как нам думается, очень важным для понимания авторской мысли представляется употребление местоимения *мой*, а не *свой*: автор подчеркивает, что выбор сделан на в пользу того, кто следует крестным путем, несет *свой крест* подобно Спасителю, восходящему на Голгофу. *Нести свой крест* – вот та паремия, которая в русском языковом сознании традиционно считается обозначением *удела, судьбой* истинного христианина, выбравшего пусть покаяния и страдания во имя очищения души и ее спасения. Именно здесь нам приходит на помощь словарь Даля, зафиксировавший нравственный фразеологизм с актуализированным стилистически порядком компонентов, где местоимение употреблено на последнем месте: 'Нести крест свой, судьбу свою, мирские бедствия' [Даль].

Мы предполагаем, что русская классическая литература второй половины XIX – начала XX веков восприняла и энциклопедизм далевского «гнездового» принципа построения словарной статьи толкового словаря, и его «живую» динамику, стремление лексикографически реагировать на меняющийся вокруг мир. Н.С. Гумилев, как и все великие русские поэты, создавал «сильные» тексты и оживлял внутренние ресурсы семантики слов. Стихотворение «Крест» – тому подтверждение. «Оперволичив» употребление слова *крест* за счет притяжательной формы *мой*, лирический герой, с одной стороны, дистанцирован от автора, *несущего «свой крест»*. Но, с другой стороны, – поэт достигает ассоциативного эффекта совмещения в одной синтаксической позиции двух семантических планов ключевого слова-семиосимвола текста. *Крест* финала гумилевского текста – это **выбор**: и героя (как предмет из золота, ставший ставкой в карточной игре), и автора (как ассоциация с крестным путем Спасителя, как духовная оппозиция выбору героя), и читателя-адресата авторского посыла: *крест* как приговор за предательство, наказание за смертный грех, ожидающие каждого, кто поддался соблазну зла, произнеся вслух слова Добра, оказавшиеся по своей сути лишь словами (здесь – пустой, потерявшей истинный смысл оболочкой). «Напрасные слова» – *виньетка ложной сути* – так это звучит в метаязыке современной русской поэзии (текст стихотворения «Напрасные слова» известной русской поэтессы Л.А. Рубальской). В этом мы видим факт явного развития семантики базовой лексемы и возникновения в авторском тексте если не нового значения слова *крест*, то его очевидного яркого смыслового оттенка. Причем оттенок, рождающийся в гумилевском тексте, представляется очень важным в плане проявления эстетико-эвристического измерения языкового знака в художественном тексте. Заметим, что об актуальности выделения эстетико-эвристического подхода к употреблению языковых средств поэтическом тексте очень интересно говорит профессор И.И. Чумак-

Жунь в работе, посвященной эвристике поэзии Б.Л. Пастернака [Чумак-Жунь 2022; см. также: Григорьев 1979; Буров 2018 и др.].

Контекст *«святыня креста»* призван не только прояснить, но и усилить нравственную экспрессию семы слова *крест* как символа спасения и искупления человеческого греха, как знака, который оставил нам Спаситель, добровольно пойдя на смерть и завещав нам путь тяжелой доли, испытаний судьбы, страданий [Ефремова 2000]. Кажется, герой, оказавшийся на коленях и стоя в окружении *«рассветных теней»*, которые *«бродили так нежно по нежным снегам»*, испытывает искреннее раскаяние, целуя свой золотой нательный крест.

Однако внутренний голос, оказывается, слышит не герой, а автор, слышим мы с вами, – *но не игрок*. Для него то, что только что прижималось к губам, это «золотой предмет в форме двух пересекающихся линий» [Ефремова 2000], украшение, которое имеет лишь материальную ценность. Выходит, эвристика «остановленного мгновения» Откровения и Очищения души, оказалась лишь ожиданием, надеждой. Страшная развязка потрясает наше воображение.

Эвристическое мгновение (не Красоты, а скорее горькой Правды) приходит как стресс, потрясение, как бы «застывая» в нашем сознании, – причем каждый в этот миг ощущает гумилевское «мой крест» как свой собственный. Автор достигает своей цели: читатель не остается равнодушным, хотя реакция и может быть различной: испытывая в итоге как прощение, от сочувствия и сострадания до осуждения, возмущения и даже гнева. При этом мы сознаем: герой Гумилева внутренне обречен на выбранный путь – нести свой крест как состояние бездуховности, предательства своей души, отречения от Веры. Употреблением именно в этом значении, раскрывающемся в подтексте как своеобразный эвристический эффект умолчания, Н.С. Гумилев ставит семантическую «точку» в тексте стихотворения «Крест».

Таким образом, благодаря эвристике поэзии в нашей языковой картине мира наблюдается постоянное развитие смыслов, рождение новых лексических значений и их оттенков, которые открываются нам как результат субъективного, индивидуально ощущаемого и имманентного восприятия действительности Языковой Личностью Художника Слова.

❖ Список литературы

1. Буравель А.А. Урок «Выбор жизненного пути лирическим героем Николая Гумилева (по стихотворению «Крест»)». 2025. – URL: <https://infourok.ru/urokavibor-zhiznennogo-puti-liricheskim-geroem-nikolaya-gumileva-po-stihotvoreniyu-krest-1872236.html>.

2. Буров А.А. Булат Окуджава: штрихи к лингвистическому портрету : монография. –
Пятигорск : Изд-во ПГУ, 2018. –162 с.
3. Григорьев В.П. Поэтика слова. – Москва : Наука, 1979. – 343 с.
4. Гумилев: крест. Стихи. –19.03.2024. – URL: <https://stihilove.ru/gumilev-krest.html>
5. Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. Серия: Новая библиотека поэта. – Санкт-
Петербург : Академический проект, 2000. – 736 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. – Москва :
Русский язык, 1978-1980. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007586409/
7. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. –
Москва : Русский язык, 2000. – URL: <https://www.efremova.info/>
8. Малых В.С. Творчество Николая Гумилева: вузовский и школьный аспекты
изучения : научно-учебное пособие. – Ижевск : Удмуртский университет, 2012. – 100 с.
9. Полушин В. Николай Гумилев: жизнь расстрелянного поэта. 2021 – URL:
<https://litlife.club/books/157164/read?page=32>.
10. Чесноков П.В. Картина мира в языке и речи // Ярославский педагогический
вестник. – 2011. – № 2. – Т.1 (Гуманитарные науки). – С. 140-153.
11. Чумак-Жунь И.И. К вопросу об эвристическом ракурсе поэтического
дискурса Б.Л. Пастернака // Русский язык в поликультурном мире: материалы VI Междуна-
родного симпозиума. – Ялта, 2022. – С. 210-215
12. Шеваров Д. Крест Николая Гумилева // Российская газета. – 15.04.2016. –
URL: <https://godliteratury.ru/articles/2016/04/15/krest-nikolaya-gumileva>.

Уренкова А.П.,
аспирант, НИУ «БелГУ», г. Белгород;
науч. рук. – Кошарная С.А.,
д. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ТРАДИЦИОННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ОДЕЖДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ В.И. ДАЛЯ)

Аннотация. Традиционные наименования предметов одежды легли в основу современного словаря моды и задали те тенденции и пути, по которым продолжает развиваться данная область культуры. При этом исконная лексика не принимает активного участия в именовании модных атрибутов и остается малочисленной группой. Это обусловлено изначально обозначившейся тенденцией к пополнению словаря моды посредством заимствований, а также тем, что наши предки, занятые, в основном, земледелием, придавали одежде лишь практическую значимость, а аксессуары и украшения по большей части выполняли функцию оберегов. Таким образом, обилие заимствований в данной области характеризует моду как сравнительно молодое и интернациональное социальное явление.

Ключевые слова: исконная лексика, словарь моды, словарь В.И. Даля, этимология.

Summary. Traditional names of clothing items formed the basis of the modern fashion vocabulary and set the trends and paths along which this area of culture continues to develop. At the same time, the original vocabulary does not actively participate in the naming of fashion attributes and remains a small group. This is due to the initially identified tendency to replenish the fashion vocabulary through borrowing, as well as the fact that our ancestors, mainly engaged in agriculture, attached only practical significance to clothing, and accessories and jewelry mostly served as amulets. Thus, the abundance of borrowings in this area characterizes fashion as a relatively young and international phenomenon.

Keywords: native vocabulary, fashion dictionary, dictionary by V.I. Dahl, etymology.

Исконно русская лексика стала основой словаря во многих сферах деятельности современного общества. Однако мы лишь отчасти можем сказать, что современный словарь сферы моды в русском языке базируется на традиционных наименованиях предметов одежды. И здесь следует отметить характерную тенденцию, которая формировалась в течение столетий в данной культурной области, это тенденция к пополнению словарного состава языка моды путем заимствований с возможной последующей формальной и/или семантической трансформацией лексических единиц в языке-реципиенте. Это проявляется в том, что в современном языке исконная лексика одежды представляет собой малочисленную группу, не принимающую активного участия в именовании новых атрибутов моды.

Принято выделять несколько пластов исконной лексики, на неоднородный состав которой повлияли исторические изменения в языке.

Древнейшая лексика одежды возникла в эпоху существования индоевропейской народности – V-IV веках до н. э., когда сформировался самый древний из пластов – индоевропеизмы. К индоевропейским корням восходят слова *плат, руб (рубаха), пояс, обувь*. Данная лексика в своих прототипических формах заимствуется праславянским языком. Общим пластом лексики одежды оказываются и вновь возникшие праславянские слова. Например, слово *свита* появилось в праславянскую эпоху, поэтому оно известно многим славянским языкам.

Позднее – в IV-VII веках – процесс распада общеславянского языка способствовал образованию славянских языков южной, западной и восточной групп, которые в процессе автономного развития приобрели уникальные фонетические, лексические и грамматические черты.

Язык восточных славян способствовал формированию еще одного лексического пласта в составе лексики одежды – восточнославянских слов. Сформировавшиеся в период VII-IX веков и подвергшиеся некоторым изменениям формы или фонетического облика слова данного кластера являются общими для русского, белорусского и украинского языков (*сорочка* – с полногласием и др.).

С XIV в. развитие русского, белорусского и украинского языков стало автономным, поэтому к пласту собственно русской лексики принято относить слова, появившиеся в русском языке именно в этот период (*суконник, сукман* и др.). Несмотря на то, что в процессе исторического развития языка были заложены словообразовательные ресурсы, на основе которых продолжает пополняться запас исконно русской лексики [Розенталь, Голуб 2002], в современном русском словаре моды обнаруживаются всего несколько исконно русских слов, и многие из них перешли в разряд историзмов.

Востребованными остаются лишь некоторые наименования, чаще – общего, гиперонимического – характера. Например, одним из актуальных для современного носителя языка наименований является лексема *сапог*, мн.ч. *сапоги*. В словаре В.И. Даля дано следующее описание: «высокая обувь, из передов, задников и голенища, с подошвою» [Даль 1880: 140]. Данное толкование не утратило своей актуальности и передает основные признаки этого предмета обуви, знакомые современному человеку. И сейчас сапогами мы называем закрытую обувь с высоким голенищем.

В «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н.М. Шанский отмечает неоднозначность этимологии данной лексемы: «Одни ученые считают исконным суф. производным от той же основы, что *сопеть*, диал. *сопля* ‘штанина’, *соп* ‘печная труба’. В таком случае *сапог* исходно значит

‘труба’, затем – ‘голенище’ и ‘обувь с голенищами’. Другие объясняют слово как заимств. из др.-тюрк. яз.» [Шанский 1982: 325].

Сапоги в древности изготавливались, как правило, из кожи, но наименования некоторых других материалов также представляют интерес.

Слова *кожа* и *коза* имеют общеславянское происхождение и восходят к одной основе: кожей первоначально называли только козлиную шкуру (так, отметим, что слово *кожа* отражает j-палатализацию: [zj] > [ж]), но позже произошло расширение лексического значения. В словаре В.И. Даля приводится несколько значений: «Верхняя оболочка, наружная одежда животного тела; она соединена с телом мездрой и клптчаткою, покрыта извне кожицею, тонким роговатым слоем, и б. м. шерстью, перьями, чешуей; Та же оболочка, снятая с животного, сырая или выделанная, волоха, шкура, особ. если идет не на пушной, а на сапожный товар; Кожица, всякая плева, пенка на жидкости, содранный с чего тонкий листок» [Даль 1880: 131].

Особым спросом в изготовлении сапог пользовался *сафьян* – ‘выделанная козловая кожа, различной краски’ [Даль 1880: 141]. В тюркском и персидском языках, через которые, предположительно, слово и пришло в русский, лексема *sextijān* была этимологически связана с корнем *sext*, что значило ‘крепкий, жесткий’.

Атласная обувь ценилась за характерный блеск и разнообразие цветов, но была непрактичной в носке, поэтому позволить её могли себе только обеспеченные люди, деятельность которых не была связана с физическим трудом. Наименование материала пришло в русский язык из арабского – *atlas* – ‘гладкий’. В.И. Даль отмечает татарское происхождение лексемы и описывает атлас как плотную шелковую ткань с лоском [Даль 1880: 29].

Слова *обувь*, *обуть*, *разуть*, *онучи* восходят к общеславянскому глаголу *ути* – ‘надевать на ногу’. Морфема -у- со временем претерпела некоторые преобразования и способствовала развитию и дифференциации значений.

Еще одним общим наименованием является слово *одежда*, в словаре В.И. Даля – ‘все, чем человек одевается, платье, облачение, окрута; или кроме шапки, рукавиц и обуви’ [Даль 1880: 671], то есть общее наименование предметов гардероба, покрывающих тело. Исконно русский вариант данного слова – *оде́жа*, вариант *одежда* перешел в русский язык из церковнославянского: *odedja*, где *dj перешло в жд.

История рубашки уходит корнями в праславянскую общность, но этот предмет гардероба актуален и сейчас. Распространенный в русской разговорной речи вариант наименования – *рубаха* – в словаре В.И. Даля определяется как ‘сорочка, кошуля, тельница; одежда из числа белья, надеваемая под низ, на тело’ [Даль 1880: 107]. Н.М. Шанский отмечает, что

родственные этому слову номинации встречаются во многих языках, и трактует этимологию слова следующим образом: «производное от общеслав. **rpъbъ*. Ср. диал. руб ‘одежда из грубой ткани’, сербо-хорв. руб ‘шов’, н.-лужицк. rub ‘грубая ткань’, ‘одежда’, латышск. rūobs ‘зарубка’, нем. Rant ‘край, кайма’. Ср. подрубить ‘подшить’. Рубаха буквально – ‘подрубленная одежда (с каймой)’» [Шанский 1982: 325].

В современном словаре моды остаётся актуальным ещё один элемент традиционного словаря одежды с многолетней историей – *баска*. Значение этого наименования трансформировалось со временем: баской ранее называли женскую приталенную рубашку до середины бедра, затем – отдельный элемент, представляющий собой оборку на талии в виде ремня, которую можно надевать поверх любой одежды. Мнения ученых относительно происхождения данного наименования расходятся. С одной стороны, в диалектном русском языке встречается слово *баской* – ‘красивый, нарядный’ или *баса*, лексема присутствует в словаре В.И. Даля: ‘краса, красота, хорошество, пригожество, нарядность, изящество; украшение, наряд, украса, прикраса’ [Даль 1880: 53]. Как наиболее вероятное рассматривается мнение, согласно которому лексема обрела окончательное значение в результате сближения иск. *баска* – ‘нарядная блуза’ (от диал. *баской*) – и заимствования из французского, где *basque* – ‘баски’ – название народа. Характерной особенностью их национальных одежд были крупные оборки.

Борчатка – традиционная верхняя одежда, отличавшаяся от тулупа или шубы наличием *бор* – сборок в области пояса. Это слово родственно лексемам *сборка*, *оборка*, *братъ*, например, у В.И. Даля находим: ‘борина ж. борок, иногда бор м. (от *братъ*) сборка, складка, морщина’ [Даль 1880: 116].

Еще один предмет из категории верхней одежды – *ватник*. Этимология названия данного предмета одежды прозрачна: оно произошло от названия материала, который использовали как теплый наполнитель – *вата* – ‘расчесанный теплый подбой, подстега под одежду или одеяло, обычно из бумажного хлопка; иногда из шерсти, льняных, шелковых охлопьев или птичьего пуха’ [Даль 1880: 169].

Понёва – широко распространённый на Руси атрибут женского гардероба, представляющий собой юбку – первоначально из цельного отреза ткани, которым оборачивались по поясу, это объясняет и родство со старорусским словом *понять*, то есть ‘обхватить, обнять’. В.И. Даль отмечает распространённость данного наименования на определённых территориях и описывает отличительные черты предмета в различных областях: «южн. лоскут, который обертывается крестьянками вокруг чресл, замест юбки; бористая шерстяная, полосатая юбка, на очкуре. Местами (кал., орл., смол.)

понёва, как плахта, лоскут, не обходит кругом, кроет только зад и бока, а спереди остается рубаха, или надевается занавеска, передник с лифом, и рукавами (как малорос. попередница); (кур., ряз., тамб., тул.) короткая юбка из трех разнополосых полотнищ; (ряз., вор., тамб.) в поневе, сшитой юбке, вставляется спереди полосатое или клетчатое полотнище иного цвета» [Даль 1880: 296].

Отдельную группу составляют номинации традиционных головных уборов. В древности волосам женщины придавался сакральный смысл, поэтому их было принято убирать – собирать в прическу, прикрывать аксессуарами, украшать. От глагола *убирать* произошло слово *убор* (*головной убор*) – предмет гардероба, призванный спрятать или украсить волосы, зачастую эти функции объединялись. Например, в словаре В.И. Даля находим: *убор* – ‘все, что идет на украшение, наряд, праздничное платье, убранство’; ‘что убрано, украшено, наряжено’ [Даль 1880: 469].

Семейное положение женщины зачастую было определяющим фактором при выборе головного убора. Например, *венец* могли носить только незамужние девушки, так как он не закрывал большую часть волос. Венец изготавливали из твердой основы, которую обшивали узорчатой тканью, лентами, бусинами и т.п. В словаре В.И. Даля *венец* – ‘девичья головная лента, повязка’ [Даль 1880: 178]. Само наименование восходит к старославянскому *вѣно* – ‘дар’ и родственно слову *венки*.

Кичка, по данным этимологического словаря Н.М. Шанского, изначально представляла собой разновидность прически: ‘собранные на макушке волосы, пучок, собранная прядь волос’ [Шанский 1982: 330]. Впоследствии *кичкой* стали называть характерный для замужней женщины головной убор, именно в этом значении лексема отражена в словаре В.И. Даля: ‘бабий головной убор, с рогами, род повойника’ [Даль 1880: 108].

Одним из обязательных элементов кички был *кокошник*, которому характерно разнообразие форм. Как правило, кокошник – это часть головного убора, изготавливавшаяся из твердых материалов, что позволяло придать ему любую форму. Однако самой распространенной считается форма «опахала или округлого щита вокруг головы», как описал его В.И. Даль [Даль 1880: 136]. Для незамужних девиц была актуальна упрощенная форма кокошника в виде легкого веера из толстой бумаги, пришитого к шапочке или волоснику [Даль 1880: 136]. Этимология данного наименования прозрачна и мотивирована, по данным этимологического словаря М. Фасмера, формой кокошника, напоминающей куриный гребень: *кокошь* в древнерусском языке – ‘курица’. Связь женщины с птицей была мифологизированной, сакральной, а сам головной убор служил оберегом.

На основе приведенных фактов можно убедиться в том, что гардероб русича-земледельца был утилитарен, а украшения по большей части выполняли функцию оберегов. По этой причине доля исконно русских слов в современном языке моды невелика, и моду можно считать достаточно молодой областью общественной жизни. При этом стремительно развивающаяся индустрия моды пополняет словарный запас прежде всего посредством заимствований, что позволяет рассматривать моду как интернациональный феномен.

❖ **Список литературы**

1. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. – Москва : Тип. М.О. Вольфа, репр. изд., 1981. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008690571/
3. Захаржевская Р.В. История костюма: от античности до современности. – Москва : РИПОЛ Классик, 2004. – 287 с.
4. Розенталь Д.Э. / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – Москва : Айрис-Пресс, 2002. – 443 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. Т. III. – Москва : Прогресс, 1971. – 562 с.
6. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. – Москва : Изд-во МГУ, 1982. – 470 с.

Чересюк П.А.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ЖЕНЩИНА В ПОВЕСТИ «КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА» Л.Н. ТОЛСТОГО

Аннотация. В статье рассмотрены метафорические особенности репрезентации концепта ЖЕНЩИНА в повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната». В качестве концептуальных метафор для репрезентации концепта ЖЕНЩИНА выступают модели, которые дифференцированы по разным областям-целям: «женщина-соблазнительница», «женщина-ловушка», «женщина-демон» и т.д. В качестве областей-источников выявлены сфера артефактов и неживой природы, сфера социальных отношений и ролей, сфера профессиональной деятельности, сфера природы.

Ключевые слова: метафора, концепт, Л.Н. Толстой, образ, сравнение.

Summary. The article examines the conceptual metaphors used to represent the concept of a WOMAN in L. Tolstoy's novel «The Kreutzer Sonata». The conceptual metaphors for the representation of the concept of WOMAN are models that are differentiated by different areas of purpose: «a woman as a trap», «a woman as a seductress», «a woman as a demon» etc. The sphere of artifacts and inanimate nature, the sphere of social relations and roles, the sphere of professional activity, and the sphere of nature are identified as source areas.

Keywords: metaphor, concept, L. Tolstoy, image, comparison.

Актуальность исследования концептуальной метафоры обусловлена развитием лингвистики, растущим интересом к когнитивным процессам, а также ролью языка в формировании мышления и культуры.

В метафорах, на материале которых выполнено исследование, большую роль играет субъективный компонент, в рамках данного исследования – взгляд Л.Н. Толстого на образ женщины. При этом учитывается, что метафорические образы не являются зеркальным отражением объективной реальности, а представляют собой проекцию авторских представлений о женственности, сформированных под воздействием социокультурного контекста и индивидуального опыта. В связи с этим, методология исследования предполагает критический анализ метафорических образов с учётом субъективной перспективы автора и её влияния на формирование концепта ЖЕНЩИНА в рассматриваемом произведении.

Концепт ЖЕНЩИНА репрезентируется как с помощью прямых номинативных лексем «женщина», «девушка», «дама», «мать», «жена», так и метафорически. используемые для репрезентации концепта ЖЕНЩИНА. В качестве концептуальных метафор для репрезентации концепта ЖЕНЩИНА выступают модели, которые мы дифференцируем по разным областям-целям, например, «женщина-соблазнительница», «женщина-ловушка», «женщина-демон» и т.д.

В «Крейцеровой сонате» Л.Н. Толстой использует метафоры, рисующие крайне противоречивый и негативный образ женщины, особенно в восприятии главного героя, Позднышева. Важно отметить, что эти метафоры отражают не столько реальность, сколько болезненное и искаженное восприятие героя.

Область источника и область цели – это две ментальные области внутри метафоры [Гробарь 2018]. Это метафоры, в которых для объяснения абстрактного понятия используется конкретный или физический опыт. Пример метафоры, где область цели (то, что описывается) уподобляется области источника (откуда заимствована метафора).

При репрезентации концепта ЖЕНЩИНА в качестве области-цели выступает концепт ЖЕНЩИНА, а в качестве областей-источников были выделены сферы, предложенные О.А. Чупряковой, С.С. Сафоновой и Д.И. Рахимовой: «сфера артефактов и неживой природы, сфера социальных отношений и ролей, сфера профессиональной деятельности, сфера природы» [Чупрякова, Сафонова, Рахимова 2024: 1].

1. Сфера артефактов и неживой природы. Нами были выделены метафоры с областью-источником – сферой артефактов (основана на тождестве с предметами). Рассмотрим пример: *«Женщины устроили из себя такое **орудие** воздействия на чувственность, что мужчина не может спокойно обращаться с женщиной»* [Толстой 1986: 427]. В данном примере женщина сравнивается с орудием воздействия, что подчёркивает ее способность влиять на чувства и поведение мужчины. В словаре В.И. Даля даётся следующая трактовка лексемы *орудие*: ‘ОРУДИЕ. Средство, сила. Быть чьим слепым орудием, поддаться кому безусловно и исполнять виды и цели его бессознательно’ [Даль 2004: 421]. Данное сравнение акцентирует внимание на силе и эффективности женского влияния. Женщина выступает не просто как объект внимания, а как активное средство, способное вызывать сильные эмоциональные реакции у противоположного пола.

В другом примере: *«”А, вы хотите, чтобы мы были только **предмет** чувственности, хорошо, мы, как предмет чувственности, и поработим вас”, – говорят женщины»* [Толстой 1986: 426]. В словаре В.И. Даля: ‘ПРЕДМЕТ м. (перевод лат. *objectum*) все, что представляется чувствам: предмет вещественный; или уму и воображенью’ [Даль 200: 485]. С одной стороны женщина – это объект внимания и чувственности, с другой – активный субъект, использующий свою привлекательность.

Л.Н. Толстой использует метафору, в которой женщина сравнивается с ловушкой: *«А мы, мужчины, похаживаем, поглядываем и очень довольны. “Знаю, мол, я не попадусь”. <...> Там права и шансы равны, а здесь женщина*

или раба на базаре, или привада в **капкан**» [Толстой 1986: 425]. Известно, что капкан – это своеобразное приспособление для ловли живых существ, а в данном случае – человека.

Вторая метафора *привада – женщина-приманка* то, что используется для заманивания животного в ловушку. Женщина предстает в роли приманки для заманивания мужчин в какую-то опасную ситуацию (в брак).

В следующем примере женщина сравнивается с сосудом: «*Позволения никто не дает, а только что от мужчины в доме ничего не прибудет, а женщина – женоутлый сосуд, – продолжал внушать купец*» [Толстой 1986: 413]. В словаре В.И. Даля ‘СОСУД м. посуда, посудина, держалая утварь, всякая ёмкая вещь, всякий снаряд, изделие, для держания, хранения чего-либо, особ. жидкости. || Всё содержащее, носящее в себе что-либо; слепой исполнитель, орудие’ [Даль 2004: 595]. Там же в словаре ‘УТЛЫЙ, ветхий, худой, дырявый. Утлая лодка, розная арх. худая, с течью. Утлый человек, хилый, слабый’ [Даль 2004: 667]. Женщина – это сосуд, объект, не имеющий собственной воли и активности. Женщина рассматривается лишь какместилище определенных качеств (возможно, рождение детей, ведение домашнего хозяйства), но не как личность с собственными потребностями и стремлениями. Таким образом, *женоутлый* – это сосуд ветхий, ненадежный, неспособный сохранить ценное.

2. Сфера социальных отношений и ролей. В анализируемых нами метафорах женщина сравнивается с царицей: «*Женщины, как царицы, в плену рабства и тяжелого труда держат 0,9 рода человеческого*» [Толстой 1986: 427]. Сравнение с царицей предполагает величие, власть и богатство: ‘ЦАРЬ м. вообще, государь, монарх, верховный правитель земли, народа или государства’ [Даль 2004: 687], но несмотря на свою «царственность», женщины находятся в положении рабынь, вынужденных тяжело трудиться – *в плену рабства и тяжелого труда*. Таким образом, метафора *женщины-царицы* в данном контексте создает контраст. Она выражает одновременно восхищение и сочувствие к женщинам, подчеркивая их силу и величие, но и их угнетенное положение и тяжелый труд. Она создает сложный и противоречивый образ, отражающий двойственность женской судьбы. Важно, что «царственность» не выражается во власти и привилегиях, а скорее в их способности выносить тяготы и поддерживать жизнь.

В другом примере *женщина-рабыня*, в котором областью-источником служит сфера отношений господина и раба: «*А мы, мужчины, похаживаем, поглядываем и очень довольны. “Знаю, мол, я не попадусь”. <...> Там права и шансы равны, а здесь женщина или раба на базаре, или привада в капкан*»

[Толстой 1986: 425]. В словаре В.И. Даля ‘РАБ м. раба, рабыня, рабица ж. невольник, крепостной; человек, обращенный в собственность ближнего своего, состоящий в полной власти его’ [Даль 2004: 512]. *Женщина-раба* – это полное бесправие, отсутствие свободы и эксплуатация.

3. Сфера профессиональной деятельности. В этой сфере выявлена метафора, посредством которой женщина сравнивается с торговкой: *«А мы, мужчины, похаживаем, поглядываем и очень довольны. “Знаю, мол, я не попадусь”. <...> Там права и шансы равны, а здесь **женщина** или **раба на базаре**, или привада в капкан»* [Толстой 1986: 425]. *Базар* – место торговли, купли-продажи. Метафора представляет женщину как товар, выставленный на продажу. Её ценность определяется не её личностными качествами, а внешностью или «полезностью» для покупателя (мужчины). Она лишена всякой субъектности и рассматривается исключительно как объект для удовлетворения чужих потребностей. Это подчеркивает отношение к женщине как к собственности.

5. Сфера религии. Женщина как источник соблазна и зла – женщина-демон: *«**Женщины** – это такие **существа**, что для них нет ничего святого»* [Толстой 1986: 437]. Метафора *женщины – существа* – демонизирование, где женщины представляются как носители порока и неискренности. Метафора демонизирует женщин, лишая их человечности и представляя их как опасные силы, способные свести мужчину с праведного пути.

6. Сфера природы. Нечеловеческое ощущение «животности» герой Позднышев обнаруживает не только в себе, но и в окружающих его людях. Рассмотрим пример, в котором женщина сравнивается с животным: *«Она была как застоявшаяся, раскормленная запряженная **лошадь**, с которой сняли узду»* [Толстой 1986: 445]. В «Крейцеровой сонате» зооморфная метафора служит для демонстрации трагических последствий искаженных представлений о роли женщины.

Интересной представляется и фитоморфная метафора. Искажённое отношение у мужчины к женщине, в которой он видит только «орудие воздействия на чувственность». *«Как только подошел к ней, так и попал под её **дурман** и ошалел»* [Толстой 1986: 427]. Описание состояния мужчины, находящегося под влиянием женщины, эксплицируется через сравнение, основанное на лексеме *дурман* – ядовитое травянистое растение, – значение которой, согласно словарю С.И. Ожегова, определяется как: ‘ДУРМАН, -а, м. 2. перен. То, что опьяняет, оказывает опьяняющее, отупляющее действие’ [Ожегов 2003: 179]. Данное описание подчеркивает иррациональное, подавляющее воздействие женщины на мужчину, уподобляя его влиянию

наркотического вещества. *Дурман* лишает мужчину воли и способности здраво мыслить, подчиняя его своей власти. Эта метафора акцентирует не активную роль женщины, а ее пассивное, но тем не менее всепоглощающее влияние, которое оказывает опьяняющее и отупляющее воздействие на мужской разум.

В заключение, важно понимать, что Л.Н. Толстой необязательно разделяет все взгляды своего героя. Автор, возможно, использует рассмотренные нами метафоры, чтобы показать деструктивность таких взглядов и их трагические последствия. Метафоры в «Крейцеровой сонате» являются важным изобразительно-выразительным средством, которое помогает Л.Н. Толстому раскрыть глубинный смысл произведения, передать сложность человеческих отношений и выразить свою критическую позицию по отношению к современному обществу.

❖ Список литературы

1. Гробарь А. Три метафоры для поэта. О метафоре. Часть 2. // Литературная мастерская. Литературный клуб «Бумажный слон», 2018. – URL: <https://litclubbs.ru/posts/1667-tri-metafory-dla-poeta.html>.
2. Малый академический словарь. GUFO.ME. – URL: <https://gufo.me/dict/mas/царица>
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – Москва : ОНИКС 21 век: Мир Образование, 2003. – 896 с.
4. Толстой Л.Н. Повести и рассказы // Вступ. Статья К. Ломунова; Худож. Е. Лансере, А. Кокорин. – Москва : Худож. лит., 1986. – 652 с.
5. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля / Сост. Н.В. Шахматова и др. – Санкт-Петербург : Весь, 2004. – 736 с.
6. Чупрякова О.А. Метафорические особенности репрезентации концепта ЖЕНЩИНА в мужской картине мира (на примере афористики XIX-XXI вв.) / О.А. Чупрякова, С.С. Сафонова, Д.И. Рахимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philology. Theory & Practice. – 2024. – Т.17. – С. 1-5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskie-osobennosti-reprezentatsii-kontsepta-zhenschina-v-muzhskoy-kartine-mira-na-primere-aforistiki-xix-xxi-vv/viewer>

**СЕКЦИЯ 3.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
В ВУЗЕ И ШКОЛЕ**

Амерянова Е.В.,
студент, ОГАПОУ «БПК», г. Белгород;
науч. рук. – Окунева В.Ф.,
преподаватель, ОГАПОУ «БПК», г. Белгород

УПОТРЕБЛЕНИЕ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В РЕЧИ ОДНОГРУППНИКОВ

Аннотация. В статье рассматривается молодежный сленг как важный компонент речевой культуры современной языковой личности. Описаны этапы исторического становления молодежного сленга в России, проанализированы его словообразовательные особенности, формы и функции в коммуникации. Представлен фрагмент глоссария актуальных сленговых выражений, фиксирующий элементы лексикона подростков. Отмечается, что сленг с одной стороны способствует самовыражению и социальной идентификации, с другой – может негативно влиять на культуру речи и качество языкового общения.

Ключевые слова: молодежный сленг, языковая личность, неологизмы, глоссарий, речь подростков, экспрессия, культура речи.

Summary. The article explores youth slang as an important element of the speech culture of the modern linguistic personality. It outlines the historical stages of slang development in Russia and analyzes its word-formation features, forms, and communicative functions. A fragment of a glossary with current slang expressions is presented, reflecting the vocabulary of teenagers. The study notes that slang, on one hand, promotes self-expression and social identity, but on the other hand, may negatively affect speech culture and the quality of communication.

Keywords: youth slang, linguistic personality, neologisms, glossary, teenage speech, expressiveness, speech culture.

Современный русский язык – это динамичный и многослойный феномен, который постоянно меняется под влиянием социальных, культурных и технологических факторов. Особое место в этом процессе занимает молодёжный сленг, являющийся ярким индикатором общественных изменений и источником языковой креативности. В последние десятилетия особое внимание в лингвистике уделяется понятию языковой личности – совокупности речевых характеристик человека, отражающих его мировоззрение, культуру, социальную принадлежность и стиль мышления. Языковая личность современного молодого человека формируется в условиях цифровой среды и активно проявляется через использование сленга, что находит отражение как в устной речи, так и в лексикографических источниках (в том числе онлайн-глоссариях и словарях неологизмов). В данной работе рассматривается молодежный сленг как проявление языковой личности подростков и упрощение общения.

Развитие молодёжного сленга в России прошло несколько ключевых этапов, каждый из которых связан с важными историческими событиями и культурными процессами.

Выделяют четыре волны развития молодёжного сленга в России:

1. 20-е годы XX века. После революции 1917 года возник интерес к социальной диалектологии. Исследователи (Е.Д. Поливанов, Л.П. Якубинский и др.) изучали жаргоны, аргó и условные детские языки. Язык бедняков и люмпен-пролетариата стал восприниматься как язык будущего, хотя вызывал и отторжение. К этому периоду относится создание «Толкового словаря русского языка» Д.Н. Ушакова.

2. 40-е годы. Период Второй мировой войны породил детский сленг, связанный с беспризорностью и безотцовщиной. Речь была отрывистой и перегруженной лишними словами. Например, песни того времени содержали такие строки: «Я не тырил, я не брал, я на шухере стоял».

3. 1960-1970-е годы. С появлением стиляг, хиппи и активного влияния западной культуры русский сленг обогатился множеством иностранных заимствований, таких как «герла» (девушка), «траузера» (брюки), «сейшен» (вечеринка). В это время усиливается интерес лингвистов к молодёжной речи: её начинают систематически изучать как важный элемент живого, развивающегося языка. Однако исследование сленга сталкивается с сопротивлением как со стороны научного сообщества, так и со стороны идеологического аппарата – «низкая» лексика считалась несерьёзной, вульгарной и недостойной внимания. Тем не менее, лингвисты стремились изучать такие формы речи, чтобы глубже понять механизмы языкового развития, проследить влияние социокультурных факторов на лексику и выявить пути упрощения и адаптации языка для повседневного общения молодёжи.

4. 1980-1990-е годы. Самая мощная волна связана с распадом советского общества и взрывом гражданских свобод. В речь вошли криминальные термины: «тусовка», «стрелка», «общак», «беспредел». Сленг стал популярным среди политиков, бизнесменов и журналистов, усиливая экспрессию языка. В XXI веке молодёжный сленг объединяет элементы компьютерного жаргона, речи СМИ, городского просторечия и аргó, заимствуя и переосмысливая слова в игровом, ироничном ключе: параллельно, по барабану, фиолетово [Брагина 2016: 32]. Русский молодёжный сленг является ярким и самобытным языковым явлением, которое функционирует в рамках не только возрастных ограничений, но и определённых социальных, временных и пространственных условий. Как и другие социальные диалекты, он представляет собой в первую очередь словарный пласт, сформированный на основе общенационального языка и развивающийся в пределах его фонетических и грамматических норм.

В современных лексикографических источниках термин *сленг* определяется следующим образом.

В «Современном толковом словаре русского языка» под редакцией А.С. Кузнецова указывается:

1. Речь социально или профессионально обособленной группы;
2. Элементы речи, не совпадающие с нормой литературного языка (обычно экспрессивно) [Кузнецов 2024: 100].

А в Большом словаре иностранных слов сленг – это слова и выражения, употребляемые лицами определенных профессий или социальных прослоек [Большой словарь 2024: 250]. Молодёжный сленг отличается яркой выразительностью: в нём активно используются метафоры и лексика с насыщенной оценочной окраской. Характерными чертами являются стремление к сокращённым формам, преднамеренное искажение слов, а также нарушение грамматических норм в целях создания комического или стилистического эффекта.

Молодежный сленг стремится к краткости, иронии и игре, дистанцируя от мира взрослых. Например, вместо «Хорошо!» подростки говорят: «Клёво!», а вместо «Это слишком сложно!» – «Не грузи меня!».

Сленг часто использует существующие модели языка, добавляя экспрессивность и создавая новые слова.

Существительные:

Суффиксы, добавляющие грубость или иронию:

- уха: показуха (показ), чернуха (черный),
- ага: общага (общежитие), тюряга (тюрьма),
- ара: носяра (нос), котяра (кот),
- он: закусон (закусить), закидон (закидывать),
- ак: нагляк (наглость), депресняк (депрессия).

Менее экспрессивные:

- лка: страшилки, стрелялки,
- ота: наркота (наркотики),
- еж: балдеж (балдеть), гудеж (гудеть).

Глаголы:

- суффиксы моментальности: -ну, -ану (тормознуть, ломануться).

Префиксы:

- с (слинять, свалить),
- от (отвалить, отмыть).

Прилагательные:

- *суффиксы*: -ов, -н-, -ск- (ломовой, чумовой, жлобский) [Порудоминский 1971: 384].

Сленг – разновидность нелитературной речи. Чаще всего сленгом пользуются дети, подростки и молодые люди. Причины того, что молодежь

любит употреблять сленговые слова, довольно разнообразны: сленг лучше передает эмоции, мода (показывает степень «продвинутости» говорящего, соответствие ровесникам, выделяет среди других людей), влияние социальных сетей, маленький словарный запас (мало читают, не знают, как по-другому выразить мысли, низкий уровень культуры), обособленность от старшего поколения, легко запоминаются [Даль 2006: 575].

В ходе работы разработан фрагмент глоссария молодёжного сленга как отражение языковой личности:

Приведённый ниже глоссарий представляет собой лексикографическую фиксацию сленговых единиц, распространённых среди подростков и студентов. Он отражает особенности речевой культуры современной языковой личности: стремление к иронии, краткости, эмоциональной окраске и самоидентификации через речь.

1. Анк – человек, который интересуется подростковой культурой, стремится выглядеть моложе своих лет и активно использует молодежные слова, порой совершенно в них не разбираясь.

2. Босс художки – обозначение людей, чья внешность сильно выделяется в толпе, например, у них могут быть яркие волосы, необычная одежда.

3. Вайб – атмосфера, настроение.

4. Душила – дотошный человек.

5. Жиза – жизненно.

6. Киннить – ассоциировать себя с кем-либо, проводить параллели.

7. Краш – возлюбленный.

8. Кринж – позор, ужас.

9. Лук – образ.

10. Нормис – среднестатистический человек с самыми простыми и понятными вкусами.

11. Овершить – слишком много рассказывать о себе.

12. Пикми – девушки, стремящиеся получить максимум внимания со стороны мужчин.

13. Пруфы – доказательства.

14. Сигма – человек, которого никак не интересует мнение других, но именно благодаря этому он получает одобрение со стороны некоторых людей.

15. Слэй – восхищаться действиями другого человека, объекта, а также ситуаций.

16. Спойлерить – раскрывать важные моменты сюжета фильма или книги.

17. Токсик – неприятный, токсичный человек.

18. Трансформер – человек, который кардинально сменил имидж с помощью одежды, макияжа или причёски.

19. Треш – кошмар.

20. Шипперить – представлять романтические отношения между людьми, даже если это не так.

Фиксация подобных единиц в словарях и глоссариях помогает исследователям и педагогам отслеживать изменения языковой нормы и понимать, как молодежь выражает свои ценности и мировосприятие через речь.

Таким образом, молодёжный сленг – это не просто набор модных слов, а проявление языковой личности современных подростков. Он отражает их стремление к самовыражению, к принадлежности к определённой социальной группе, помогает упростить общение и делает речь более эмоциональной.

С другой стороны, чрезмерное употребление сленговых выражений может засорять язык, вытесняя его богатство и выразительность. Такие слова часто малопонятны старшему поколению, что усиливает коммуникационный разрыв между возрастными группами. Кроме того, избыточное увлечение сленгом свидетельствует о снижении культуры речи и бедности словарного запаса, особенно в подростковой среде.

Важно помнить, что сленг – это временная часть языка, быстро меняющаяся и нестабильная. Русская речь богата словами, которые нельзя заменить, и именно использование литературной, выразительной, точной лексики позволяет сохранить языковое и культурное наследие.

❖ Список литературы

1. Большой словарь иностранных слов. – Москва, 2024. – 250 с.
2. Брагина Н.Г. Владимир Даль. Автор самого популярного словаря. – Москва : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 32 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – Москва : Эксмо, 2006. – 575 с.
4. Кузнецов А.С. Словарь А.С. Кузнецова. – Москва, 2024. – 100 с.
5. Порудоминский В.И. Даль. – Москва : Молодая гвардия, 1971. – 384 с.

Донькина В.Р.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород,
науч. рук. – Мальцева Г.Ю.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЁННОСТИ/НЕОДУШЕВЛЁННОСТИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5-6 КЛАССАХ

Аннотация. Статья посвящена методическим аспектам преподавания категории одушевлённости/неодушевлённости в 5-6 классах средней школы. Рассматриваются основные трудности, возникающие у учащихся при освоении данной грамматической категории, связанные с неочевидностью соотношения между языковыми формами и обозначаемыми объектами. Особое внимание уделяется анализу исключений из общего правила (слова типа мертвец, народ, стая) и случаев грамматической вариативности («кукла», названия морских животных). Говорится о том, что необходимо учитывать при преподавании исторический и когнитивный аспекты формирования категории одушевлённости, а также обращать внимание учащихся на связь грамматических форм с языковой картиной мира. Статья содержит конкретные примеры и рекомендации, которые могут быть использованы учителями-словесниками при подготовке уроков по данной теме.

Ключевые слова: категория одушевлённости/неодушевлённости, методика преподавания русского языка, грамматические категории.

Summary. The article is devoted to the methodological aspects of teaching the category of animate/inanimate in grades 5-6 of secondary school. The main difficulties encountered by students in mastering this grammatical category are considered, related to the lack of clarity of the relationship between linguistic forms and designated objects. Special attention is paid to the analysis of exceptions to the general rule (words like «dead man», «people», «flock») and cases of grammatical variation («doll», names of marine animals). It is said that it is necessary to take into account the historical and cognitive aspects of the formation of the category of animation when teaching, as well as to draw students' attention to the connection of grammatical forms with the linguistic picture of the world. The article contains specific examples and recommendations that can be used by verbal teachers when preparing lessons on this topic.

Keywords: category of animateness/inanimateness, methods of teaching the Russian language, grammatical categories.

Категория одушевлённости/неодушевлённости представляет собой одну из наиболее сложных для усвоения учащимися 5-6 классов грамматических тем, что обусловлено несоответствием между языковыми формами и объективными свойствами обозначаемых предметов. Как отмечал В.В. Виноградов, термины «одушевлённый/неодушевлённый» носят в значительной степени мифологический характер, поскольку многочисленные примеры (такие как растение, покойник, кукла, народ) демонстрируют расхождение между грамматической категорией и реальным статусом объекта. Традиционное объяснение, согласно которому одушевлённые

существительные обозначают «активные» предметы, а неодушевлённые – «неактивные», оказывается недостаточным при анализе таких случаев, как *мертвец* (грамматически одушевлённое) или *народ* (грамматически неодушевлённое). Это свидетельствует о том, что данная категория отражает прежде всего языковую картину мира, сложившуюся в народном сознании, а не строгие научные критерии.

Основным грамматическим показателем одушевлённости в русском языке является совпадение форм винительного и родительного падежей. Для существительных мужского рода это характерно как для единственного (*вижу человека – нет человека*), так и для множественного числа (*вижу друзей – нет друзей*), тогда как у существительных женского и среднего рода подобное совпадение наблюдается только во множественном числе (*вижу женщин – нет женщин*). В случае неодушевлённых существительных винительный падеж совпадает с именительным (*вижу дом – это дом*). Особую сложность для школьников представляют существительные женского и среднего рода, употребляющиеся исключительно в единственном числе (*меч-рыба, кибернетика*), которые не имеют чёткого грамматического показателя одушевлённости.

При изучении данной темы в 5-6 классах особого внимания заслуживают случаи колебания грамматического показателя. Как показывают исследования В.А. Ицковича, многие названия морских животных (*устрица, кальмар*) первоначально склонялись как неодушевлённые, приобретая одушевлённые формы лишь с развитием значения «живое существо» наряду с исходным значением «пища» [Ицкович 1980: 85]. Исторический аспект формирования категории представляет особый интерес для методики преподавания, так как позволяет показать учащимся динамический характер языковых явлений. Не менее важны случаи функциональной одушевлённости, например, когда куклы в игровой деятельности осмысливаются как живые существа, что приводит к вариативности в их грамматическом оформлении.

Особую группу составляют существительные, обозначающие умерших людей (*мертвец, покойник*), которые сохраняют грамматическую одушевлённость благодаря признаку «человек», в отличие от слова *труп*, обозначающего только материальную оболочку. Этот семантический нюанс требует особого внимания при объяснении темы школьникам. Не менее интересны для изучения существительные, обозначающие множества живых существ (*народ, стая*). Это множество осмысливается как единое целое – совокупность живых существ, причем эта совокупность не равна простой сумме ее составляющих. Как отмечает В.Г. Гак, такие слова занимают промежуточное положение между одушевлёнными и неодушевлёнными, образуя категорию квазидушевлённых объектов [Гак 1972: 68].

При преподавании данной темы важно учитывать, что категория одушевлённости/неодушевлённости проявляется не только в морфологии, но и в лексической семантике других частей речи. Как показала классификация Л.Д. Чесноковой, глаголы и прилагательные также могут быть одушевлённо- или неодушевлённо-маркированными [Чеснокова 1987: 69-75]. Например, глаголы *дышать*, *мечтать* предполагают одушевлённый субъект, а *гореть*, *испаряться* – неодушевлённый. Это расширяет возможности межпредметных связей на уроках русского языка.

Методически целесообразно использовать приёмы, позволяющие наглядно продемонстрировать учащимся связь грамматических форм с языковой картиной мира. Эффективными могут быть упражнения на сопоставление научных и языковых классификаций, анализ исторических изменений в категории, работу с контекстами, где проявляется вариативность грамматического показателя.

Таким образом, изучение категории одушевлённости/неодушевлённости в 5-6 классах должно основываться на понимании её как отражения антропоцентрической языковой картины мира. Такой подход позволяет не только сформировать у учащихся устойчивые грамматические навыки, но и развить их лингвистическое мышление, понимание системного характера языковых явлений и их связи с культурой и историей народа.

❖ Список литературы

1. Ицкович В.А. Существительные одушевленные и неодушевленные в современном русском языке (норма и тенденция) // Вопросы языкознания. – 1980. – № 4. – С. 85.
2. Гак В.Г. Глагольная сочетаемость и ее отражение в словарях глагольного управления // Лексикология и лексикография / Под. ред. В.В. Морковкина. – Москва : Русск. Яз., 1972. – С. 68.
3. Чеснокова Л.Д. Местоимения кто, что и семантика одушевленности – неодушевленности в современном русском языке // Русское языкознание. – Киев : Вышш. шк., 1987. – С. 69–75.

Крохмалёва К.Ю.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород;
науч. рук. – **Демичева В.В.**,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПРАВОЧНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ОБУЧЕНИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В статье рассматривается значение справочной лингвистической литературы, в том числе и разного типа словарей, в обучении младших школьников. Подчёркивается её роль в формировании у школьников языковой и лексикографической компетенции, в развитии навыков самостоятельной работы с информацией. Проанализировано влияние работы со словарями и справочниками на грамотность обучающихся. Рассматриваются методические приёмы использования справочной литературы в ходе урочной и внеурочной деятельности по русскому языку. Уделяется внимание важности читательской грамотности для успешного освоения справочных ресурсов. Делается вывод о высокой эффективности применения справочной литературы как инструмента развития языковой личности школьника.

Ключевые слова: младшие школьники, справочная литература, лингвистика, словари, языковая компетенция, орфография, самостоятельная работа, читательская грамотность.

Summary. The article examines the importance of linguistic reference literature in teaching younger schoolchildren. Its role in the formation of language competence, the development of independent work with information and the expansion of vocabulary is emphasized. The influence of working with dictionaries and reference books on spelling, lexical and grammatical literacy of students is analyzed. The need to adapt such materials to the age characteristics of children is noted. Methodological techniques for including reference literature in regular and extracurricular activities are considered. Attention is paid to the importance of reading literacy for the successful development of reference resources. The importance of family participation in introducing children to the use of linguistic sources is emphasized. The conclusion is made about the high effectiveness of the use of reference literature as a tool for the development of a student's linguistic personality.

Keywords: primary school students, reference literature, linguistics, dictionaries, language competence, spelling, independent work, reading literacy.

Задачи, стоящие перед начальной школой в организации начального языкового образования, включают, с одной стороны, приобретение школьниками в процессе обучения базовых знаний по русскому языку, с другой стороны, развитие навыков работы с различными источниками информации, необходимой для формирования языковой функциональной грамотности. В этом контексте особую актуальность приобретает вопрос эффективного использования справочной лингвистической литературы в образовательном процессе. «Роль орфографических и толковых словарей, учебных энциклопедий, грамматических справочников значительно возрас-

тает, поскольку именно они становятся базой для формирования речевой и языковой культуры младших школьников» [Агеенко 2020: 114].

Работа с лингвистической справочной литературой начинается с формирования у школьников представления о том, что язык – это не только средство общения, но и сложная система, которую можно и нужно изучать. С первого класса, согласно ФГОС НОО и ФПОП по русскому языку, формируется умение пользоваться словарями, находить в них нужное слово, определять его значение, подбирать синонимы и антонимы, различать омонимы и многозначные слова, проверять правописание. При этом простое наличие справочной литературы на уроке не гарантирует её эффективного использования и получения желаемого результата. Для достижения устойчивого результата необходимо целенаправленное педагогическое сопровождение, систематическое включение таких ресурсов в учебный процесс и формирование мотивации к их использованию.

Педагогическая практика показывает, что регулярное применение справочных материалов способствует, во-первых, расширению словарного запаса учащихся, во-вторых, развитию их орфографической и пунктуационной зоркости; в-третьих, воспитанию интереса к русскому языку и его истории. Использование орфографических словарей при выполнении письменных заданий позволяет младшим школьникам закрепить навык самопроверки, учит их внимательно относиться к правописанию, формирует ответственное отношение к культуре письменной речи. «Кроме того, – отмечает Л.Н. Зайцева, – при постоянной работе со словарями у школьников развивается внимание к структуре слова, понимание его морфемного состава, что, в свою очередь, положительно сказывается на грамотности и общей языковой осведомлённости» [Зайцева 2019: 71].

Особую роль играют толковые словари в формировании у школьников представления о многообразии значений слов, изменения этих значений в зависимости от контекста, а также об истории возникновения того или иного слова. В этом неопределима роль Словаря В.И. Даля. Когда школьник, сталкиваясь с новым словом, стремится самостоятельно найти его значение, узнать, что оно значило в другие эпохи, как менялось его значение на протяжении истории, он включается в процесс осознанного познания родного языка, учится работать с информацией, сравнивать и делать выводы.

Одним из немаловажных факторов, влияющих на эффективность использования справочной лингвистической литературы, является учет возрастных особенностей учеников начальной школы. В этом возрасте дети особенно восприимчивы к визуальной информации, любят игровые формы подачи материала, склонны к подражанию и нуждаются в ярком эмоциональном сопровождении учебного процесса. «Важно, чтобы справочные материалы, – указывает Р.Н. Бунеев, – были адаптированы к возрастным особенностям учащихся: содержали иллюстрации, схемы,

примеры из детской литературы, были оформлены в удобном и понятном формате, потому что, чем доступнее и нагляднее материал, тем охотнее школьники обращаются к нему» [Бунеев 2018: 104]. В этой связи следует вспомнить прекрасный этимологический словарь для младшего школьника В. Волиной, «Большой словарь для начальной школы» Е.А. Нефедовой, О.В. Узоровой; «Морфемный словообразовательный словарь» И.В. Гурковой; «Универсальный словарь. Как писать и говорить правильно» С.В. Зотовой и многие другие, отвечающие представленным требованиям к справочной литературе для детей младших классов.

Нельзя переоценить роль использования словарей и справочников на уроках русского языка не только для выполнения отдельных упражнений, но и как средство организации проектной деятельности. Например, для подготовки мини-исследований, составления тематических словарей, участия в конкурсах и олимпиадах по русскому языку. В учебниках по русскому языку есть рубрика «Наши проекты», когда просто необходимо использовать дополнительную справочную литературу. Работа над проектом способствует закреплению навыков поиска, отбора и анализа языкового материала. Например, при создании мини-словаря на тему «Зимние слова» ученики приводят не только слова, которые называют окружающие их предметы и явления, но и могут воспользоваться «Месяцесловом», записать старинные названия зимних месяцев, использовать Словарь В.И. Даля, в котором тоже есть слова зимней тематики, позабытые, но очень интересные. Такая работа позволяет им не только расширить активный словарь, но и учит оформлять информацию в систематизированном виде.

Внеурочная деятельность также предоставляет широкие возможности для использования справочной лингвистической литературы. На факультативных занятиях дети могут выполнять задания, направленные на составление словарных статей, объяснение происхождения слов, подбор синонимов и антонимов. Например, в рамках игры «Словарная мастерская» учащиеся получают карточки с незнакомыми словами, находят их в толковом словаре и составляют с ними предложения. Внеурочная деятельность, – отмечает И.С. Текучева, – развивает языковое чутьё и коммуникативные умения, а также способствует формированию интереса к слову как культурно-лингвистическому феномену [Текучева 2017: 93].

Справочные источники могут применяться также в работе с билингвальными детьми или школьниками, испытывающими трудности в овладении русским языком. Для этих целей особенно полезны иллюстрированные словари, в которых каждое слово сопровождается картинкой и доступным для данного возраста объяснением. Такая работа, по мнению И.С. Текучевой, помогает снять языковой барьер и ускорить адаптацию ребёнка. К примеру, ученик из нерусскоязычной семьи, изучая тему «Овощи», использует иллюстрированный словарь и, опираясь на изображение, запоминает слово и

его значение. Такой визуальный подход облегчает понимание и способствует более быстрому усвоению материала.

Кроме того, использование справочной лингвистической литературы способствует формированию читательской грамотности. Ученики учатся извлекать информацию, структурировать её и применять в учебной деятельности. Работа со словарями развивает умение пользоваться алфавитным порядком, выделять главное, понимать смысл слов и выражений в контексте. Эти умения становятся основой для дальнейшего освоения учебных предметов, поскольку чтение и понимание текста – это ключевые навыки успешного обучения.

Эффективность применения справочной лингвистической литературы напрямую зависит от методик организации учебного процесса. Учителю важно не только показать, как пользоваться словарём или справочником, но и создать условия для регулярного обращения к этим источникам. Постепенно обучающиеся начинают воспринимать эти источники как надежных помощников на уроке. Важно отметить, что систематическое использование справочной лингвистической литературы в учебной деятельности также оказывает положительное влияние на развитие метапредметных навыков, таких, например, как умение ориентироваться в структуре текста, находить нужную информацию, пользоваться оглавлением и алфавитным указателем, формулировать выводы. Эти навыки являются основой для успешного овладения учебной самостоятельностью, которая необходима учащимся на всех последующих этапах обучения.

Таким образом, справочная лингвистическая литература является важным инструментом формирования языковой личности младшего школьника. При условии систематического использования она становится ресурсом, способствующим развитию познавательной активности, самостоятельности ученика. Она позволяет школьнику почувствовать себя исследователем языка, способного самостоятельно добывать знания и применять их в различных учебных и жизненных ситуациях. Современные реалии образовательного процесса требуют активного внедрения таких средств в повседневную школьную практику, что, безусловно, будет способствовать качественному росту уровня языковой подготовки учащихся и формированию у них устойчивого интереса к родному языку.

❖ Список литературы

1. Агеенко Л.М. Методика обучения русскому языку в начальных классах. – Москва : Академкнига, 2020. – 256 с.
2. Бунеев Р.Н. Как учить детей работать со справочной литературой. – Москва : Баласс, 2018. – 144 с.
3. Зайцева Л.М. Формирование языковой личности младшего школьника. – Санкт-Петербург : Лань, 2019. – 208 с.
4. Текучёва И.С. Методика преподавания русского языка в начальной школе. – Москва : Владос, 2017. – 272 с.

Насибли Т.Ф.,
магистр, АГПУ, г. Баку;
науч. рук. – Алиева Т.С.,
к. пед. н., АГПУ, г. Баку

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. Мониторинг является одним из важнейших инструментов управления образованием и повышения качества преподавания. Педагогический мониторинг как один из видов мониторинга помогает добиться улучшения качества обучения в образовательной среде. В статье представлена информация о сущности педагогического контроля, основных понятиях, формах и этапах педагогического контроля, уровнях и результатах педагогического контроля, объектах мониторинга на уровне образовательной программы. В статье объясняется сущность педагогического контроля в общеобразовательной школе и рассматривается его роль в повышении качества образования.

Ключевые слова: Мониторинг, обучение, качество образования, педагогический мониторинг, дидактические средства, оценка, учебный процесс.

Summary. Monitoring is one of the most important tools in education management and improving the quality of teaching. Pedagogical monitoring as one of the types of monitoring helps to achieve improvements in the quality of training in the learning environment. The article provides information on the nature of pedagogical monitoring, its main concepts, the forms and stages of pedagogical monitoring, the levels and results of pedagogical monitoring, and the objects of monitoring at the educational program level. The article describes the nature of pedagogical monitoring in secondary schools and examines its role in improving the quality of education.

Keywords: monitoring, training, quality of education, pedagogical monitoring didactic tools, assessment, teaching process.

Хотя понятия «педагогический мониторинг» и «мониторинг качества» широко используются в сфере образования в настоящее время, в научно-педагогической литературе они считаются относительно новыми терминами. Существует несколько толкований термина «педагогический мониторинг». Педагогический мониторинг – это механизм, используемый для сбора, систематической организации и последовательного отслеживания ситуации и выявления перспективных тенденций развития системы образования. Педагогический мониторинг – это системный процесс, направленный на целенаправленный и непрерывный контроль качества образования в образовательных учреждениях. Педагогический мониторинг образовательного учреждения – это система сбора, анализа и хранения информации в целях обеспечения его деятельности, регулярного контроля за его состоянием, своевременного регулирования и прогнозирования развития [Крицкий 2003: 112-114]. Данный процесс позволяет как оценить соответствие требованиям государственных образовательных стандартов, так и определить уровень удовлетворения образовательных потребностей общества.

Объектами педагогического мониторинга являются участники педагогического процесса (учителя, учащиеся, классные руководители и сам педагогический процесс) [Микляева 2011: 10].

Реализация педагогического мониторинга обычно организуется в три основных этапа –подготовительный, реализационный (практический) и аналитический [Майоров 2005: 8-9].

I этап является подготовительным. Этот этап состоит из 5 основных частей.

1. Постановка целей;
2. Идентификация объекта;
3. Время мониторинга;
4. Изучение соответствующей литературы;
5. Разработка инструментов педагогического мониторинга [Малюк 2004: 80-81].

II этап является практическим этапом. Заметно, что на практическом этапе преобладают эмпирические аспекты, как сбор информации:

- наблюдение;
- интервью;
- эксперимент;
- анкетирование;
- надзорные и инспекционные работы [Петраков 2005: 78-79].

III этап является аналитическим:

1. Систематизация полученной информации;
2. Анализ данных;
3. Общий вывод;
4. Подготовка рекомендаций и предложений на следующий период [Щеглов 2004: 125].

В процессе анализа используются различные таблицы, графики, диаграммы и другие формы визуального представления, а также текстовые аналитические данные. На аналитическом этапе необходимо сделать выводы и подготовить рекомендации. Педагогический мониторинг предоставляет учителям и руководству информацию для принятия новых решений. Важными компонентами педагогического мониторинга являются педагогические и дидактические средства, используемые в образовательном процессе (формы, методы, режимы обучения и т. д.). Насколько оно соответствует целям и возрастным особенностям школьников, а также особенностям среды проживания. То есть четкая организация работы, основанная на последовательных действиях при мониторинге, способствует достижению его эффективности.

Процесс управления в сфере образования не ограничивается сбором имеющихся данных о качестве образования в определенный период, но и тесно связан с научным анализом причин несоответствия существующих несоответствий образовательным стандартам, выявлением потенциальных ресурсов и поиском путей их эффективного использования в целях повышения эффективности образовательного процесса [Девянин 2006: 239].

Для контроля качества образовательной деятельности можно анализировать деятельность школы по трем направлениям:

1. Определение места государственной политики в образовании
2. Исследование уровня организации соответствующей ситуации для развития учащихся.
3. Исследование и изучение уровня сформированности адекватной ситуации саморазвития педагогических кадров, работающих в образовательных учреждениях [Майоров 2005: 269].

Для эффективной реализации педагогического мониторинга важно соблюдение определенных нормативно-методических принципов.

1. Наличие программы мониторинговых исследований.
2. Показатели, используемые при мониторинге, и их формы должны охватывать как определенный период времени, так и основываться на принципе долгосрочной устойчивости.
3. Показатели должны носить характер оценки качества образования.
4. Результаты педагогического мониторинга анализируются в письменной форме и подкрепляются схемами, графиками и рекомендациями [Майоров 2005: 273]. При проведении педагогического мониторинга должны быть соблюдены следующие условия:

- систематичности;
- увеличение времени;
- сравнение;
- объективность;
- комфорт.

Для организации и успешного проведения педагогического мониторинга необходимо обратить внимание на некоторые вопросы:

1. Необходимо определить направления организации и мониторинга:
 - В соответствии с функциональными обязанностями;
 - В соответствии с инновационной, экспериментальной деятельностью данного учебного заведения;
 - В соответствии с целями и задачами образовательного учреждения.
2. Основной целью мониторинговой деятельности является систематическое наблюдение и анализ показателей качества образования, а также влияния обучения на индивидуальное развитие обучающегося.

3. В начале учебного года определить качество знаний учащихся по предметам и в других областях, установить требования.

4. Составляется и реализуется должностной график, утвержденный руководством образовательного учреждения.

5. В целях контроля уровня обучения и качества сформированности учебных умений в целом содержание образования должно быть ориентировано на формирование общеобразовательных и специальных способностей обучающихся.

6. Важно планировать основное содержание обучения и контролировать уровень усвоения материала студентами на всех этапах обучения. Также следует внедрить успешное применение назначенных материалов и усовершенствований на практике.

7. Для достижения объективности при оценке уровня образования необходимо учитывать три основных показателя.

- Создать среду обучения, соответствующую стандартам.
- Качество знаний.
- Постоянный мониторинг уровня образования класса.

8. Анализ уровней образования должен проводиться таким образом, чтобы охватывать различные уровни системы в целом.

Педагогический мониторинг обеспечивает участников образовательного процесса необходимой и достоверной информацией для представления руководству образовательного учреждения. Образовательные стандарты также формируют новое представление о том, что представляет собой начальное образование второго поколения и его образовательных результатах. Таким образом, меняется концепция педагогического мониторинга.

Одной из основных функций мониторинга является определение состояния общей среды обучения в школе, достижений и трудностей учащихся и принятие на этой основе соответствующих мер. Другими словами, мониторинг считается одним из главных условий обеспечения качества образования. Процесс мониторинга носит динамический характер, являясь естественным продолжением деятельности преподавателей и студентов.

Исходя из этого, формируются основные цели педагогического мониторинга:

- Увеличить объемы мониторинга и оценки.
- Анализ профессиональной деятельности педагогов, оценка достигнутых результатов и определение степени эффективности их педагогической деятельности.
- Достижение прогресса, самоуправление и самооценка деятельности и результатов учащихся.

Выводы. Основной целью проведения педагогического мониторинга является контроль качества образовательных услуг, предоставляемых школой, и определение эффективности управления качеством обучения. При успешной реализации педагогического мониторинга осуществляется постоянный мониторинг общего состояния образовательного процесса и получение комплексной информации в ходе процесса. Педагогический мониторинг играет важную роль в своевременном выявлении изменений в процессе обучения и факторов, вызывающих эти изменения, устранении пробелов в образовании, оценке эффективности методического обеспечения. Педагогический мониторинг также позволяет прогнозировать развитие образовательного процесса в краткосрочной перспективе.

В ходе мониторинга заметна деятельность участников образовательного процесса как его субъектов. Основными участниками образовательного процесса являются преподаватели, учащиеся, родители и широкая общественность. Уровень их участия различается, но каждый из них собирает информацию и анализирует ее на более позднем этапе. Общественное мнение формируется в результате анализа данных. Каждый субъект образования выступает объектом сложных структур.

Основными объектами мониторинга, наряду с процессом обучения и его результатами, являются индивидуальные особенности участников, их образовательные потребности, а также их отношение к образовательной среде.

На уровне образовательной программы могут быть объекты мониторинга. Объектами мониторинга являются образовательный процесс и его результаты, личностные характеристики всех участников образовательного процесса, их потребности и отношение к образовательному учреждению.

Объекты мониторинга могут быть определены также на уровне образовательных программ:

- Процесс освоения программы по теме;
- Интеграционные процессы в обучении;
- Процесс присвоения;
- Интеграционные процессы в обучении;
- Обновление и совершенствование содержания обучения, применение методов обучения и оценка уровня усвоения изученного материала;
- Качество образовательного процесса и т.д.

В ходе педагогического мониторинга проводится объективный анализ собранных данных о деятельности образовательного учреждения, родителей, педагогической системы и субъектов управления, на этой основе оценивается академическое, образовательное, психологическое и медицинское состояние обучающегося, на основании полученных результатов составляются соответствующие прогнозы и принимаются необходимые решения.

❖ **Список литературы**

1. Девянин П.Н. Информационная безопасность предприятия : Учебное пособие / П.Н. Девянин, А.А. Садердинов, В.А. Трайнев. – Москва, 2006. – 335 с.
2. Крицкий М.А. Педагогический мониторинг опытно-экспериментальной работы как фактор развития инновационной школы : автореф. дис. ... канд. пед. наук: спец. 13.00.01 [Волгогр. Гос. Пед. Ун-т]. – Волгоград, 2003. – 131 с.
3. Майоров А.Н. Мониторинг в образовании. – Ульяновск : Интеллект-Центр, 2005. – 424 с.
4. Малюк А.А. Введение в защиту информации в автоматизированных системах: Учебн. пособие для вузов / Малюк А.А., Пазизин С.В., Погожий Н.С. – Москва : Горячая линия –Телеком, 2004. – 147 с.
5. Мониторинг в современном детском саду: методическое пособие / под ред. Н.В. Микляевой. – Москва : ТЦ Сфера, 2011. – 64 с.
6. Осмоловская И.М. Качество образования: критерии и показатели конкретной школы. – Москва : РАО. - №3. – С. 25-31.
7. Петраков А.В. Основы практической защиты информации : Учебное пособие. – Москва, 2005. – 281 с.
8. Щеглов А.Ю. Защита компьютерной информации от несанкционированного доступа. – Санкт-Петербург, 2004. – 384 с.

Пашкова Г.И.,
к. пед. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород;
Радомская А.И.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА ПО ОРФОГРАФИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В процессе самостоятельной работы при изучении орфографии следует использовать современные образовательные технологии. Приведены примеры заданий для самостоятельной работы учащихся.

Ключевые слова: русская орфография, самостоятельная работа, современные образовательные технологии.

Summary. In the process of independent work when learning spelling, modern educational technologies should be used. Examples of tasks for students' independent work are given.

Keywords: Russian spelling, independent work, modern educational technologies.

Самостоятельная работа – это важнейшая часть обучения. Идеи познавательной самостоятельности учащихся возникли еще в эпоху античности (целью обучения было достижение умственной самостоятельности) и являются определяющими в наше время. Современный урок в соответствии с идеями ФГОС ООО строится так, чтобы организованная учителем самостоятельная деятельность учащихся составляла 60-70% времени урока. Очень созвучны современности слова педагога-практика, основоположника научной педагогики в России К.Д. Ушинского: «...Должно постоянно помнить, что следует передавать ученику не только те или иные познания, но и развивать в нем желание и способность самостоятельно, без учителя, приобретать новые познания... дать ученику средство извлекать полезные знания не только из книг, но и из предметов, его окружающих, из жизненных событий, из истории собственной души. Обладая такой умственной силой, извлекающей отовсюду полезную пищу, человек будет учиться всю жизнь, что, конечно, и составляет одну из главнейших задач школьного обучения» [Ушинский 1948: 500]. Современный урок в условиях введения стандарта нового поколения рассматривается дидактами как технология и направлен на широкое применение современных образовательных технологий. В ходе самостоятельной работы используются новые модели уроков, связанные с образовательными технологиями.

Мы рекомендуем использовать открытые формы обучения. Открытая форма занятия – это прежде всего самостоятельная работа по учебному плану

(дневному, недельному), она может быть организована как индивидуальная, в паре или в малой группе [Пашкова 2004: 13-17].

Приведем некоторые из заданий дневного учебного плана (обязательный блок) при изучении орфографии:

- восстановите алгоритм обозначения орфограммы (последовательность орфографического разбора);
- сделайте работу над ошибками;
- подберите материал, насыщенный изучаемой орфограммой;
- напишите диктант индивидуально (письмо по памяти) или в паре.

Предполагаются также задания дополнительного блока занимательного характера: разгадайте «словарный ящик» (в «ящике» спрятаны слова на определенное орфографическое правило), решите ребус, составьте кроссворд по изучаемой орфографической теме и т. д.

Подчеркнем, что при обучении орфографии используются и традиционные виды работ: упражнения из учебника, из рабочей тетради, диктанты, творческие работы и др.

Кроме того, открытыми формами обучения считают проектную работу учащихся, игровую – в виде станционной работы с заполнением маршрутного листа (маршрутный лист – вариант плана, который рекомендуется вести по технологии «открытого обучения»), «свободную работу» (ученик сам определяет вид самостоятельной деятельности), то есть те виды работ, где знания «добываются» самостоятельно. Ученик работает самостоятельно в индивидуальном темпе и ритме в условиях подготовленной дидактической среды в классе (в учебной мастерской, в компьютерной лаборатории). Значительно меняется роль учителя. Наблюдение, консультация и, в первую очередь, дидактически-методическая сдержанность становятся его центральными задачами.

На занятиях «открытого» типа применяется технология обучения в малых группах сотрудничества. Предлагаются такие задания:

- напишите приглашение на праздник, посвященный русской орфографии;
- напишите «Благодарственное слово» этимологии на службе орфографии;
- составьте макет лингвистической газеты «История русской письменности», «Интересно об орфографии», «Путешествие в орфографию».

Большое место в учебном плане отводится словесному творчеству учащихся, ученики пишут «свободные тексты» – истории, рассказы, стихи, сказки. Например, рассказ по данному началу для учащихся 5–6 классов. Даны начала предложений: *Орфография – это... Я бы хотел сказать хорошее о русской орфографии... Это действительно интересно – узнавать о секретах*

орфографии... Я знаю, как пользоваться орфографическим словарем русского языка... Я могу правильно писать слова, когда... Слов с непроверяемыми орфограммами много... Я знаю, как применять орфографическое правило... Мне известно, как пишутся иноязычные слова... Я узнал тайну происхождения таких слов... Мне известны авторы книг о русской орфографии... Изучение орфографических правил с помощью компьютера отличается от изучения с использованием школьного учебника...

Одной из форм самостоятельной урочной и внеурочной деятельности может быть педагогическая мастерская. Технология педагогических мастерских предусматривает индивидуальную и групповую работу учеников при участии учителя-мастера. Работа в мастерской исследователя предполагает презентацию и защиту индивидуальных и групповых проектов. Предлагаем тематику проектов, посвященных изучению орфографии.

Индивидуальные проекты. Составление тематических словарей. Устное (письменное) лингвистическое рисование слов из орфографического словаря. Иллюстрирование словарных слов из отрывков художественных произведений. Составление мини-сборника пословиц и поговорок на определенное орфографическое правило. «Орфографические раны» (составление картотеки слов с ошибками, после трех правильных написаний слово из картотеки изымается).

Групповые проекты. Лингвистическое иллюстрирование орфографического словаря. Составление тематических словарей с непроверяемыми орфограммами (Темы: стадион, театр, сад, и др.). Комплектация «Словарных ящиков» на определенное правило. Оформление презентации «Авторы орфографических словарей». Создание документального фильма об истории орфографии. Создание видеофильма «История письма».

Коллективные проекты. «Важные буквы» (ять, фита, и- десятиричное, ер, ерь и другие, их роль в правописании). «Этимологический корнеслов» (с использованием словаря-справочника «Этимологические тайны русской орфографии»). «Падчерица русской азбуки» (особенности правописания и произношения слов с буквой Ё). Составление презентации «Существительное и его орфограммы», («Прилагательное и его орфограммы», «Глагол и его орфограммы» и других частей речи).

Широко используется технология развития критического мышления через чтение и письмо. Приведем примеры использования приемов данной технологии на разных стадиях занятий: Составьте синквейн на одну из тем: «Орфограмма», «Орфографическое правило», «Орфографическая ошибка». При изучении правописания широко используются вопросы «Верите ли вы?» (вопросы могут быть даны на карточках). Например: *Верно ли, что слова*

«орфография» и «правописание» синонимы? Можно ли правописание словарных слов объяснить с помощью этимологии?

Учитель также развивает речевое общение: речевую деятельность и речевое поведение в мини-группах. Ученики размышляют, приводят свои аргументы при ответах на «толстые» вопросы:

1. Почему В.П. Шереметевский написал: «Орфография слова есть не что иное, как биография слова, кратко, но вразумительно повествующая о происхождении слова».

2. Предположите, что будет, если исчезнут правила написания слов.

3. Почему в орфографические словари включают и просторечные слова?

4. Объясните, почему С.И. Ожегов, составитель толкового словаря русского языка, утверждал: «Упорядоченность орфографии расценивается как важный показатель высокой культуры нации».

5. Разделяете ли вы мнение Д.И. Тихомирова: «Умение излагать орфографически правильно и даже толково зависит прежде всего от навыка, а навык приобретается только путем продолжительной практики, путем частых письменных упражнений...». Почему?

При использовании приема «Чтение с остановками» предлагаются фрагменты текстов из книг: Граник Г.Г., Бондаренко С.М., Концевая Л.А. «Секреты орфографии», М.В. Панов «И все-таки она хорошая!».

Широко распространена технология использования в обучении игровых методов: ролевых, деловых и других видов обучающих игр.

При проведении интеллектуальной квест-игры «И все-таки она хорошая!» возможны не только орфографические, но и этимологические задания для станций.

Станция «Орфографические словари».

1. В каком году была предпринята первая попытка создания справочника русского правописания? Кто автор?

2. Как назывался первый словарь, изданный в советское время?

3. Назовите авторов орфографических словарей.

4. Укажите словари-справочники, которые посвящены каким-либо орфографическим сложностям.

Станция «Этимология на службе орфографии»:

1. Что объединяет следующие слова: *те..итория, те..раса, те..акота, те..ариум, парт..р*?

2. Объясните, в чем сходство и различие в значении лингвистических терминов: *..нтоним, ..моним. с..ноним, т..поним, зо..ним. пс..вдоним.*

3. Вместо пропусков в каждой группе вставьте этимологически выделяющийся общий для группы корень: 1) *..логия, ..поле. ..графия, ..климат, ..ритмы, ана..оз, сим..оз, ..сфера*; 2) *ана.., ката...атор.*

4. Установите, в чем общность в происхождении данных имен собственных: *Николай, Никон, Вероника, Никандр, Никодим*.

5. Разделите слова на две группы, учитывая историю их образования: 10 = дека (греч. «десять»); *дик(т)* (лат. «говорить»). *Д..ктатор, д..декада, д..ктант, д..иктофон, д..ктовать, д..калитр, д..канат*. [Львова: 34, 36, 37, 46].

Нельзя обойти вниманием и вопросы, связанные с современным русским письмом.

Станция «Письмо и орфография»:

1. Как называют современное русское письмо?
2. Какую роль играет графика для правил орфографии?
3. Зависят ли правила орфографии от самого алфавита?
4. Из скольких частей в целом состоит современное письмо?
5. Каким было письмо в древней Руси? На основе чего было разработано славянское письмо (кириллица)?

Как видим, при изучении орфографии широко используются современные образовательные технологии. В ходе самостоятельной работы ученики расширяют свои познания в области орфографии: они начинают понимать, что это исторически сложившаяся система написаний, что в основе написаний лежат определенные законы и принципы, что у современной русской орфографии еще много тайн. Применение образовательных технологий в процессе самостоятельной работы реализует деятельностный подход (информация не предоставляется в готовом виде), способствует пробуждению интереса к изучению орфографии, воспитывает уважительное отношение к написанному слову, прививает любовь к орфографическому познанию.

❖ Список литературы

1. Львова С.И. Орфография. Этимология на службе орфографии. – Москва : Русское слово – РС, 2000. – 112 с.
2. Пашкова Г.И. Открытые формы занятий в сочетании с компьютерными технологиями при обучении орфографии // Русский язык в школе. – 2004. – № 5. – С. 13-17.
3. Ушинский К.Д. Собр. Соч. в 11 т., Т. 2. – Москва ; Ленинград, 1948. – 665 с.

Титова А.С.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ НОРМ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена исследованию лексико-грамматических ошибок в области современного русского языка. Значительное внимание уделяется оценке лексикографического аспекта в преподавании в школе и вузе тем «Паронимы», «Омонимы», при рассмотрении вопросов тавтологии, лексической сочетаемости слов и системных отношений словообразования и грамматики. Обоснована мысль обязательного включения анализа словарной статьи в практику фиксации нормативного варианта в сознание носителя русского языка.

Ключевые слова: паронимы, омонимы, тавтология, лексико-грамматические нормы русского языка.

Summary. The article is devoted to the study of lexical and grammatical errors in the field of modern russian language. Considerable attention is paid to the assessment of the lexicographic aspect in teaching at schools and universities of the topics «Paronyms», «Homonyms», when considering issues of tautology, lexical compatibility of words and systemic relations of word formation and grammar. The idea of mandatory inclusion of dictionary entry analysis in the practice of fixing the normative variant in the consciousness of a native speaker of the russian language is substantiated.

Keywords: paronyms, homonyms, tautology, lexico-grammatical norms of the russian language.

В настоящей научно-методической статье мы обращаемся к вопросу использования толкового словаря при изучении в школе и вузе лексико-грамматических норм русского литературного языка. Наиболее сложными и, соответственно, формирующими типичные ошибки в живой разговорной речи, являются вопросы паронимии, омонимии, многозначности слова и системных отношений словообразования и грамматики. Обратимся к практике лексикографического анализа подобных нарушений норм современного русского языка.

1. **Паронимы.** На первый взгляд, у однокоренных лексем *двойной* и *двойственный* абсолютно одинаковое значение – ‘состоящий из двух’. В таком случае эти слова в любом контексте взаимозаменяемы. Но лексическая сочетаемость у паронимов (к группе которых относятся данные слова) разная и зависит от ключевого компонента значения каждого из слов. Сравним. *Двойной* – ‘состоящий из двух однородных частей’ (двойной удар, двойная порция), а *двойственный* – ‘состоящий из двух различных качеств, частей’ [Морковкин 2023]. Ключевой компонент в значении второго слова –

‘различный’. На него и стоит обратить особое внимание. Так и синонимы к слову *двойственный* — это лексемы *неоднозначный, противоречивый* (*двойственное суждение, двойственное впечатление*) [Александрова 2011]. Антонимы — *однозначный, прямолинейный, чёткий* [Львов 1984]. Синоним к слову *двойной* — *парный*. Антоним — *одинарный* [Александрова 2011]. Синонимо-антонимические отношения у слов разные, а значит, они не могут заменять друг друга в одном и том же контексте. К тому же у слова *двойственный* есть ещё одно значение, закреплённое в толковом словаре: ‘касающийся двоих’ (*двойственное соглашение, двойственные совещания, т. е. двусторонние*) [Морковкин 2023]. Отрицательной коннотации, как в контекстах с первым значением, здесь нет. А называть «*совещания*» или «*соглашения*» *двойными* будет неправильно.

Так, напомним и о более распространенных в методической литературе парах *надеть — одеть, роспись — подпись*. Несмотря на многочисленные учебно-научные разговоры о них, их всё равно путают в живой речи: «*Одела его первый раз и уже испачкала!*» (про **платье**); «*Можешь **поставить** свою **роспись**?*» — ошибочная замена паронимов.

2. **Омонимы.** Обратимся к примеру, переписка друзей: «*Ну что, тихо там у вас в кабинете? — Нет, зачистили((— Кого зачистили?*». Конфуз случился по причине неразличения омонимов. *Зача^астить* и *зачи^истить* — два разных слова [Морковкин 2023], а их словоформы *зачистили* и *зачастили* произносятся одинаково (омофоны).

3. **Тавтология (плеоназм).** Пример из интернет-сети: «*Самое основное, что хочется отметить — идея, посыл и стилизация съёмки*». Сочетание «*самое основное*», с точки зрения лексических норм русского литературного языка, является скрытой тавтологией. В значении слова *основной* уже заложена сема ‘*наиболее важный*’ [Морковкин 2023], поэтому «*самый*» здесь является лишним. На уровне грамматических норм все еще более прозрачно и открыто: прилагательное *основной* элементарно не имеет форм степеней сравнения, ни сравнительной, ни превосходной: более основной, менее основной, основнее, основнейший, следовательно, и сочетание *самый основной* — это лексико-грамматическая ошибка.

4. **Образование форм степеней сравнения прилагательных.** Пример: «*Лерочка **молодее** с каждым годом!*» — нарушены морфологические нормы русского литературного языка. Напомним: при образовании формы сравнительной степени прилагательного *молодой (-ая)* в корне слова происходит чередование *д–ж* (молод — моложе) и добавляется суффикс *е*, а не более распространенный *ее*. Обратим внимание и на следующее: лексема

молодой относится к группе прилагательных, у которых превосходную степень сравнения нельзя образовать суффиксальным способом (ср.: *умный* – *умнейший*, *добрый* – *добрейший*), только составным: **самый** молодой.

Таким образом, опыт включения комплексного лексико-грамматического анализа словарной статьи при обзоре типичных лексико-грамматических ошибок показал важность лексикографического аспекта в методике преподавания норм русского литературного языка в школе и вузе.

❖ Список литературы

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. – Москва : Рус. яз., 2011. – 568 с. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova/index.htm>
2. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2 000 антоним. пар / Под ред. Л.А. Новикова. – Москва : Рус. яз., 1984. – 384 с. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/slovar-antonimov>
3. Морковкин В.В. Большой универсальный словарь русского языка / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая. – Москва : Грамота, 2023. – 1456. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka>

Шишкина А.А.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород;
науч. рук. – Середина Е.В.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ И ИХ РОЛЬ В ОБУЧЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ СТУДЕНТОВ)

Аннотация. Данная статья рассматривает роль энциклопедических словарей в обучении среди студентов Института межкультурной коммуникации и международных отношений. Основная задача исследования – показать важную роль энциклопедических словарей. Материалом исследования послужило анкетирование среди студентов. Результаты опроса указывают на активное использование словарей среди студентов для подготовки к практическим занятиям, поскольку энциклопедические словари содержат максимально сжатую информацию в доступной форме.

Ключевые слова: словарь, энциклопедия, роль словарей.

Summary. This article examines the role of encyclopedias in learning among students of the Institute of Cross-Cultural Communication and International Relations. The main objective of the study is to show the important role of encyclopedias. The material of the study was a questionnaire survey among university students. The results of the survey indicate the active use of dictionaries among students to prepare for practical classes, because encyclopedias contain the most concise information in an accessible form.

Keywords: dictionary, encyclopedia, the role of the dictionary.

В современном мире растет объем новой информации и увеличивается скорость обновления человеческих знаний. Всю информацию человеку приходится осваивать за короткое время. С появлением новых слов изменяется смысл уже известных, растет количество новых наименований. В связи с этим огромное значение в жизни общества получают энциклопедические словари, в которых есть информация из различных сфер человеческой деятельности. Такая форма значительно упрощает поиск необходимой информации, а также предоставляет обобщенные сведения по широкому кругу проблем.

Само слово «энциклопедия» греческого происхождения и обозначает «обучение по кругу», что дает нам возможность постоянно обращаться и возвращаться к сведениям, изложенным в энциклопедиях по самым разным предметам и сферам науки [Ратников 2005: 45].

«Энциклопедия – вид научного или научно-популярного издания, содержащего систематизированный свод знаний в виде кратких статей, расположенных в алфавитном или систематическом порядке. Она позволяет обучаемому в любое время оперативно получить необходимую справочную информацию в компактной форме» [Калитина, 2013:114]. Одна из основных функций – информативная – предоставляет доступ к надежной и систематизированной информации, образовательная функция способствует

самообразованию и формирует у читателя навыки информационного поиска и анализа, а культурно-просветительская функция формирует уважение к многообразию культур и способствует распространению знаний. Читатели могут самостоятельно выбирать интересующие их темы и находить важную информацию, что способствует самосовершенствованию, развитию умений и навыков.

Для описания роли словарей в процессе обучения выбраны энциклопедии, которые определяются их исторической значимостью, широким распространением и сильным воздействием на интеллектуальное и культурное развитие различных стран и эпох: БСЭ, «Academic.ru» и «Gufo.me».

«Большая советская энциклопедия» (БСЭ) – универсальная энциклопедия. Была издана в СССР в начале XX века. Это многотомное издание, отражающее советское представление о науке, культуре, истории и политики. Для советских граждан БСЭ была важнейшим источником информации, она формировала картину мира и идеологические убеждения. Такой подход «позволяет по-новому смотреть на те языковые факты и явления, которые в вузовской практике воспринимались неизменно, как бы застывали в своей терминологической оболочке, изучались по старым схемам, без внимания к новым подходам и достижениям» [Никитин 2021].

Использование автором БСЭ иллюстраций, карт и таблиц позволяет воспринимать информацию быстрее. Однако энциклопедия подвергалась цензуре, вследствие чего статьи могли быть изменены в соответствии политическими признаком.

С появлением интернета на смену традиционным энциклопедическим словарям пришли электронные ресурсы, такие как «Академик». Электронный словарь был создан в конце 20 века с целью поиска достоверной информации по базе словарей и энциклопедий. «Академик» как качественная и понятная платформа – результат сотрудничества лексикографов, филологов и программистов.

«Электронные словари могут представлять модель определенной теории или специальной области знаний или деятельности. Для создания такой модели неоценимой является не только лингвистическая, но и экстралингвистическая информация, позволяющая лучше понять отраслевой фон, в котором функционирует тот или иной термин, рассматривать контекст, в котором реализуется значение термина. Объемы электронных словарей позволяют включать такой тип информации, не нарушая целостности концепции» [Кантышева 2012: 47].

Не менее известным словарным агрегатором является универсальный однотомный энциклопедический словарь Gufo.me. Включает около 80 000 статей, в том числе около 20 000 биографий, позиционируется как универсальное

справочное издание, охватывающее все области современного знания [Gufo.me]. «Gufo.me» предоставляет доступ к множествам разделам, например, толковые и языковые словари, научная и техническая энциклопедии, историческая энциклопедия. Разнообразные тематические разделы помогают в изучении языков, переводе и понимании значения слов, объясняют термины из физики, химии и биологии, содержат статьи об исторических событиях, войнах, цивилизациях. Однако электронные издания, имеют недостатки. Например, технологии развиваются и современные платформы, и сайты быстро становятся неактуальными.

Анализ эмпирических данных, полученных в ходе проведенного анкетирования среди студентов Института межкультурной коммуникации и международных отношений, выявил особенности использования энциклопедий в учебном процессе с целью определения роли в формировании знаний. Это позволило оценить актуальность энциклопедий в современной образовательной среде. Для анкетирования были задействованы 50 студентов младших курсов филологических специальностей. Респондентам было предложено ответить на 6 вопросов.

В рамках данного исследования рассмотрим следующие вопросы (Таблица 1).

Проанализировав результаты анкетирования, можно сделать вывод, что 76% опрошенных студентов активно и часто используют электронные энциклопедии в процессе учебной деятельности. Это связано со спецификой обучения в Институте межкультурной коммуникации и международных отношений, поскольку необходима сжатая информация при подготовке к практическим занятиям по дисциплинам «Введение в языкознание», «История», «Философия».

Также можно сделать вывод о высокой оценке роли словарей в процессе обучения. Более 42% респондентов оценили необходимость использования словарей на 8-10 баллов по шкале, где 0 – совсем не нужны, а 10 – без них невозможно представить процесс обучения. Это свидетельствует о том, что энциклопедические словари являются важным инструментом для понимания новых терминов, перевода текстов или углубленного изучения предмета.

В вопросе «Какой вид энциклопедических словарей Вы чаще используете?» наиболее востребованным ответом является переводной словарь (45%). Это связано с изучением иностранных языков, чтением литературы на иностранных языках. На втором месте по популярности находится энциклопедический словарь (26%), что указывает на потребность в получении общей справочной информации или расширения кругозора. Толковый словарь (19%) используется достаточно часто, для уточнения

семантики слов и улучшения понимания родного языка. Филологический словарь (9%) наименее популярен, это связано с востребованностью в основном среди студентов филологов, углубленно изучающих язык.

Таблица 1. – Перечень вопросов для анкетирования

Вопрос	Ответ	Количественные результаты
Как часто вы используете энциклопедические словари в процессе учебной деятельности?	Часто Иногда Всегда Редко Никогда	17 9 6 5 5
Помогают ли словари в процессе обучения? Определите по шкале, где 0 – совсем не нужны, 10 – без них невозможно представить процесс обучения		
Какой вид энциклопедических словарей Вы чаще используете?	Переводной словарь Энциклопедический словарь Толковый словарь Филологический словарь	19 11 8 4
Какой формат энциклопедических словарей вы предпочитаете?	Электронный Оба варианта Никакой Печатный	19 15 5 3
Назовите главные преимущества энциклопедических словарей	Экономия времени Междисциплинарность Скорость	18 18 14
Выберите основные недостатки электронных энциклопедических словарей	Потеря способностей работы с текстом и поиска информации Ненадежность данных Нечёткая структура Сложный интерфейс	18 16 13 11

Электронный формат (45%) энциклопедических словарей является наиболее предпочтительным среди студентов Института межкультурной коммуникации и международных отношений. Это говорит о том, что для респондентов важно удобство использования и доступность информации в цифровом виде. Значительная часть опрошенных (35%) предпочитают оба

варианта. И лишь небольшая доля обучающихся используют печатные экземпляры (7%). Это может быть связано с сомнением в достоверности цифровой информации или недоступностью к электронным устройствам.

При этом участники опроса отмечают некоторые преимущества и недостатки электронных энциклопедических словарей.

Несмотря на то, что современные электронные словари обладают более широкой функциональностью, чем печатные аналоги, они также могут существенно отличаться по способам организованности содержания. Важно учитывать, что даже цифровые версии классических словарей могут искажать информацию, если не будут правильно структурированы. Это подчеркивает необходимость дальнейшего изучения и развития методов работы с электронными ресурсами, чтобы обеспечить их полноценное использование.

❖ Список литературы

1. Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М. Прохоров. – Москва: Советская энциклопедия, 1969. – URL: https://archive.org/details/B-001-033-601-30vols/BSE_3izd_01/
2. Калитина В.В. Электронная энциклопедия как средство повышения уровня запоминания учебного материала // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2013. – №1 (23) – 111-114.
3. Кантышева Н.Г. Гипермедиаальные структурные элементы представления специальных знаний в компьютерной лексикографии. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – С. 47-50.
4. Никитин О.В. Энциклопедический словарь «Русский язык» и история его изданий в контексте филологической критики // Филологический класс. – 2021. –Т. 26, № 4. – С. 19-33.
5. Ратников К.В. Из истории энциклопедий. – URL: <https://proza.ru/2015/12/11/1588>
6. Academic.ru: электронная энциклопедия. – URL: <https://academic.ru/>
7. Gufo.me: электронная энциклопедия. – URL: <https://gufo.me/dict/bes#>

**СЕКЦИЯ 4.
ПИСАТЕЛЬСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ**

Блажиевская Е.С.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород;
науч. рук. – Чумак-Жунь И.И.,
д. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ КРАСНОГО ЦВЕТА В ПОЭЗИИ XX ВЕКА

Аннотация. В статье исследуется использование лексико-семантических единиц со значением красного цвета в поэзии XX века на примере творчества С.А. Есенина и А.А. Блока. Анализируются как особенности их семантических характеристик, функции в художественном и образном пространстве поэтических произведений, так и роль в передаче эмоциональных и символических смыслов. Особое внимание уделяется развитию и вариативности употребления цветовых номинаций в контексте эстетических и культурных особенностей эпохи. Работа способствует более глубокому пониманию роли цветописы как важного выразительного средства в поэтическом языке.

Ключевые слова: микрополе, красный цвет, поэзия XX века, цветовая символика, художественный образ, семантика, цветопись, поэтический язык.

Summary. The article explores the use of lexical and semantic units denoting the color red in 20th century poetry. The article analyzes the features of their semantic characteristics, functions in the artistic and figurative space of poetic works, as well as the role of red in the transmission of emotional and symbolic meanings. Special attention is paid to the development and variability of the use of color categories in the context of the aesthetic and cultural characteristics of the era. The work contributes to a deeper understanding of the role of red as an expressive means of poetic language.

Keywords: micropole, red color, poetry of the XX century, color symbolism, artistic image, semantics, color painting, poetic language.

Цвет в поэтическом языке выступает важным средством передачи эмоциональных и символических значений, формируя уникальные образы и отражая внутренний мир автора. Обозначения красного цвета, обладая богатым символическим и ассоциативным потенциалом, занимают особое место в поэзии XX века. Их использование отражает не только эстетические предпочтения художников слова и психологические аспекты их творчества, но и социокультурные изменения в обществе. Цель данной статьи – проанализировать особенности употребления лексико-семантических единиц со значением красного цвета в поэзии С.А. Есенина и А.А. Блока, выявить их функции, семантические особенности и роль в формировании образно-эмоционального мира поэтов.

По мнению А.Ф. Лосева, через слово воплощается и создается образность – необходимый атрибут художественности. Слово в художественном произведении, помимо фонетических, грамматических, лексических

свойств, приобретает эстетические качества и смысловую нагрузку [Лосев 1982: 35]. Так, существующие в языке лексико-семантические группы слов, именуемые полями, которые передают цвета, краски окружающего мира, в художественных произведениях выполняют особые функции, создают не только неповторимый образ, но и несут идейно-художественную нагрузку [Москович 1964: 11]. Анализируя множество лексических единиц, входящих в состав микрополя, можно сделать вывод, что «для системной организации поля цвета характерно противопоставление / не резкое, а «градуальное» / ядра и периферии» [Чумак-Жунь 1996: 174]. Объектом нашего внимания является лексико-семантическая группа слов-цветообозначений, единицы которой в процессе семантической эволюции и художественной обработки приобретают переносные и символические значения. Использование цветообозначения в художественном произведении называют цветописью.

Цветопись – приём, передающий живое дыхание слова, при этом палитра красок автора служит языком художественного произведения. Колористические эпитеты, метафоры и сравнения являются неотъемлемым элементом поэтического языка, придавая ему особую изобразительность и эмоциональную насыщенность.

Обратимся к особенностям использования обозначений красного цвета в творчестве двух великих, но очень разных поэтов начала XX века – С.А. Есенина и А.А. Блока.

Рассуждая о роли цветописи в поэтическом творчестве, сам А.А. Блок в статье «Краски и слова» призывает разглядеть силу «искусства красок и линий». По мнению поэта, цветопись – самостоятельное искусство, именно оно «позволяет всегда помнить о близости к реальной природе и никогда не даёт погрузиться в схему» [Блок 1905].

Это во многом соответствует пути, по которому следовал С.А. Есенин, описывающий национальную природу «изумительными по своей простоте красками».

Используя колоративную лексику, С.А. Есенин погружает читателя в мир русской природы. Раннее есенинское стихотворение «Лебедушка», словно радуга, насыщено оттенками цвета. Стилизованное под народно-поэтическое творчество, оно содержит ряд характерных для фольклора сочетаний с цветовыми эпитетами: *седое облако, красна зорюшка, роса жемчужная, блестки алые, белоснежная лебедушка, цветы лазоревы, туча черная*. Доминирующее в стихотворении сочетание *белая лебедушка (лебедь белая)* [Есенин 2004: 54] вызывает ассоциации с народно-поэтическим сочетанием *красна девица*, дефиниция которого, исходя из данных Толкового словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, вбирает в себя значения ‘скромная’, ‘красавица’ [Ожегов 1994]. Именно так представлена в поэтическом

повествовании лебедушка – это олицетворение прекрасной девушки, женщины, которая закрывает собой детей.

Стихотворение насыщено цветообозначениями, которые играют в тексте как изобразительную, так и символическую роль. Так, слово *багровый* в описании зари (*ЗаряРассыпала ясной радугой // Огоньки-лучи багровые* [Есенин 2004: 54]) – элемент микрополя красного цвета (при компонентном анализе которого выделяются следующие семы: ‘красный’ + ‘густой’ + ‘тёмный’ + ‘синий’ + ‘блеск’), используется как своеобразное предупреждение, предчувствие тревоги.

Игра оттенков в третьем катрене поражает: *роса жемчужная* отливает *блестки алые* [Есенин 2004: 54], что также предвещает кровавый исход вечера – коршун растерзает лебёдушку, а её малые дети останутся сиротами.

Интересно, что в начале стихотворения *лебежатушки* теребили *траву-муравушкуютак*, что *росинки серебристые*, // *Словно жемчуг, осыпались* [Есенин 2004: 54], в конце трагической зарисовки маленькие лебеди снова оказываются в густой траве, но катятся на землю уже не капли росы, а горькие слёзы матери по своим осиротелым детям. Потому неслучайно действие происходит на *багровой* заре – цветообозначение придаёт событиям трагизма.

Смысл индивидуально-авторской цветосимволики раннего С.А. Есенина очевиден – в пейзаже поэт видит воплощение человеческих чувств. Используя цветопись, поэт создает живую картину окружающего мира, где природа не просто фон, а участник событий, способный на сочувствование и сопереживание.

Красный цвет для передачи чувств и эмоций лирического героя активноупотребляется и в поэзии А.А. Блока. Оказавшись на распутье революции, поэт активно использует символический потенциал цветономинации. Так, обозначения самых разных оттенков красного цвета «пронизывают» сюжет стихотворения «Город в красные пределы». Это или отдельные детали, представленные сочетаниями *красные пределы*, *грязно-рыжее пальто*, *окровавленный язык*, или целые образы – *Красный дворник плещет ведра С пьяно-алюю водой*, *Пляшут огненные бедра Проститутки площадной*. Это образы, которые передают атмосферу города: он предстаёт как живое существо, исполненное страстями и тяготами. *Красный* цвет, «заявленный» в сильной позиции заглавия и «выдержанный» на протяжении всего текста, является многозначным символом, передающим идеи страсти, сложной жизни и насилия, которые пересекаются в ткани городской реальности. Важны в понимании смыслов текста метафоры с лексемой *кровь*: «Кровью солнца окатил», «Окровавленный язык» колокола [Блок 1997: 149]. Цвет крови – *красный*, что также имплицитно представляет ассоциации с жертвами города и страданиями. Неспроста перечисленные автором

городские заботы: улицы, фабрики, окна – всё «закатом залито». Здесь также уместен компонентный анализ, который, в соответствии с толкованием словаря Д.Н. Ушакова, включает семы красный + ‘огненный’ + ‘светящийся’ + ‘яркий’, при этом доминантной семой является ‘красный’. Также в словаре приводится ещё одно толкование слова: ‘перен., только ед. конец, конец жизни, гибель’, что также вызывает у читателя ассоциации с потерей жизненных сил и предвестником кровавых событий в городе [Ушаков 2007]. Красным представлен и дворник, который плещет вёдра *С пьяно-алою водой* [Блок 1997: 149]. *Алый* – ещё один компонент микрополя *красного* цвета. Коннотация данной сложной лексемы ‘пьяно-алый’ также отрицательная, поскольку город словно одурманен, кровоточит от своих зависимостей и боли, но жизнь не меняется.

Так, единицы микрополя красного цвета в творчестве С.А. Есенина и А.А. Блока вбирают в себя богатый спектр значений: оттенки *красного* могут вызывать ассоциации как с приятными и красочными явлениями, так и с горькими и печальными. В результате классификации исследуемых цветономинаций нами было определено, что большинство лексико-семантических единиц со значением красного цвета употребляются поэтами XX века для передачи трагического настроения лирического героя, что можно связать как с личными переживаниями, так и со сложной социальной ситуацией, проблемами, назревавшими в обществе.

❖ Список литературы

1. Блок А.А. Краски и слова, 1905. – URL: http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_1905_kraski_i_slova.shtml
2. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. – Т. 2. – Москва : Наука, 1997. – 465 с.
3. Есенин С.А. Полное собрание сочинений. В 7-ми т. Т. 4. – Москва : ИМЛИ РАН, 2004. – 544 с.
4. Лосев А.Ф. Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе // Литература и живопись. – Ленинград, 1982. – С. 35.
5. Москович В.А. Семантическое поле цветообозначений (опыт типологического исследования семантического поля) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1964. – 18 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. – Москва : Азъ, 1994. – 907 с.
7. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4-х томах. Т. 2. – Москва : Терра-Книжный клуб, 2007. – 520 с.
8. Чумак-Жунь И.И. Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И.А. Бунина: состав, структура, функционирование : дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1996. – 202 с.

Голотовская Р.А.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород;
науч. рук. – Чумак-Жунь И.И.,
д. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН КАК МАРКЕР ИДИОСТИЛЯ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ И Б.Л. ПАСТЕРНАКА

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу функционального взаимовлияния устоявшихся лингвокультурологических норм и прецедентности в поэзии М.И. Цветаевой и Б.Л. Пастернака. Прецедентные феномены рассматриваются как культурное явление, находящее отражение в дискурсе поэтов Серебряного века. В работе проводится анализ обогащения прецедентности путем обращения поэтов к фольклорным, библейским и евангельским мотивам.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентный текст, прецедентная ситуация, идиостиль, поэтический дискурс, М.И. Цветаева, Б.Л. Пастернак.

Summary. This study is devoted to the analysis of the functional interaction of established linguistic and cultural norms and precedent in the poetry of M.I. Tsvetaeva and B.L. Pasternak. Precedent phenomena are considered as a cultural phenomenon reflected in the discourse of poets of the Silver Age. The paper analyzes the enrichment of precedent by referring poets to folklore, biblical and evangelical motifs.

Keywords: precedent phenomenon, precedent name, precedent statement, precedent text, precedent situation, idiosyncrasy, poetic discourse, M.I. Tsvetaeva, B.L. Pasternak.

Прецедентность является неизменным объектом внимания специалистов в области лингвистического текста. «В настоящее время она рассматривается как составляющая медийного и рекламного дискурса, но не утрачивает своей актуальности и в плоскости художественного текста на фоне динамичного развития теории атрибуции авторского текста, активной разработки методов анализа текстов, создаваемых на пересечении различных дискурсов» [Воронцова 2020: 124].

Прецедентность, определяемая Ю.Н. Карауловым как «известность, хрестоматийность, востребованность, значимость, эмоциональная и познавательная ценность, реинтерпретируемость» [Караулов 2003: 217], имеющая формальное воплощение в тексте в виде определенных слов (реалий, имен), устойчивых выражений (фразеологических единиц, афоризмов, цитат и пр.), может рассматриваться как маркер авторского стиля, образующий его доминанту. Одним из способов обогащения за счет прецедентных текстов является обращение к фольклорным мотивам, которые придают глубину и многозначность произведениям.

М.И. Цветаева не прошла в своем творчестве мимо «сокровищницы русского фольклора» [Коркина 1987: 161].

Обращение к народным истокам и к фольклору ознаменовано в творчестве М.И. Цветаевой 20-ми годами прошлого века. В это время она пишет фольклорные поэмы «Царь-Девница», «На красном коне», «Молодец». «Обращение Цветаевой к фольклору было началом преодоления лирической уединенности ее первых трех книг. Главным же психологическим импульсом к преодолению лирической замкнутости была для Цветаевой поездка в Петроград в декабре 1915 – январе 1916 г. Важнейшим итогом поездки было осознание себя русским поэтом со своим голосом и темой» – пишет Е.Б. Коркина [Коркина 1987: 161].

Отметим, что поэт, обретая собственный поэтический голос, не стилизует фольклор, а выражает свои собственные представления о мире посредством обращения к фольклорной традиции. Так и возникает феномен прецедентности в творчестве М.И. Цветаевой.

Поэт активно прибегает в своем творчестве к сюжетам русских народных сказок, собранных А.Н. Афанасьевым. Сказки «Царь-Девница», «Упырь» становятся для поэта прецедентными. Однако М.И. Цветаева целенаправленно сохраняет основные фабульные звенья источников, оставляя ключевой схемой любовь земного и смертного существа к неземному и бессмертному, схемы разлуки окончательного воссоединения. Иногда М.И. Цветаева дословно цитирует слова героев, чьи образы закладывает в своих произведениях, но переосмысляя мотивы их действий. Трансформации и авторской переоценке подвергаются не только герои, но и фольклорные мотивы в целом. В художественной системе М.И. Цветаевой смерть – чаще всего, и есть счастливый конец, являющийся обязательным фабульным элементом для волшебной сказки. Причиной смерти является нищета, голод, прозябание: *«Царь, залечивай / Раны-немощи! / Есть нам нечего, / Пить нам не на што! / Свиным месиво – / Вот обед наш весь! / Гниль да с плесенью – / Вот и век наш весь!»* («Царь-Девница»), *«В царстве небесном/Девки – все русы! / Спишь ли, невеста?! Спишь ли, Маруся? / В царстве небесном / Овцы – все целы! / Спи, моя белая! / Больно не сделаю!»* («Молодец»).

В творческом дискурсе М.И. Цветаевой встречаем также трансформации народной поэтической традиции. Это достигается путем видоизменения уже устоявшихся фраз и выражений, но, что интересно, смысл сохраняется. Данный феномен обуславливается индивидуально-авторским видением картины мира, а также может быть истолкован как игра слов.

У М.И. Цветаевой встречаем следующие строки: *«Всех живучей и живее / К пушкинскому юбилею / Тоже речь произнесем: / Всех румяней и смуглее / До сих пор на свете всем, / Всех живучей и живее! / Пушкин – в роли мавзолея?»* («Бич жандармов, бог студентов...»). Для начала отметим, что

обращение к творчеству А.С. Пушкина, в частности к его сказкам – это ни что иное, как следование фольклорным традициям.

А.С. Пушкин – создатель сказок, сложенных по образцу народных. Эта черта, несомненно, восхищала М.И. Цветаеву. Отсюда в дискурсе поэта наблюдаем стремление переосмыслить и пушкинские сказки, и народные. М.И. Цветаева прибегает к поэтической трансформации. Вместо всеми привычной фразы *«Всех румяней и белее»*, ставшей уже прецедентной, она использует *«Всех живучей и живее»*.

Само имя А.С. Пушкина – это прецедентное имя в творчестве М.И. Цветаевой, которое ложится в основу целого цикла стихотворений *«Стихи к Пушкину»*. Для Цветаевой Пушкин – мерило всего человеческого. Он есть мир, гармония, история и память. Несмотря на то что мифологических или фольклорных параллелей к образу А.С. Пушкина у М.И. Цветаевой не возникает, имя Александра Сергеевича в концептосфере цветаевской лирики можем рассматривать как прецедентное, означающее сам миф, высшую точку сплетения всех реалий и метафор. И если говорить, чем представлялся Пушкин для Цветаевой, то, безусловно, он для нее явился бы Медным Всадником: *«Поскакал бы, Всадник Медный, / Он со всех копыт – назад. / Трусоват был Ваня бедный, / Ну, а он – не трусоват»* («Бич жандармов, бог студентов...»).

Обращение к прецедентным текстам фольклорных мотивов обуславливается в творческом дискурсе М.И. Цветаевой целью сделать свое творчество безграничным. Это способствует отражению в поэзии чувств, эмоций и настроений, которые доступны эмоциональной природе человека.

Еще одним поэтом, чье творчество пронизано фольклорными мотивами, является Б.Л. Пастернак. Известно, что при написании романа *«Доктор Живаго»* (далее речь пойдет о *«Стихотворениях Юрия Живаго»*), поэт широко пользовался фольклорными источниками.

Стихотворение, название которого уже говорит об отнесенности к фольклорным мотивам – *«Сказка»*. Целесообразно говорить о взаимодействии сюжетных архетипов (сказочного и былинного). Традиционный сказочный мотив оказывается трансформированным. Лирический герой не поддается влиянию внутреннего голоса: *«Ныло ретивое, / На сердце скребло: / Бойся водопоя, / Подтяни седло. / Не послушал конный / И во весь опор / Залетел с разгону / На лесной бугор»* [Пастернак 2023: 605].

Особенно ярко талант М.И. Цветаевой и Б.Л. Пастернака проявляется в использовании фразеологических единиц (ФЕ), которые придают образность и уникальность их творчеству. Далее будем рассматривать ФЕ и прецедентные тексты и выражения библейского происхождения.

Специфика прецедента в поэтическом дискурсе М.И. Цветаевой и Б.Л. Пастернака заключается в особой функциональной нагрузке и семанти-

ческом наполнении. Большинство ФЕ библейского происхождения выступают в поэтике художественного текста прецедентными высказываниями.

Упоминания в поэтических текстах М.И. Цветаевой названий праздников делает лирическое произведение особо маркированным. Прецедентные ситуации, «некие эталонные, идеальные ситуации с определенными коннотациями» [Прохоров 2004: 104], также могут быть рассмотрены как прецедентные ситуации библейского происхождения. Одним из излюбленных православных праздников М.И. Цветаевой, ставшим в поэтическом дискурсе писателя прецедентным, является Благовещение: *«В день Благовещенья / Руки раскрещены, / Цветок полит чахнувший, / Окна настезь распахнуты, –/ Благовещенье, праздник мой!»* («В день Благовещенья...»). Крещение для М.И. Цветаевой – настоящее таинство. Главное для поэта – вызвать в сознании читателя ассоциации, возобновить воспоминания: *«...на вечный пыл / В печи смоляной поэтовой/ Крестил – кто меня крестил / Водой неподогретую...»* («Крестины»).

Б.Л. Пастернак – поэт, который также не прошел мимо библейских мотивов в своем творчестве. Цикл Юрия Живаго открывается стихотворением «Гамлет», уже в названии которого использовано прецедентное имя, которое И.И. Чумак-Жунь называет «величайшем культурным символом» [Чумак-Жунь 2006: 55]. На примере образа Гамлета Б.Л. Пастернак развивает мысль о роковой предопределенности человеческой судьбы: *«Но продуман распорядок действий, / И неотвратим конец пути. / Я один, все тонет в фарисействе. / Жизнь прожить – не поле перейти»* [Пастернак 2023: 594].

В романе Б.Л. Пастернака, как было уже отмечено, присутствует христианский подтекст. Но это христианство не в каноническом его воплощении, и не все стихотворения связаны с этой темой. Героя романа трудно назвать человеком, страстно ищущим Бога, а его смерть, лишенную какого-либо возвышенно-символического описания, – окончанием некоей миссии. Это связано с переосмыслением Б.Л. Пастернаком евангельских сюжетов.

Христос в «Стихотворениях Юрия Живаго» – прецедентное имя. Читатель, зная историю Христа, не нуждается в чрезмерной описательности тех или иных сцен, что делает поэтические тексты писателя содержательными, но не громоздкими. В «Дурных днях» нет описания конкретных сцен пребывания Христа в Иерусалиме, однако у читателя возникает трагическое ощущение приближающейся катастрофы: *«А дни все грозней и суровей, / Любовью не тронуть сердец...»* [Пастернак 2023: 619]. И.И. Чумак-Жунь в работе «Культурный контекст и интерпретация поэтического текста (на материале стихотворения Б. Пастернака «Гамлет»)» отмечает, что «Имя Христос всегда и для всех сохраняло положительную оценку. Любовь к

Христу – это русская любовь-жалость, чувство, вполне соответствующее представлениям, стоящим за этим именем, – “страдание за смерть и за людей”. Таким образом, Христос русскому читателю гораздо ближе Гамлета» [Чумак-Жунь 2006: 55].

Еще одно прецедентное имя в цикле – Магдалина. Ее образ отражает чувственное, эмоциональное переживание смерти Христа. «Магдалина I» и «Магдалина II» изображают страдания евангельской блудницы, которая символизирует и образ кающегося человечества. В Евангелии она является одной из немногих грешниц, вставших на путь истинный. Б.Л. Пастернак не переосмысляет этот сюжет, не пытается добавить авторских отступлений. Для Б.Л. Пастернака становится важным донести мысль о том, что ситуация, в которой оказывается грешница, отражает Христову милость: *«Брошусь на землю у ног распятыя, / Обомру и закушу уста. / Слишком многим руки для объятья / Ты раскинешь по концам креста...»* («Магдалина II») [Пастернак 2023: 621].

Творчество М.И. Цветаевой и Б.Л. Пастернака отражает глубоко личное, субъективное восприятие окружающей действительности, истории и искусства. Уникальность и своеобразие цветаевской и пастернаковской поэтики во многом объясняются стремлением проникнуть в «самую суть» вещей и явлений, вступить в диалог не только с читателем, но и с культурой в целом. Благодаря прецедентным феноменам, репрезентирующим концептосферу писателей, этого удастся достичь.

❖ Список литературы

1. Воронцова И.А. Прецедентность как маркер авторского стиля // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 2 (21). – С. 123-127.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.
3. Коркина Е.Б. Лирический сюжет в фольклорных поэмах М.И. Цветаевой // Русская литература. – 1987. – № 4. – С. 161-168.
4. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. – Москва : Эскимо, 2023. – 624 с.
5. Прохоров Ю.В. Действительность. Текст. Дискурс. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – 224 с.
6. Чумак-Жунь И.И. Культурный контекст и интерпретация поэтического текста (на материале стихотворения Б. Пастернака «Гамлет») // Русский язык в школе. – 2006. – № 2. – С. 54-58.

Гречишена А.И.,
студент, ОГАПОУ «БПК», г. Белгород;
науч. рук. – Свеженцева Л.Л.,
преподаватель, ОГАПОУ «БПК», г. Белгород

ПИСАТЕЛЬСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В САТИРИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ЗОЩЕНКО

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики писательского стиля Михаила Зощенко и проблемам его лексикографического описания. Рассматривается взаимосвязь между текстом словаря, теоретическими принципами построения, и словарём текста, репрезентирующим языковое богатство и идиостиль писателя. Особое внимание уделяется анализу характерных для Зощенко лексических единиц, приемов комического, идиоматики, просторечия и влиянию этих языковых средств на создание уникального образа повествователя и персонажей.

Ключевые слова: писательская лексикография, словарь языка Зощенко, Михаил Зощенко, идиостиль, комическое, просторечие, лексикографический анализ, словарная статья, языковая игра.

Summary. The article is devoted to the analysis of the specifics of Mikhail Zoshchenko's writing style and the problems of its lexicographic description. The article examines the relationship between the text of the dictionary, the theoretical principles of construction, and the dictionary of the text, representing the linguistic richness and idiosyncrasy of the writer. Special attention is paid to the analysis of lexical units characteristic of Zoshchenko, comic, idiomatic, colloquial techniques and the influence of these linguistic means on the creation of a unique image of the narrator and characters.

Keywords: literary lexicography, dictionary of the Zoshchenko language, Mikhail Zoshchenko, idiosyncrasy, comic, vernacular, lexicographic analysis, dictionary entry, language game.

На основе толкового словаря Владимира Ивановича Даля определение «писательская лексикография» представляет раздел языкознания, занимающейся теорией и практикой составления словарей, который требует глубокого понимания специфики писательского творчества. Также может быть охарактеризована, как область знаний, занимающаяся систематизацией и анализом лексического состава текстов, созданных писателями, а также разработкой словарей, которые отражают уникальные языковые и стилистические особенности этих текстов. Важно отметить, что писательская лексикография не ограничивается только составлением словарей, но и включает в себя исследование языковых явлений, используемых авторами для создания художественных произведений, а также анализ влияния этих явлений на восприятие текста читателем [Даль 2016: 32].

В рамках писательской лексикографии особое внимание уделяется индивидуальному языковому стилю каждого автора, который формируется под влиянием множества факторов, включая культурные, исторические и личные обстоятельства. Писательская лексикография стремится выявить и описать лексические особенности, характерные для определённого автора или литературного направления, а также проследить, как эти особенности эволюционируют на протяжении времени. В этом контексте важным аспектом является изучение не только отдельных слов и их значений, но и контекста, в котором они употребляются, что позволяет глубже понять замысел автора и его художественные приёмы [Байрамукова 2011: 90].

Для подробного изучения лексикографии мы решили выделить одного из ярчайших представителей сатирического жанра – Михаила Михайловича Зощенко. Его творчество, пронизанное остроумной и язвительной сатирой, отражает не только индивидуальные переживания автора, но и общественные реалии, с которыми он сталкивался на протяжении своей жизни. В этом контексте писательская лексикография, как важный инструмент анализа языка и стиля, позволяет глубже понять механизмы воздействия сатиры на читателя и выявить особенности авторского лексикона, который формировался под влиянием времени и обстоятельств.

В ходе анализа были подробно изучены рассказы Михаила Михайловича Зощенко тридцатых и сороковых годов. Прежде чем мы перейдём к изучению лексикографии в его произведениях, хочется обозначить автора как последователя неувядаемой традиции классической русской сатиры, где смех никогда не был смехом стороннего, где за внешней весёлой формой всегда стояло идущее от сердечной боли гражданское содержание, наполненное исключительным словарём для ознакомления с различными лексическими темами [Зощенко 2014: 5].

При толковании лексического значения словаря, употребляемого автором, мы опирались на словарь Владимира Ивановича Даля, помогающий увидеть, как этот великий лексикограф запечатлел в своих определениях дух и слог, которые Зощенко затем, с присущим ему сатирическим талантом, препарировал и переосмыслил. Даль, фиксируя народную речь, заложил основы для понимания не только самого слова, но и контекста, в котором оно бытовало. Именно этот контекст – исторический, социальный, культурный – и использовал Зощенко для создания своих незабываемых образов. В словаре Даля мы находим, например, определение слова «образованный»: ‘получивший образование, имеющий разносторонние знания’. А у Зощенко – это часто человек, лишь формально следующий новым стандартам, выучивший

клишированные фразы, но не понимающий их сути. Так, через сопоставление с Далем, мы видим, как Михаил Зощенко высмеивает лицемерие и поверхностность, ставшие частью нового советского быта. Словарь Даля, таким образом, становится не просто источником информации о значении слов, а ключом к пониманию того, как Зощенко видел и изображал мир. Он позволяет нам оценить глубину его сатиры, его мастерство в использовании языковой игры и его вклад в формирование особого, узнаваемого идиостиля, который навсегда останется в истории русской литературы. Именно эта работа со словом, опирающаяся на народную традицию, зафиксированную Далем, сделала Зощенко классиком, чьи произведения и сегодня продолжают смешить и заставлять задуматься [Белякова 2008: 170].

В творчестве Михаила Зощенко лексикография проявляется особенно ярко в использовании советских историзмов. Писатель не только фиксировал лексику новой эпохи, но и использовал её как инструмент для сатиры и создания комического эффекта. В ходе анализа мы отобрали слова, наиболее полно передающие реалии 30-40 годов XX века:

Так в рассказе «Король золота» автор упоминает следующее: «И сам в начале *нэпа* занимался разными коммерческими операциями». НЭП – новая экономическая политика, которую организовывала коммунистическая партия Советского государства в 1920-е годы. Это показывает определённый этап развития в стране.

В рассказе «Испытание героев» 1933 года: «*Но, между прочим пришлось мне поработать и на этом чернильном фронте*». Это переносное, метафорическое выражение, которое обозначает совокупность писателей, журналистов, издателей и других деятелей, работающих в области литературы, которые используют свои произведения для пропаганды, агитации или борьбы с идейными противниками. Выражение связано с тем, что перо и чернила (или их современные эквиваленты) являются основными инструментами работы этих людей. «Фронт» подразумевает организованную деятельность, направленную на достижение определенных идеологических целей, ведущееся с помощью слов и текстов.

В произведении «Врачевание и психика» у Зощенко встречается понятие *буржуазный базис* – это, скорее всего, ироничный взгляд на советскую действительность, где формально капиталистическая частная собственность была уничтожена, но, по мнению писателя, оставались пережитки буржуазного сознания, морали и поведения. Автор подчёркивает разрыв между пропагандируемыми идеалами коллективизма, самоотверженности и реальным поведением людей. «Буржуазный базис», по его мнению,

проявляется в бытовых ситуациях, в отношениях между людьми, в стремлении к личному благополучию даже в ущерб общему. Это создаёт комический, но вместе с тем и критический эффект.

В рассказе «Западня» упоминается *Аттила* – это личность, которая была предводителем гуннов, совершившим в V веке опустошительные набеги на Европу. В контексте стихотворения, упоминание Аттилы означает, что разрушения и грязь настолько велики, словно после вторжения гуннов во главе с Аттилой. Это метафора для подчеркивания крайней степени беспорядка и разрухи, что соответствует содержанию рассказа.

В рассказе «Грустные глаза»: *«Ох, он очень возмутился, начал швыряться вещами, кричать и срамить меня за излишнюю склонность к грубому материализму»*. Означает философское направление, утверждающее, в противоположность идеализму, первичность материи и вторичность сознания, материальность мира, независимость его существования от сознания людей и его познаваемость. Персонаж, которого обвиняют, слишком много внимания уделяет деньгам, имуществу, комфорту и другим материальным аспектам жизни, ставя их выше духовных или моральных ценностей.

В рассказе «Новые времена»: *«Только прошу не делать выводы до самого конца рассказа, потому что, если вы плохо подкованы насчёт философии, то вполне можете сбиться в своей доморощённой диалектике»* – это сатирическое изображение неумелого, формального и лицемерного применения диалектического метода. Она служит для критики некомпетентности, бюрократии и приспособленчества, демонстрируя несоответствие между словом и делом, между риторикой и реальностью. Это показывает, как даже сложные философские понятия могут быть искажены и использованы для оправдания любых действий.

Таким образом, лексикография эпохи становится для Михаила Зощенко не просто объектом изучения, а средством для критического осмысления советской действительности и создания уникального сатирического стиля. Таким образом, изучение лексикографии и сатирической публицистики Зощенко открывает перед нами новые горизонты понимания не только его творчества, но и общества, в котором он жил и работал. Его наследие продолжает вдохновлять новые поколения писателей и читателей, побуждая их к размышлениям о важности слова и его влиянии на общество. В конечном итоге, творчество Михаила Зощенко – это не только литературное явление, но и важный культурный феномен, который продолжает жить и развиваться в современном мире, напоминая нам о том, что смех и сатира могут быть мощными инструментами в борьбе за лучшее будущее.

❖ **Список литературы**

1. Брагина Н.Г. Владимир Даль. Автор самого популярного словаря. – Москва : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 32 с.
2. Зощенко М.М. Собрание сочинений: в 4 томе: Рассказы: тридцатые и сороковые годы; Комедии. – Москва : Престиж Бук, 2014. – 560 с.
3. Байрамукова А.И. Корреляция писательской и лексикографической деятельности В.И. Даля в контексте лексикографической работы писателей XVIII-XIX веков // Вестник Ленинградского государственного университета им. АС Пушкина. – 2011. – Т. 1. – №. 3. – С. 81-91.
4. Белякова И.Ю. Русскоязычная авторская лексикография: история, типология, современный этап развития // Преподаватель XXI век. – 2008. – №. 4. – С. 167-175.
5. Григорьева Е.М., Карпова О.М. Словари языка писателей в учебном процессе (На материале словарей языка Дж. Толкина) // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. – 2019. – №. 15. – С. 156-163. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39385749>

Губина Д.А.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород;
науч. рук. – Ширина Е.А.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В СКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ В.И. ДАЛЯ И СЛАВЯНСКИХ ФЭНТЕЗИ

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ демонологических персонажей в сказках В.И. Даля и в современных произведениях жанра славянской фэнтези с их характеристикой в трудах А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Рассмотрены вопросы наименования демонологических персонажей, их внешности, способностей. Работа может быть интересна студентам и школьникам, которым стремятся расширить представления о вкладе В.И. Даля в русскую литературу, а также лучше понять фольклорную составляющую текстов современной славянской фэнтези.

Ключевые слова: В.И. Даль, А.Н. Афанасьев, «Поэтические воззрения славян на природу», демонологические персонажи, фольклор, славянская фэнтези.

Summary. In this article, the authors conduct a comparative analysis of the demonological characters in V.I. Dahl's fairy tales and in modern works of the Slavic fantasy genre with their characteristics in the works of A.N. Afanasyev «Poetic views of the Slavs on nature». The issues of naming demonological characters, their appearance, and abilities are considered. This article may be of interest to students and schoolchildren who seek to expand their understanding of V.I. Dahl's contribution to Russian literature, as well as to better understand the folklore component of the texts of modern Slavic fantasy.

Keywords: V.I. Dahl, A.N. Afanasyev, Poetic views of the Slavs on nature, demonological characters, folklore, Slavic fantasy.

В.И. Даль – автор очерков, популярных сказок и текстов, близких к устно-поэтической несказочной прозе, опубликованных в 1830-е годы под псевдонимом Казак Луганский. В произведениях В.И. Даля, как и в русском фольклоре, часто присутствуют демонологические персонажи. Известным исследователем в области фольклора является А.Н. Афанасьев (1826-1871) и его труд по славянской мифологии «Поэтические воззрения славян на природу» (1865-1869). В.И. Даль и А.Н. Афанасьев были знакомы, занимались одним делом – собиранием и изданием фольклора, более того, В.И. Даль передал А.Н. Афанасьеву около тысячи собранных им сказок, легенд, преданий и быличек.

Интерес к славянскому фэнтези в современной литературе неуклонно растёт. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, жанр предлагает уникальную альтернативу западным стандартам фэнтези-литературы, опираясь на богатый пласт славянской мифологии, фольклора и истории. Во-вторых, в условиях современного поиска национальной идентичности наблюдается повышенный интерес к произведениям, вдохновлённым

русской историей и культурой. В-третьих, славянская фэнтези предоставляет широкое поле для литературных исследований, касающихся поэтики жанра, трансформации фольклорных образов и читательской рецепции.

Исследование жанра фэнтези в целом и славянской фэнтези в частности представляет широкие исследовательские возможности, так как тема недостаточно разработана. Стоит отметить ряд литературоведческих статей таких авторов, как М.П. Абашева, которая писала об истоках жанра славянской фэнтези, Т.И. Хоруженко, рассматривающая общие особенности жанра фэнтези и его связь с мифологией. Об этом также писала Т.В. Гайдук в статье «Жанр фэнтези и его связи с мифологией», К.Э. Солдатова и Е.А. Ширина. Пользуются авторитетом исследования Е.А. Сафрон, занимающейся классификацией славянской фэнтези, а также Е.Ю. Дворак, обращающей внимание на детское фэнтези. Среди зарубежных авторов можно отметить работы Дж. Кэмпбелла «Мифы, в которых нам жить», «Тысячеликий герой».

Анализу художественных текстов В. И. Даля посвящено не так много работ, как следовало бы. Примечательно, что статья С.В. Путилиной 2008 года называется «В.И. Даль как литератор: к постановке проблемы», то есть автор определяет подступы к изучению прозы В.И. Даля, хотя есть работы Ю.П. Фесенко о его творческой эволюции. Диссертация О.В. Опря «Фольклорные традиции в творчестве В.И. Даля» посвящена проблеме типологии фольклоризма. Целью нашей работы является сопоставление образов демонологических персонажей в работах А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», текстах В.И. Даля «Сказка о бедном Кузе Бесталанной Голове и о перемётчике Будунтае», «Упырь. Украинское предание», «Червенорусские предания» и в творчестве современных авторов славянской фэнтези (серия книг Д. Емца «Таня Гроттер» и роман А. Рубанова «Финист – ясный сокол»).

Для характеристики персонажа, причастного к магии, важно обратить внимание на наименование персонажа, его способности, а также способы борьбы с ним.

Прежде всего обратимся к ведьмам и рассмотрим их наименование: «Ведун и ведьма (ведунья, вещича) от корня ‘вед’, ‘вещ’, ...означают вещих людей, наделённых духом предвидения и пророчества, поэтическим даром и искусством целить болезни» [Афанасьев 2024: 325]. В различных регионах существовало несколько синонимичных обозначений для ведунов и ведьм, например, колдуны, чародеи, кудесник, волхвы, вещие жёнки, колдуньи, чаровницы, бабы-кудесницы и волхвистки [Афанасьев 2024: 325-326].

Кроме способностей ведовства и целительства в трудах А.Н. Афанасьева находим упоминания ещё нескольких демонологических способностей ведьм:

полёт по воздуху; доение коров и похищение таким образом у них молока (сюда же можно отнести и их способность портить посевы на полях); наведение порчи, болезней на людей и на животных, в том числе массовых, таких, как чума: «Колдуны и ведьмы могут причинить недуги прикосновением, дыханием, словом, взглядом и самою мыслию; в них все исполнено губительной чародейной силы!» [Афанасьев 2024: 395]; предсказания и предвидения; управление погодой, призывание грозы либо засухи.

Теперь обратимся к анализируемым произведениям и сравним способности ведьм в них. В сказках В.И. Даля образ ведуна представлен в двух произведениях: «Червеннорусские предания» и «Сказка о бедном Кузе Бесталанной Голове и о переметчике Будунтае». В предании есть чародей, которого также называют сонливый Баняк. О его внешности сказано: «О ту же пору властвовал по соседству какой-то сильный и страшный владетель, бывший, сверх того, ещё чародеем» [Даль 2009: 94], «получил прозвание сонливого Баняка» [Даль 2009: 95], «Баняк-сонливый был человек самовластный, самовольный и свирепый: все должно было ему покорствоваться» [там же]; «никто и даже ничто не переносило его взгляда; он побеждал и разрушал глазами все, на что бы ни обращал взор» [Даль 2009: 96]; «веки у чародея этого всегда были сомкнуты» [там же].

Второй персонаж В.И. Даля, наделённый магическими способностями, – это перемётчик Будунтай – имя собственное, по типу человеческого, а перемётчик – определение, указывающее на способность переменяться. Превращение или оборотничество А.Н. Афанасьев определяет как одну из способностей ведьм и колдунов. Приемы превращений ведьм и колдунов в оборотней сходны со средствами, с помощью которых они обращают простых людей. А.Н. Афанасьев выделяет следующие приемы превращения: «набрасывание звериной шкуры» [Афанасьев 2024: 416]; навязывание «волшебной наузы» [Афанасьев 2024: 417] – специального заколдованного пояса или ремня, который повязывают на человека; удар волшебного прута, иногда такой удар заменяется ударом о землю, о чем часто говорится в русских народных сказках: «молодец ударился о землю и оборотился собакою» [Афанасьев 2024: 419]; переворот, в некоторых вариантах – переворот через нож или несколько ножей.

Теперь рассмотрим характеристику героя «Сказки о бедном Кузе Бесталанной Голове и о перемётчике Будунтае» В.И. Даля. Способы превращения у В.И. Даля: силой мысли, удар об землю: «... видя, что лютый барс его нагоняет, ударился об землю, перекинулся белым кречетом ...» [Даль 1902: 29]. Персонаж может превращаться в коня, барса, кречета, сороку, беркута, пескаря, щуку, гуся, столб, камень, раскалённые орешки, колечко.

Одним из важнейших факторов в описании нечистой силы являются средства борьбы с ней А.Н. Афанасьев указывает на борьбу с ведьмами и на способы предотвращения их злого колдовства, порчи. Так, он выделяет железные ножи и кочерги, также железные, которые могут преградить путь ведьме или колдуну. «Другие символы молнии: верба, осиновый кол, папоротник и плакун-трава – также предотвращают от человека и домашних животных пагубные замыслы ведунов и ведьм» [Афанасьев 2024: 378].

У В.И. Даля такой фактор один: «...можно пригвоздить к месту и покорить себе на живот и на смерть, коли приколоть булавкой тень его к земле либо к стене...» [Даль 1902: 27].

Ещё одна характеристика персонажа, на которую не обращает внимание Афанасьев, но не может упустить лингвист Даль, – особенности речи. Его герой – колдун-перемётчик говорит по-особенному, не так, как другие люди, здесь Даль показывает своё лингвистическое мастерство и использует диалектизмы разных областей (оренбургской, костромской, вятской и др.), демонстрируя отсутствие у героя локальной привязки.

В серии книг «Таня Гроттер» *ведьмы* представлены несколькими образами. Во-первых, это Грызиана Припятская – ведущая телеэфира, которая напрямую называется ведьмой. Это несимпатичная пожилая женщина со скверным характером, склонная к ехидству и, скорее всего, к неприятным поступкам. Как и В.И. Даль, Д. Емец обращает внимание на речевую характеристику персонажа: отрицательные приставки, упоминание сглазов и интриг, специфические слова, например, *проклятики*, создают необычный запоминающийся образ. Во-вторых, ведьмой является Ягге. Здесь обратим внимание на черты, свойственные ведьмам: она является целительницей в школе волшебников, её напрямую называют ведьмой персонажи книг в одном из диалогов. В-третьих, самый большой и самый сложный для анализа пласт персонажей – это чародеи, обитающие на острове Буяне. Автор текстов терминологически определяет их как магов и волшебников, а не как ведунов и ведьм.

Теперь рассмотрим образ *ведьмы* у А. Рубанова. Здесь ведьма изображена как безобразная старуха. Одной из главных способностей Язвы является умение наводить морок. Часто даются указания на её перемещения в пространстве, что можно трактовать как отсылку к полётам ведьм в народных верованиях [Рубанов 2023: 233-237, 266].

Таким образом, мы видим, что характеристики образа, представленного в народных верованиях единым существом, в художественных произведениях могут распределяться между несколькими персонажами, как у В.И. Даля, так и в современных славянских фэнтези, где эта тенденция становится ещё заметнее. Кроме того, образы ведьм часто ассоциируются с образом Бабы Яги.

Если у А.Н. Афанасьева и В.И. Даля ведьмы и колдуны чаще всего выступают в качестве злодеев, то в современных романах они могут выполнять самые разнообразные функции: могут выступать в роли волшебных помощников (Ягге и Язва), в роли вредителей (Грызиана Припятская) и в роли главных героев, если рассматривать магов, населяющих миры Д. Емца, как вариацию типа ведьмы. Образ ведьмы очень разнообразен и создаёт большой простор для трактовки его в современных литературных произведениях.

Демонологические персонажи, которые наиболее тесно связаны с ведьмами и магией, – это *оборотни и вампиры*. Как было сказано выше, А.Н. Афанасьев напрямую связывает оборотничество с ведьмами, вернее, рассматривает его как одну из их способностей. Однако в художественной литературе обычно это разные персонажи. Обратимся к интерпретации образа *оборотня* в романах Д. Емца. В повествовании читатель ближе всего знакомится с образом оборотня Халявия – брата одного из героев – Германа Дурнева – дяди Тани Гроттер. Единственная одежда новоприбывшего гостя – это волчья шкура, что, по А.Н. Афанасьеву, является одним из способов превращения (накидывание звериной шкуры), также он обращается с помощью кувырка через нож. К другим его характеристикам можно отнести гибкость и ловкость: «но оборотень обладал почти феноменальной гибкостью» [Емец 2012: 173]; волчий запах, который отпугивает животных. Здесь оборотень выступает в роли типичного литературного героя – он обладает собственным характером, не связанным с народными мифологическими представлениями, индивидуальной внешностью, речевой манерой (он использует множество просторечных слов: *то ись, здесь, тута, энтот, хучь, туточки, дык, жись, этак*; разговорную лексику: *дребезнёт, шантропа, пардоньте, подыхай*; уменьшительно-ласкательные обращения: *братик, мамаша, кровиночка, родненькие*; и даже диалектный постфикс *-то*: *иная-то, Пруха-то*). Так автор создаёт необычный и запоминающийся образ. В пятой книге «Таня Гроттер и посох волхвов» Халявий выступает катализатором главного конфликта книги – он ворует посох, сделанный из мирового древа, из-за чего древние боги гnevаются и грозят разрушить весь мир. По В.Я. Проппу, таким образом персонаж нарушает запрет и помогает завязаться основному сюжету [Пропп 2021: 37-38]. В дальнейшем он выступает как волшебный помощник.

Образы оборотней у А. Рубанова гораздо сложнее и отдалённее от народных поэтических воззрений, изложенных А.Н. Афанасьевым. *Оборотни* у А. Рубанова не перевоплощаются в животных в прямом смысле, они лишь обладают способностью летать. Именно за эту способность они получили название птичеловеки. Однако у этих существ принято называться какой-либо птицей. Все оборотни имеют общие черты внешности – это высокий рост,

хорошо развитое тело и бронзовая кожа. Способности героев к полёту автор старается объяснить научно-фантастически. Оборотни у А. Рубанова – это целые племена, научившиеся поглощать и аккумулировать энергию солнца и превращать её в силу полёта. Кроме полёта оборотни А. Рубанова имеют ещё одну сверхспособность – это оглушительный свист. Таким образом, можно сказать, что оборотни в романе «Финист – ясный сокол» имеют мало общего с оборотнями из народных представлений, описанных А.Н. Афанасьевым. Они являются ярким примером авторской переработки исходного материала.

Последний демонологический персонаж, к которому мы обратимся в нашей работе, – это – *вампир* или *упырь*. У А.Н. Афанасьева эти наименования выступают синонимами. По преданиям, упыри – это «мертвецы, бывшие при жизни своей колдунами, вовкулаками и вообще людьми, отверженными церковью, каковы: самоубийцы, опойцы, еретики, богоотступники и проклятые родителями» [Афанасьев 2024: 420]. Способы борьбы с упырями А.Н. Афанасьев фиксирует следующие: предрассветный крик петухов, осиновый кол, христианский крест.

У А. Рубанова упоминаются *упыри*, которые встают из могил, однако автор ничего не говорит о высасывании крови из людей. О том, что упырями становятся именно колдуны или ведьмы, тоже ничего не сказано, скорее можно сделать вывод, что это люди, которые были обмануты при жизни и имеют обиду на кого-то либо погибли насильственно.

У В.И. Даля мы также встречаем *упыря* в следующем произведении: «Упырь. Украинское предание». Здесь упырь предстает в образе пригожего молодца: «...собой пригож, и одет так чисто и хорошо, как у самых богатых казаков редко дети одеваются» [Даль 2009: 141]. Даль указывает на такие его способности: «...он встает из могилы, морит и ест людей...» [Даль 2009: 145], «будто видела она (Маруся), что делалось под землёй, в могиле, и будто милый её, страшно сказать, грыз там покойника» [Даль 2009: 146]. По Далю, восход солнца для упыря смертелен, мы видим, что он приходит в деревню во время «вечерицы» (после заката) и опасается солнечного света.

У Д. Емца вампиры и упыри – существа различающиеся. Упыри в серии фэнтези называются также мертвяками, и это слово достаточно точно определяет его суть: это ожившие мертвецы, вылезающие по ночам из своих могил, что соответствует народным представлениям о них. Вампир в романах представлен в двух вариантах – Герман Дурнев и Малюта Скуратофф – его соперник. Среди способностей вампиров нами были отмечены большая физическая сила; чтение мыслей; способность видеть в темноте и ощущать тепло; Герман Дурнев получает также наследные регалии графа Дракулы – сапоги, корону и шпагу – и с их помощью может вселять страх в сердца простых людей.

И в романах Д. Емца, и в произведении А. Рубанова вампиры или упыри выступают антагонистами героев, в творчестве Д. Емца они входят в систему образов героев, выступая противниками магов, развязывая с ними битву. У А. Рубанова же они представляют обезличенное обобщённое зло, что ближе к народным представлениям, описанным А.Н. Афанасьевым.

Таким образом, в литературных произведениях, начиная с текстов В.И. Даля, свойства ведьм, оборотней и вампиров часто разделяются между несколькими образами. Так, у В.И. Даля, синонимичные, по А.Н. Афанасьеву, персонажи колдун и чародей получают разные способности, ведьмы у Д. Емца и А. Рубанова делят способность к превращению в зверя с оборотнями, вампиры и упыри в современных романах представлены как разные существа, хотя по народным преданиям эти наименования синонимичны и обозначают восставшего из могилы колдуна. В современных славянских фэнтези отличий от народно-поэтических представлений о ведьмах и упырях, в сравнении с текстами В.И. Даля, гораздо больше и часто авторы оставляют одно название персонажей, полностью меняя их суть, как, например, оборотни у А. Рубанова представляют собой яркий пример авторской интерпретации исходного образа. Следовательно, можно констатировать наличие тенденции к расщеплению фольклорных демонологических персонажей авторами современных фэнтези.

❖ Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. – Москва : МИФ, 2024. – Т. 3. – 487 с.
2. Даль В.И. Русские сказки для детей / [Соч.] Казака Луганского Владимира Даля. – Санкт-Петербург ; Москва : изд-во М.О. Вольф, 1902 (Санкт-Петербург). – 34 с.
3. Даль В.И. Упырь: Страшные легенды, предания и сказки. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2009. – 173 с.
4. Емец Д.А. Таня Гроттер и посох волхвов. – Москва : Эксмо, 2012 – 413 с.
5. Емец Д.А. Таня Гроттер и трон Древнира. – Москва : Эксмо, 2011. – 438 с.
6. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 252 с.
7. Путилина С.В. В.И. Даль как литератор: к постановке проблемы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2008. – № 1. – С. 21-29.
8. Рубанов А.В. Финист – ясный сокол. – Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2023. – 606 с.
9. Фесенко Ю.П. Проза В.И. Даля: Творческая эволюция. – Луганск ; Санкт-Петербург, 1999. – 261 с.
10. Солдатова К.Э., Ширина Е.А. Освоение фольклорной традиции в романе А. Рубанова «Финист – ясный сокол» // Национальный стиль русской литературной классики: материалы VI Межвузовской с международным участием научно-практической конференции (г. Москва, 2 апреля 2020 г.) / ред. кол.: Г.И. Романова, И.Н. Райкова; отв. ред.: С.А. Васильев. – Москва : МГПУ, 2021. – С. 36-46.

Гудкова Н.А.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород;
науч. рук. – Яковлева Т.В.,
к. пед. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ВЛИЯНИЕ НАСЛЕДИЯ В.И. ДАЛЯ НА РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОТ ФОЛЬКЛОРА ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Наследие Владимира Ивановича Даля представляет собой уникальное явление в истории русской литературы и культуры, оказавшее значительное влияние на сохранение и популяризацию русского фольклора. В статье рассматривается вклад В.И. Даля в создание «Толкового словаря живого великорусского языка» и его работу по сбору фольклорных материалов, включая сказки, пословицы и поговорки. Обращение к трудам Даля позволяет оценить их историческую значимость и влияние на формирование литературных традиций и культурной идентичности. Даль, как собиратель и исследователь, сохранил множество уникальных образцов народного творчества, что способствовало их популяризации среди образованных слоев общества. Его работы вдохновили таких авторов, как А.С. Пушкин, Н.С. Лесков и М. Горький, и продолжают оказывать влияние на современных писателей, таких как Л. Улицкая и В. Пелевин. В статье также обсуждаются вопросы актуальности и сохранения культурного наследия В.И. Даля в условиях современности.

Ключевые слова: В.И. Даль, русский фольклор, Толковый словарь, народные сказки, пословицы, культурная идентичность, русская литература, А.С. Пушкин, Н.С. Лесков, М. Горький, современная литература, сохранение культурного наследия.

Summary. Russian folklore the legacy of Vladimir Ivanovich Dahl is a unique phenomenon in the history of Russian literature and culture, which has had a significant impact on the preservation and popularization of Russian folklore. The article examines Dahl's contribution to the creation of the «Explanatory Dictionary of the living Great Russian Language» and his work on collecting folklore materials, including fairy tales, proverbs and sayings. Referring to Dahl's works allows us to assess their historical significance and influence on the formation of literary traditions and cultural identity. Dahl, as a collector and researcher, preserved many unique examples of folk art, which contributed to their popularization among the educated strata of society. His work has inspired authors such as A.S. Pushkin, N.S. Leskov, and M. Gorky, and continues to influence modern writers such as Lyudmila Ulitskaya and Viktor Pelevin. The article also discusses the issues of preserving cultural heritage and the relevance of Dahl's legacy in modern times.

Keywords: Russian folklore, Explanatory dictionary, folk tales, proverbs, cultural identity, Russian literature, A.S. Pushkin, N.S. Leskov, M. Gorky, modern literature, preservation of cultural heritage.

Наследие Владимира Ивановича Даля представляет собой уникальное явление в истории русской литературы и культуры. Его вклад в сохранение и популяризацию русского фольклора, а также создание фундаментального труда, такого как «Толковый словарь живого великорусского языка», оказал значительное влияние на развитие литературного процесса. В условиях современности, когда вопросы сохранения культурного наследия приобретают особую актуальность, обращение к трудам Даля позволяет не

только оценить их историческую значимость, но и оценить их влияние на формирование литературных традиций и культурной идентичности.

В.И. Даль посвятил значительную часть своей жизни сбору и систематизации русского *фольклора*. Путешествуя по пятнадцати губерниям России, он записывал *песни, сказки, пословицы и поговорки*, сохраняя их в первозданном виде. В.И. Даль, как собиратель и исследователь русского фольклора, обращался к различным жанрам, включая *предания* и *сказки*, что подчеркивает его роль в сохранении и популяризации русской культуры. Эти материалы стали основой для его знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка», который включает около 200 000 слов и выражений, многие из которых имеют фольклорные корни. Благодаря усилиям В. Даля было сохранено множество уникальных образцов народного творчества, находившихся под угрозой забвения в условиях урбанизации и модернизации.

Одним из ключевых достижений В.И. Даля стала публикация сборника «Русские сказки», который включает более ста народных сказок, записанных со слов рассказчиков. Этот труд не только представил широкой аудитории богатство русского фольклора, но и способствовал его популяризации среди образованных слоев общества. В.И. Даль, выступая в роли писателя и этнографа, на протяжении всей своей жизни работал над созданием своего четырехтомника, который стал важным источником для сохранения и распространения русского фольклора [Даль 2024: 1]. Он стремился донести до читателей подлинность и красоту народного творчества, что сделало его работы значимым культурным феноменом своего времени.

Деятельность В.И. Даля оказала неизгладимое влияние на сохранение культурного наследия России. Его труды не только сохранили для потомков множество фольклорных произведений, но и вдохновили последующие поколения исследователей и писателей. М.М. Гиршман отмечает: «Цель данной работы – рассмотреть роль и место В.И. Даля-писателя в общественно-культурной жизни России 1850-х гг.» [Гиршман 2012: 183]. Благодаря усилиям В.И. Даля фольклор стал восприниматься как неотъемлемая часть национальной культуры, а его сохранение и изучение приобрели статус важной научной задачи.

В произведениях В.И. Даля отчетливо прослеживается активное использование элементов русского фольклора. Он интегрировал в свои рассказы пословицы, поговорки и сказочные мотивы, что придало его произведениям особую национальную окраску и глубину. Например, в рассказе «Башкирская русалка» Даль умело внедрял фольклорные образы и сюжеты, делая их неотъемлемой частью повествования. Это свидетельствует о его стремлении не только сохранить народное творчество, но и показать его богатство и значимость в литературном контексте. Исследования

подтверждают, что влияние В.И. Даля на русскую литературу проявляется в его обращении к фольклору, где пословицы и поговорки выступают важными элементами литературного языка [Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона 2011: 171].

Фольклорные мотивы оказали значительное влияние на стиль и тематику произведений В.И. Даля, придав им уникальность и аутентичность. Использование *пословиц* и *поговорок*, которых в его собрании насчитывается более 30 тысяч, обогащало язык произведений, делая его живым и выразительным. Тематически рассказы Даля часто обращались к народным представлениям о мире и морали, что делало их близкими и понятными широкой аудитории. Таким образом, фольклорные элементы стали основой для создания произведений, которые не только отразили народное творчество, но и способствовали его популяризации в литературной среде.

В.И. Даль является выдающимся интерпретатором фольклорных традиций, способствующим их адаптации к литературному пространству. Собранные им *пословицы* и *поговорки* не только сохранили народную мудрость, но и стали источником вдохновения для его литературных произведений. Такой исследовательский подход к народному языку можно найти в публикуемых списках пословиц. Даль мастерски перенёс фольклорные образы и мотивы в свой рассказ «Башкирская русалка», что позволило ему передать дух народного творчества и сделать его доступным для читателей из различных социальных слоёв.

В.И. Даль внёс значительный вклад в развитие литературных жанров, используя богатство фольклорных материалов для создания уникальных произведений, что помогло обогатить литературную основу русского языка, способствовать появлению новых жанров (например, *литературные сказки*), основанных на народных мотивах. Данные труды повлияли на развитие русской художественной литературы: А.С. Пушкин, с которым дружил В.И. Даль, вдохновлялся некоторыми фольклорными идеями, Н.С. Лесков использовал народные мотивы для создания образов и сюжетов, которые отражали дух русского народа.

Вклад Даля в развитие литературной стилистики проявляется в его стремлении сохранить живость и самобытность русского языка. «Толковый словарь живого великорусского языка» стал не только выдающимся лексикографическим трудом, но и источником вдохновения для писателей, стремившихся к более точному и выразительному языку в своих произведениях. И.С. Тургенев, высоко ценивший работу В.И. Даля, называл словарь «истинным богатством русского языка», использовал фольклорные элементы в своих произведениях, что можно также считать следствием его знакомства с трудами собирателя.

Наследие В.И. Даля оказывало влияние и на литературу XX столетия. Александр Блок, один из выдающихся представителей Серебряного века, часто обращался к фольклорным мотивам, популяризированным трудами Владимира Даля. В своих произведениях А. Блок использовал образы, характерные для народного творчества, что способствовало созданию уникального стиля и атмосферы его поэзии. Таким образом, труды фольклориста стали важным источником вдохновения для писателей и поэтов, стремившихся сохранить связь с народной культурой в эпоху модернизма.

В широком смысле фольклорные мотивы, собранные и популяризированные В.И. Далем, сыграли ключевую роль в развитии жанрового разнообразия русской литературы. Такие жанры, как *народный сказ*, *притча* и *пословица*, получили новое звучание в художественных произведениях, став основой для литературных экспериментов. Писатели и поэты, вдохновленные этим богатством, использовали фольклорные элементы для создания уникальных жанровых форм, что существенно обогатило русскую литературу. А.М. Горький нередко обращался к фольклорным элементам, чтобы создать произведения, отражающие социальные и культурные изменения своего времени. Сюжеты и образы, заимствованные из народного творчества, приобретали новые смыслы, став инструментом для выражения современных идей.

Одним из главных достижений В.И. Даля стало сохранение и популяризация фольклорных элементов в русской литературе. Его деятельность как этнографа и собирателя народного творчества обеспечила сохранение множества уникальных пословиц, поговорок, сказок и песен, которые в противном случае могли быть утеряны. Эти материалы не только стали основой для дальнейших исследований, но и вдохновили писателей на использование фольклорных мотивов в своих произведениях.

Традиционные элементы, собранные В.И. Далем, нашли отражение в творчестве современных писателей. Использование фольклорных мотивов и сюжетов позволяет авторам (Людмила Улицкая, Виктор Пелевин и др.) создавать произведения, которые одновременно сохраняют связь с традициями и отвечают запросам современного читателя. Примером может служить обращение к символике и образам, встречающимся в народных сказаниях, что позволяет придать произведениям глубину и многослойность. Людмила Петрушевская нередко обращается к элементам народного творчества в своих произведениях, создавая новые интерпретации традиционных сюжетов. Так, ценность трудов В. Даля заключается также в том, что его работы служат не только историческим источником, но и инструментом для переосмысления культурного наследия в контексте современной литературы.

Наследие В.И. Даля актуально и сегодня, поскольку работы автора представляют собой богатый материал для анализа изменений в русском языке, обществе и культуре. Современные вызовы, включающие глобализацию и потерю национальных традиций, подчеркивают важность трудов собирателя. Будущие научные исследования могут быть расширены за счет внедрения новых технологий, таких как цифровой анализ текстов и создание интерактивных баз данных. Это позволит исследователям глубже изучить структуру и содержание его работ, а также их влияние на современную литературу. Кроме того, междисциплинарный подход, объединяющий филологию, культурологию и информационные технологии, может открыть новые перспективы в понимании наследия В.И. Даля. Его деятельность по сбору и систематизации русского фольклора, созданию «Толкового словаря живого великорусского языка» способствовала сохранению и популяризации русской культуры, а также создала основу для формирования литературных традиций, которые продолжают оказывать влияние на современную литературу.

Труды В.И. Даля являются важной составляющей культурной идентичности России. Работы собирателя помогли не только зафиксировать и сохранить особенности русского фольклора, но и вдохновить многих писателей на создание произведений, включающих элементы народных традиций. Влияние Даля прослеживается в литературе XIX–XX веков и находит отражение в творчестве современных авторов.

❖ Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: современное написание / сост. Ю.М. Медведев. – Москва : АСТ, 2024. – 768 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – Москва : Эксмо, 2006. – 575 с.
3. Дни науки: сборник материалов по результатам проведения Дней науки (г. Луганск, 15 – 19 мая 2017 г.). – Луганск : Изд-во ЛГАКИ имени М. Матусовского, 2017. – 242 с.
4. Евстигнеев Л.А. Списки пословиц и поговорок. – URL: http://old.old.imli.ru/litnasledstvo/Tom%2071/Tom%2071-26_Список.pdf
5. Литературоведческий сборник. Материалы международной научной конференции «Онтология и поэтика: теоретические и аналитические аспекты», посвященной 75-летию профессора М.М. Гиршмана: Сборник научных работ / под ред. М.М. Гиршмана. – Донецк : ДонНУ, 2012. – 268 с.
6. Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона: материалы межрегиональных научно-практических конференций, посвященных Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье. – Оренбург, 2011. – С. 25.

Ёрматова М.А.,
магистрант, НИУ «БелГУ», г. Белгород;
науч. рук. – Голева Н.М.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ЭПИТЕТЫ-СИМВОЛЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию использования эпитетов-символов в творчестве Михаила Юрьевича Лермонтова, одного из величайших русских поэтов XIX века. В статье анализируется роль эпитетов, которые не только усиливают выразительность поэзии, но и служат средствами символического обозначения глубоких философских идей, характерных для произведений Лермонтова. Особое внимание уделяется тому, как эпитеты-символы помогают передать противоречивые эмоции, акцентировать внимание на внутреннем мире героя и создают атмосферу трагизма и борьбы. Анализируются произведения поэта, такие как «Мцыри», «Демон», «Парус» и другие, в которых эпитеты играют ключевую роль в раскрытии символики и идеи произведений.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, эпитеты, символы, поэзия, философская символика, литература XIX века, поэзия Лермонтова, художественные средства.

Summary. The article is devoted to the study of epithet-symbols in the works of Mikhail Yuryevich Lermontov, one of the greatest Russian poets of the 19th century. The article analyzes the role of epithets that not only enhance the expressiveness of poetry but also serve as means of symbolic representation of deep philosophical ideas characteristic of Lermontov's works. Particular attention is paid to how epithet-symbols help convey conflicting emotions, accentuate the inner world of the hero, and create an atmosphere of tragedy and struggle. The analysis focuses on works such as «Mtsyri» «Demon» «Sail» and others, in which epithets play a key role in revealing the symbolism and ideas of the works.

Keywords: M.Y. Lermontov, epithets, symbols, poetry, philosophical symbolism, 19th century literature, Lermontov's poetry, artistic devices.

Михаил Юрьевич Лермонтов – поэт, чье творчество оказало глубокое влияние на русскую литературу. Его стихи отличаются не только музыкальностью и красотой языка, но и сложностью внутренней символики, в которой эпитеты играют важную роль. Эпитеты, являясь не просто художественными средствами, часто превращаются в символы, через которые Лермонтов выражает философские идеи, противоречия человеческой души и трагические аспекты жизни. В этой статье рассматривается использование эпитетов как символов, которые помогают углубить восприятие героев, тем и образов в произведениях Лермонтова. Задача исследования – показать, как эпитеты в произведениях поэта становятся неотъемлемой частью символической структуры его поэзии и усиливают эмоциональную выразительность текста.

М.Ю. Лермонтов всегда привлекал внимание исследователей своей способностью использовать язык для создания символов и глубоких философских подтекстов. Литературоведы обращают внимание на то, как

эпитеты в его поэзии часто выполняют роль не только описательных элементов, но и символов, через которые выражаются чувства одиночества, бунтарства, противоречивых эмоций. В работе Н.С. Корчагиной подчеркивается, что эпитеты у Лермонтова становятся средствами передачи философских концепций, например, в произведениях о борьбе человека с миром, жизни и смертью [Корчагина 1998: 67]. Отметим значение эпитетов как носителей скрытых значений и их роль в создании уникальной атмосферы каждого произведения. В таких произведениях, как «Мцыри» и «Демон», эпитеты не только визуализируют образы, но и задают тон всему произведению, обостряя философские и психологические конфликты героев.

Для анализа использовались произведения Михаила Юрьевича Лермонтова, в которых эпитеты играют важную роль в создании символической структуры текста.

В качестве материала были выбраны следующие произведения:

1. «Мцыри» – поэма, в которой эпитеты раскрывают философский конфликт между желанием свободы и тяжестью одиночества.
2. «Демон» – стихотворение, в котором эпитеты создают образ трагического героя, лишенного возможности найти место в мире.
3. «Парус» – короткое стихотворение, где эпитеты подчеркивают образ одиночества и стремления к бескрайним просторам.
4. «Бородино» – эпитеты, использованные в произведении, помогают создать картину трагизма войны и героизма народа.

Методология исследования включает в себя литературный анализ, направленный на выделение эпитетов, их функциональной роли и символического значения в контексте произведений Лермонтова.

Эпитеты в творчестве Лермонтова играют важнейшую роль не только в создании ярких визуальных образов, но и в раскрытии философской и эмоциональной глубины произведений. Одним из наиболее ярких примеров является поэма «Мцыри», в которой эпитеты, такие как **высокие травы**, **бледный свет**, символизируют душевное состояние героя, его борьбу с внутренними демонами и ощущение изоляции. Эпитет **высокие травы** не только подчеркивает физическое окружение Мцыри, но и отражает его стремление к свободе и независимости, несмотря на все трудности и лишения.

Пример:

*И только! Много я часов,
Бежал, и наконец, устал,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей [Лермонтов].*

Здесь *бледный свет* символизирует угасание надежд и утраченную цель, а *темное небо* и *земля* подчеркивают беспокойное состояние героя, его разочарование и отчаяние. Эти эпитеты усиливают атмосферу трагизма и борьбы, которые проходят через весь текст, позволяя читателю глубже понять внутренний мир героя.

Эпитеты в творчестве Лермонтова – это не просто средства украшения текста, но и глубоко символические элементы, помогающие передать философскую глубину и эмоциональную сложность героев. В одном из ярких примеров из поэмы «Демон» мы видим, как эпитеты усиливают трагизм и внутренний конфликт героя, раскрывая его внутреннюю борьбу. В данном фрагменте такие эпитеты, как *немая душа*, *благодатный звук*, *сладостная картина*, создают образ героя, в котором встречаются свет и тьма, любовь и боль, тирания и освобождение. Например:

*Немой души его пустыню.
Наполнил благодатный звук –
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!
И долго сладостной картиной
Он любовался... [Лермонтов].*

Здесь эпитет *немая душа* символизирует внутреннюю пустоту Демона, его отстраненность от мира, а *благодатный звук* становится символом светлого просветления, который нарушает его холодное отчуждение. Эпитеты *сладостная картина* и *цепь длинная* усиливают контраст между тем, что было утрачено и тем, что внезапно пробудилось в душе героя, словно цепь воспоминаний, тянущихся за ним, как звезды за звездой [Лермонтов].

Эпитеты в произведениях Лермонтова, такие, как в стихотворении «Парус», раскрывают не только внешние образы, но и глубокие философские идеи, воплощая одиночество и стремление к свободе. В данном стихотворении, эпитеты (*одиноким парус, в тумане моря голубом*) играют ключевую роль в создании образа одиночества и внутренней борьбы. Например:

*Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..
Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! он счастья не ищет
И не от счастья бежит! [Лермонтов].*

Здесь эпитет *одиноким парус* становится символом человека, покинувшего родину, устремившегося в неизвестность. Он изображен в

одиночестве, как одинокий парус в туманном море, что усиливает чувство утраты и поиска чего-то несбыточного. Эпитет *в тумане моря голубом* создаёт атмосферу неопределенности и мистики, в которой парус, символизирующий душу или стремление, ищет своё место в мире. Ветер и волны, *играющие* и *свищущие*, действуют как силы, которые мешают найти покой и гармонию, настраивая на противоречивую борьбу. Фраза *мачта гнется и скрипит* символизирует внутреннее сопротивление и тяжелое, мучительное движение, где мачта – это не только физическое сопротивление, но и символ борьбы с судьбой.

Эпитеты Лермонтова здесь не только создают визуальные картины, но и раскрывают философскую глубину произведения, символизируя внутренние терзания и безысходность, противоречие между стремлением и невозможностью достичь счастья.

Эпитеты-символы в творчестве Михаила Лермонтова служат важным средством усиления эмоционального воздействия и раскрытия философских идей. Они помогают глубже понять внутренний мир героев, передают противоречивые чувства и акцентируют внимание на ключевых темах произведений. Через эпитеты Лермонтов создает не только яркие образы, но и многослойную символику, которая раскрывает философские вопросы жизни, одиночества, борьбы и внутренней гармонии. Эпитеты-символы становятся неотъемлемой частью его поэзии, отражая глубину чувств и мыслей поэта.

❖ Список литературы

1. Корчагина Н.Н. Михаил Лермонтов: тайны судьбы и творчества. – Москва : Маска, 2014. – 117 с.
2. Лермонтов М.Ю. Мцыри. – URL: <https://www.culture.ru/poems/36709/mcyri>
3. Лермонтов М.Ю. Парус. – URL: <https://www.culture.ru/poems/36610/parus>
4. Лермонтов М.Ю. Демон. – URL: <https://www.culture.ru/poems/36747/demon>

Иванчикова Н.Л.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород;
науч. рук. – Черемохина Д.А.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИМИНУТИВОВ В СКАЗКАХ А.С. ПУШКИНА

Аннотация. Статья посвящена исследованию языковых особенностей диминутивов в сказках А.С. Пушкина. Анализируются функции и семантика уменьшительно-ласкательных форм, их роль в создании образности и эмоциональной окраски персонажей. На примерах из сказок показано, как диминутивы усиливают экспрессивность текста, подчеркивают характеры героев и способствуют созданию комического и драматического эффекта.

Ключевые слова: Александр Сергеевич Пушкин, диминутивы, сказки, эмоциональная окраска, уменьшительно-ласкательные формы, экспрессивность, семантика.

Summary. The article is devoted to the study of linguistic features of diminutives in A.S. Pushkin's fairy tales. The article analyzes the functions and semantics of diminutive forms, their role in creating imagery and emotional coloring of characters. Examples from fairy tales show how diminutives enhance the expressiveness of the text, emphasize the characters of the characters and contribute to the creation of a comic and dramatic effect.

Keywords: Alexander Sergeevich Pushkin, diminutives, fairy tales, emotional coloring, diminutive forms, expressivity, semantics.

Настоящее исследование вызвано необходимостью более глубокого изучения функций и семантики диминутивов в художественном тексте, в частности, в сказках А.С. Пушкина, где они играют важную роль в создании образности и эмоциональной окраски.

Согласно толковому словарю Т.Ф. Ефремовой *диминутив* – производное имя существительное или прилагательное со значением малости, имеющее добавочный экспрессивно-эмоциональный оттенок значения ласкательности, сочувствия, умиления или, наоборот, уничижительности, пренебрежения; уменьшительное имя [Ефремова 2000: 443]. В некоторых толковых словарях понятие *диминутив* фигурирует преимущественно как «уменьшительный». Так, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова находим следующее определение: «<...> 2. В грамматике: относящийся к образованию существительных и прилагательных, обозначающих меньшую величину предмета или уменьшенную степень качества, напр. *яблочко, добренький*» [Ожегов 2019: 1243]. Согласно современным лингвистическим представлениям диминутивы характеризуются следующими особенностями:

1. Морфологические: наличие специфических суффиксов (-к, -ок, -ечк, -ик и др.);
2. Семантические: способность передавать не только значение размера, но и эмоциональные оттенки (ласкательность, ирония, пренебрежение);

3. Функциональные: участие в создании речевого портрета персонажа, формировании стиля произведения.

В качестве материалов исследования послужили сказки: «Сказка о мертвой царевне», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о попе и о работнике его Балде». Всего в сказках было выявлено 100 диминутивов, без учета повторений одних и тех же дериватов. Немногочисленность объясняется небольшим объемом произведений. Из общего количества диминутивов 11 дериватов употребляются в нескольких сказках одновременно: *окошко, девица, сестрица, тихонько, немножко, братец, бабушка, ручка, сердце, бедняжка, ножки*.

Особый интерес представляют собой так называемые «бывшие» диминутивы, т.е. уменьшительно-ласкательные слова, утратившие свое уменьшительное значения, став нейтральными. И.В. Фуфаева, ведущий научный сотрудник РГГУ, в статье «Диминутивные замены в русском словаре: типы, семантика и роль в развитии языка» (2016) разграничивает уменьшительные и экспрессивные диминутивы, так как причины утраты диминутивности у первой и второй форм существенно отличается. Так, утрата диминутивности проявляется как следствие лингвистических и экстралингвистических изменений. Фактором данного явления является расхождение лексических значений диминутивов со значением происходящих слов [Фуфаева 2016: 122-123].

В сказках А.С. Пушкина встречаются следующие бывшие диминутивы: *бабушка, батя, белка, венец, веревка, дворец, заяц, кольцо, крыльцо, лягушка, мешок, младенец, мужик, птица, ребенок, сердце, солнце*. Рассмотрим более подробно языковые особенности диминутивов в сказках А.С. Пушкина.

В «Сказке о мертвой царевне» диминутивы играют важную роль в создании образов персонажа. Так, неотъемлемым атрибутом данного персонажа является зеркальце. *Зеркальце* – один из основных диминутивов произведения, через который раскрывается образ царицы. В первую очередь необходимо выяснить, какой эмоциональный оттенок несет в себе данный дериват. Прочитаем фрагмент первого употребления диминутива:

*Ей в приданое дано
Было зеркальце одно:
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?» [Пушкин].*

Мы не можем утверждать, действительно ли *зеркальце* имеет маленький размер, но ясно видим позитивную модальность в отношении царицы к данному предмету. Однако, читая текст произведения далее, мы понимаем, что подобное обращение в ласкательной форме, не что иное, как лесть, которая используется царицей в отношении к зеркалу с целью получения желаемого для нее ответа и утешения собственного самолюбия. К тому же, автор дает краткое описание ее характера: *горда, ломлива, своенравна, ревнива*, что подтверждает сказанное ранее. Данная сцена в сказке повторяется несколько раз. Как только царица не получает утвердительный ответ, отношение к зеркальцу тут же меняется и раскрывает истинную сущность персонажа: «*Ах ты, мерзкое стекло! / Это врешь ты мне назло*».

Интересен для исследования следующий эпизод в «Сказке о царе Салтане...» с использованием диминутивов:

*«Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко,
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» – молвил он,
Вышиб дно и вышел вон»* [Пушкин].

Обратим внимание на диминутивы *ножки, головка*. Данные формы слова носят, как правило, уменьшительно-ласкательный оттенок, который в настоящее время употребляется в основном по отношению к детям. Часто данные диминутивы указывают на хрупкость и беззащитность. Помним, что волна выбросила мать на берег с младенцем. В толковых словарях *младенец* обозначается как '*ребёнок, недавно родившийся*'. Далее читаем: *Понатужился немножко. Немножко* – диминутив с уменьшительным оттенком. Используя эту форму вместе с глаголом *тужиться*, который подразумевает под собой определенные усилия, можем сделать вывод, что лексема *немножко* употребляется в значении короткого времени. А теперь посмотрим на действие младенца: *Вышиб дно и вышел вон*. Глагол *вышибить* значит '*резким толчком выбить; грубо вытолкнуть*'. Данный глагол никак не сочетается с образом младенца. В данном эпизоде отчетливо противопоставляется «хрупкость», созданная с помощью диминутивов, и «грубая сила». В реальном мире младенец не может обладать такой силой, но автор, делая невозможное возможным, показывает нам богатырскую силу ребенка, тем самым, предвещая его будущее, в котором он сможет справиться с любым испытанием.

Обратим внимание на следующую лексическую деталь, которая работает на характер персонажа и общий смысл «Сказки о рыбаке и рыбке». Использование уменьшительно-ласкательной формы *топорики*: «*Вокруг ее стоит грозная стража, / На плечах топорики держат*» [Пушкин]. На первый взгляд, выбор подобного диминутива кажется странным, так как речь идет о грозной страже, которая должна внушать страх, а топор –

«инструмент страха». Однако у данной формы есть объяснение. Придавая топорам уменьшительную форму, грозная стража выглядит менее устрашающей, будто это не настоящие воины. Кроме того, употребление диминутива *топорики* дает читателю намек на ненастоящую, комичную власть старухи, которая лишь играет в царицу. На самом деле ее величие – не что иное как иллюзия, созданная золотой рыбкой по просьбе старика. Таким образом, дериват *топорики* сохраняет сказочную условность и добавляет оттенок преувеличенной важности, которой на деле нет.

Основная часть «Сказки о попе и о работнике его Балде» насыщена экспрессивными диминутивами: «*Вынырнул подосланный бесенок, / Замяукал он, как голодный котенок; / Здравствуй, Балда-мужичок; / Какой тебе надобен оброк?*» [Пушкин]. Наличие диминутивов в каждом предложении способствует усилению комического эффекта в сказке и развитию сопернических отношений между Балдой и нечистыми силами. Автор сравнивает беса с котенком. Уменьшительно-ласкательная форма *котенок* должна вызвать у читателя чувство умиления и некой жалости в отношении беззащитного существа, нуждающегося в заботе. Бес рассчитывает именно на такой эффект с целью перехитрить Балду. Кроме того, употребляя в отношении к работнику насмешливое *мужичок*, пытается унижить его, делая акцент на его простом положении в обществе, намекая на простоту ума.

Однако Балда далеко не прост, как может показаться на первый взгляд: «*Пошел Балда в ближайший лесок, / Поймал двух зайков да в мешок. / К морю опять он приходит, / У моря бесенка находит. / Держит Балда за уши одного зайку; / Попляши-тка ты под нашу балалайку; Ты, бесенок, еще молоденек, / Со мною тягаться слабенек; / Это было б лишь Времени трата. / Обгони-ка сперва моего брата*» [Пушкин]. Среди всего изобилия диминутивов в данном фрагменте необходимо акцентировать внимание на *молодене* и *слабенек*, образованных от прилагательных *молодой* и *слабый*.

Используя формы с ярко выраженным эмоциональным оттенком, автор демонстрирует намерение Балды принизить бесенка, психологически подавить его в этой «словесной борьбе». Пушкин подчеркивает уверенность Балды в собственных силах. Балда, проявляя снисхождение перед чертенком, предоставляет ему другого соперника, по уровню наиболее подходящего. Балда не считает беса достойным противником. Экспрессивная речь, сопровождаемая определенным действием, создает комический эффект в сказке путем контраста между «ожидаемым» (страшным чертом) и «реальным» (слабеньким бесенком).

Проведённое исследование языковых особенностей диминутивов в сказках А.С. Пушкина позволило выявить их ключевую роль в создании художественного своеобразия произведений.

В лексико-грамматическом аспекте было установлено преобладание определённых суффиксов (-к-, -ок-, -еньк-, -ик-), которые придают словам

особую поэтическую мягкость и соответствуют народной речи, но при этом отличаются стилистической выверенностью. Важно отметить, что писатель избегает просторечных или грубоватых форм, отдавая предпочтение нейтрально-поэтическим вариантам, что подчёркивает его ориентацию на эстетически возвышенный сказочный стиль.

Семантический анализ продемонстрировал, что диминутивы в пушкинских сказках выполняют не только традиционную уменьшительно-ласкательную функцию, но и участвуют в создании характеров персонажей. Так, положительные герои (*сестрица*, *братец*) часто наделяются уменьшительно-ласкательными формами, что усиливает их обаяние и человечность, тогда как отсутствие таких форм у отрицательных персонажей (например, у царицы в «Сказке о мёртвой царевне») подчёркивает их холодность и отчуждённость. В некоторых случаях Пушкин использует диминутивы иронически, создавая тонкий стилистический контраст, как в «Сказке о рыбаке и рыбке», где *старик* и *старуха* первоначально вызывают сочувствие, но затем их образы драматически трансформируются. Работа вносит вклад в изучение языка Пушкина, демонстрируя, как формальные языковые средства становятся инструментом создания художественного образа.

❖ Список литературы

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – В 2 т. – Т. 2: П-Я. – Москва : Русский язык, 2000. – 1088 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва : Мир и Образование, 2019 – 1376 с.
3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – Ленинград : Наука, 1977. – 447 с.
4. Пушкин А.С. Сказки. – Москва : Росмэн, 1996. – 133 с.
5. Словарь русского языка XVIII века // Фундаментальная электронная библиотека «Русская культура и фольклор» (ФЭБ). – URL: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>
6. Словарь русского языка (МАС): в 4-х т. // Фундаментальная электронная библиотека «Русская культура и фольклор» (ФЭБ). – URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
7. Фуфаева И.В. Экспансия экспрессивных диминутивов в русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 3. – С. 257-266.

Курбонова М.Т.,
магистрант, НИУ «БелГУ» г. Белгород;
науч. рук. – Левина Э.М.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ КАК СПОСОБ УСИЛЕНИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПРОЗЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Аннотация. Статья посвящена исследованию использования стилистических фигур в прозе Константина Георгиевича Паустовского, одного из величайших русских писателей XX века. Особое внимание уделяется тому, как Паустовский использует различные приемы – метафоры, эпитеты, гиперболы и антитезы – для усиления выразительности своих произведений. Исследование демонстрирует, как стилистические средства в произведениях Паустовского помогают создавать глубину образов, передавать тонкие эмоции и акцентировать внимание на значимых элементах повествования. В статье анализируются особенности и роль этих фигур в создании атмосферы произведений, а также их влияние на восприятие читателем темы и сюжета. Материал статьи включает примеры из произведений, таких как «Золотая роза», «Повесть о жизни» и других.

Ключевые слова: К.Г. Паустовский, стилистические фигуры, метафора, эпитет, гипербола, антитеза, выразительность, литература XX века, проза, художественные средства.

Summary. The article is devoted to the study of the use of stylistic figures in the prose of Konstantin Georgievich Paustovsky, one of the most beautiful Russian writers of the 20th century. Particular attention is paid to how Paustovsky uses various techniques – metaphors, epithets, hyperboles and antitheses – to enhance the expressiveness of his manifestation. The study uses stylistic devices in Paustovsky's works that allow him to introduce images, convey complex emotions and focus on significant elements of the narrative. The article analyzes the features and role of these figures in creating a visible atmosphere, as well as their influence on the reader's perception of the theme and plot. The material of the article includes manifestations from the visible, such as «The Golden Rose», «The Silk Road», «Stories about Life» and others.

Keywords: K.G. Paustovsky, stylistic figures, metaphor, epithet, hyperbole, antithesis, expressiveness, 20th century literature, prose, artistic devices.

Константин Георгиевич Паустовский – выдающийся русский писатель, чья проза отличается глубокой эмоциональностью, богатством образов и утонченным языковым мастерством. В своих произведениях он часто использовал различные стилистические фигуры, которые усиливали выразительность текста и помогали создавать неповторимую атмосферу. Особое внимание следует уделить тому, как элементы стиля, такие как метафоры, эпитеты, гиперболы, антитезы, играют ключевую роль в восприятии произведений и раскрытии авторской мысли.

Цель данной статьи – проанализировать, как Паустовский использует стилистические фигуры для усиления выразительности своей прозы, а также

рассмотреть, как эти средства помогают глубже понять идеи и эмоциональные состояния персонажей. В рамках исследования будет рассмотрен ряд произведений, в которых автор проявляет мастерство в использовании языка, делая каждую деталь текста значимой и многозначной.

Константин Паустовский привлекал внимание литературоведов и критиков своим уникальным стилем, который сочетал живописность и философскую глубину. В ряде исследований выделяется его способность создавать яркие образы через метафору и эпитет, что делает его стиль узнаваемым и самобытным. Использование символики и метафор в его произведениях придают творчеству многослойность и насыщенность. Стилистические фигуры в прозе Паустовского часто становятся инструментом для выражения внутренних переживаний героев и отражением их эмоционального состояния.

Стилистические фигуры рассматриваются не только как средство усиления художественного эффекта, но и как инструмент для глубокого отражения реальности и взаимоотношений человека с миром. В ряде исследований выделяется его способность создавать яркие образы через метафору и эпитет, что делает стиль узнаваемым и самобытным [Бойко 2024]. По мнению исследователей, стилистические фигуры в прозе Паустовского часто становятся инструментом для выражения внутренних переживаний героев и их эмоционального состояния [Бойко 2024].

Считаем, что исследование роли стилистических средств в прозе Паустовского требует более детального подхода, так как использование этих средств тесно связано с философскими и эмоциональными аспектами его произведений.

Для проведения исследования были выбраны несколько произведений Константина Паустовского, в которых ярко проявляются его стилистические особенности.

1. «Золотая роза» – произведение, в котором Паустовский мастерски использует образы и метафоры для раскрытия внутреннего мира героев.

2. «Повесть о жизни» – в этом произведении Паустовский демонстрирует умение создавать живописные, часто гиперболизированные картины природы и внутреннего мира человека.

Методология исследования включает в себя литературный анализ с выделением стилистических фигур, таких как метафоры, эпитеты, гиперболы, антитезы, а также их взаимодействие в тексте. При анализе учитывались не только прямые примеры, но и их контекстное значение для понимания сюжета и тем произведений.

Паустовский использует различные стилистические фигуры для усиления эмоциональной выразительности и создания многослойных образов.

Например, метафора, как в случае с описанием природы или человеческих чувств, позволяет глубже передать философскую мысль автора. В «Золотой розе» Паустовский использует разнообразные метафоры. Например: *«Маленький дом стоит, как последний маяк, на краю туманной бездны»* [Паустовский]. Эта метафора помогает создать образ дома как места уединения, демонстрирует его стойкость перед лицом природы. Сравнение с «последним маяком» усиливает ощущение изоляции и одновременно надежды – как будто дом освещает край земли среди мрака и пустоты.

Эпитеты в произведениях Паустовского часто имеют не только описательную функцию, но и эмоциональную, они добавляют глубину изображениям природы и человеческих взаимоотношений. Например: *«Как бы ни был богат наш язык, невозможно передать словами музыку, в которой воспевается чудесная прелесть девичества»* [Паустовский]. Эпитет «чудесная» подчеркивает возвышенную, почти волшебную красоту юности, а слово «девичества» акцентирует на нежности и чистоте. Этот образ создаёт лирическое, трепетное отношение к героине и её возрасту, отражая восхищение композитора и поэтичность его дара.

Гипербола в произведениях Паустовского также играет важную роль. Например, в произведении «Повесть о жизни» он часто использует гиперболические выражения: *«Я всегда был с любимыми своими героями во всех обстоятельствах их жизни – в горе и счастье, в борьбе и тревогах, победах и неудачах»* [Паустовский]. Это гиперболическое обобщение подчеркивает предельную степень сопричастности автора своим героям. Через повторяющийся союз «и» и перечисление крайних жизненных ситуаций усиливается впечатление, что писатель буквально проживает каждую судьбу вместе с персонажами. Гипербола здесь помогает выразить глубину эмоциональной связи между автором и его творениями.

Антитеза как средство контраста также используется для усиления философского звучания произведений. В «Драгоценной пыли» можно встретить такой пример: *«Шамет напрягал память и выуживал из нее эти подробности, пока в конце концов не потерял уверенность в том, что они действительно существовали. Это были уже не воспоминания, а слабые их тени»* [Паустовский]. Здесь антитеза строится на противопоставлении реальности и призрачности. Вначале память кажется надёжным источником живых воспоминаний, но постепенно всё превращается в «слабые тени», теряющие чёткость и достоверность. Это подчеркивает хрупкость человеческой памяти и иллюзорность прошлого, усиливая тему ускользающего времени и неопределенности.

Использование стилистических фигур в прозе К.Г. Паустовского является важным инструментом для передачи его философских идей и эмоциональной глубины. Метафоры, эпитеты, гиперболы и антитезы служат не только для усиления выразительности текста, но и для создания многослойных образов, которые помогают читателю проникнуться внутренним миром героев. Проза Паустовского предстает перед нами как гармония языка и мысли, где каждый элемент стиля играет свою важную роль в создании общего впечатления. Стилистические фигуры в прозе Паустовского служат как средством художественной выразительности, так и способом глубокого философского осмысления действительности [Бойко 2023].

Исследование показало, что стилистические фигуры в произведениях Паустовского имеют важную не только художественную, но и философскую функцию, усиливая эмоциональное воздействие и помогая передать глубину внутреннего мира персонажей. В будущем возможно дальнейшее изучение влияния этих средств на восприятие произведений современными читателями.

❖ Список литературы

1. Бойко Н.А. Эпитеты как одно из средств выразительности в прозе К. Паустовского // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. – № 11 (86). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epitety-kak-odno-iz-sredstv-obraznoy-vyrazitelnosti-v-proze-k-paustovskogo>
2. Паустовский К.Г. Золотая роза. – Москва : Время, 2019. – 352 с.
3. Паустовский К.Г. Корзина с еловыми шишками. – Москва : Махаон, 2023. – 128 с.
4. Паустовский К.Г. Повесть о жизни. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/povest-o-zhizni/>

Леонова М.В.,
студент, ПГУ, г. Пятигорск;
науч. рук. – Буров А.А.,
д. филол. н., ПГУ, г. Пятигорск

ДИАЛЕКТИЗМЫ ШОЛОХОВСКОГО ДОНА В СЛОВАРЕ В.И. ДАЛЯ: NEXUS SANGUINIS TEMPORUM

Аннотация. В статье анализируются особенности употребления диалектизмов как элементов словаря текста романа-эпопеи М.А. Шолохова «Тихий Дон». Функции диалектных слов осмысляются в аспекте сопоставления двух разделённых полувековой историей России картин мира: статической, отраженной в Словаре В.И. Даля, и динамической, представленной в авторском словаре текста великого русского советского писателя, чья поэтика основана на естественном звучании народной донской казачьей речи, определяющем мировоззрение и эстетику автора. Изобразительный потенциал шолоховских диалектизмов как речевых «запечатленных мгновения языкового бытия», рассматриваемых в лексикографическом отражении живого великорусского словаря, подтверждает вывод авторов статьи о неисчерпаемых языковых ресурсах народной основы речевого многоголосия, которая являет залогом нерушимости его гражданственности, о кровной связи поколений носителей русского национального языка.

Ключевые слова: М.А. Шолохов, В.И. Даль, диалектизмы, языковая картина мира, народность, гражданственность, словарь эпического текста, лексикографический комментарий.

Summary. The article analyzes the features of the use of dialecticisms as elements of the vocabulary of the text of M.A. Sholokhov's epic novel «Quiet Flows the Don». The functions of dialect words are understood in the aspect of comparing two pictures of the world separated by half a century of Russian history: static, reflected in V.I. Dahl's Dictionary, and dynamic, presented in the author's dictionary of the text of the great Russian Soviet writer, whose poetics is based on the natural sound of the folk Don Cossack speech, defining the worldview and aesthetics of the author. The pictorial potential of Sholokhov's dialecticisms as speech "captured moments of linguistic existence", considered in the lexicographic reflection of the living Great Russian dictionary, confirms the conclusion of the authors of the article about the inexhaustible linguistic resources of the folk basis of speech polyphony, which is the guarantee of the inviolability of its civic nature, about the blood connection of generations of speakers of the Russian national language.

Keywords: M.A. Sholokhov, V.I. Dahl, dialectisms, linguistic picture of the world, nationality, citizenship, dictionary of the epic text, lexicographic commentary.

Низко кланяюсь и по-сыновьи целую
твою пресную землю, донская, казачьей,
нержавеющей кровью политая степь!
М.А. Шолохов. Тихий Дон

В.И. Даль в своем Словаре, формируя «гнездо» лексемы казак, подчеркивает, что это представители «особого сословия» – «поселенные воины», защитники России, сильные, независимые, свободолюбивые. Как и его возлюбленный конь, казак «и в беде не плачет». Особо в словарной статье

выделены паремии о донском казачестве: *Казак Донской – что карась озерной: и крян (и прян) и солен. Пришли казаки с Дону, да прогнали ляхов до (к) дому [Даль]*.

Формулировка названия данной статьи включает латинской контент *nexus sanguinis temporum* – «кровная связь времен». Сразу поясним: главная мысль работы заключается в утверждении неразрывной связи двух великих казаков-«кровников-по-духу»: Казака Луганского (творческий псевдоним В.И. Даля) и донского казака М.А. Шолохова. Их породнило служение великорусскому народу и его языку, классическую мировую славу которого они приумножили, каждый внося свой вклад в утверждение величия России. Оба они – как казаки – отличались особым качеством, которое зовется земной тягой и которое, в частности, обнаруживается в живом, неподдельном интересе к такому свойству языка, как его *диалектная основа*, его корневая система. Вот почему нас заинтересовал вопрос: звучали ли донские диалектизмы во времена Даля, как относился к ним Казак Луганский и можно ли использовать его *Словарь как энциклопедию живого великорусского языка* при семантизации словарных единиц романа, написанного уже в следующем столетии и в другую социальную эпоху. Сказанное определяет объект, предмет и основные задачи нашей работы.

Время – фильтр, сохраняющий в нашем сознании те крупинки знания, которые формируют исторический опыт, воплощенный в материальных и нравственных ценностях. Для *русского языка* и как этноса, и как средства общения, выражающего основу его менталитета, исторически самым важным является его нравственное начало, его *дух*, или внутренняя форма, по В. фон Гумбольдту. А.А. Потебня, великий русский лингвист XIX века, развивая гумбольдтовскую философию языка, обращает внимание на то, что в каждом национальном языке его лексика включает слова, которые, обозначая денотаты, характеризуются как внешней знаковой формой, так и формой внутренней – чувственным образом предмета, представлением, включающим наиболее яркий постоянный его признак как «центр образа» [Потебня 1989].

Это то, что, на наш взгляд, и лежит в основе главного, что есть у человека в жизни, самого дорогого – его гражданственности. Гражданский опыт наследуется посредством языковой коммуникации, и сопричастность Родине выражается в обреченной («замес») на Правду устной народной речи, которая, будучи пропитана фольклорной образностью, напроць лишена пришедшей с письменной европейской традицией и ее стилистическими «масками», манипулятивными метафорами, эвфемизмами и аллегориями, – фейковой основой матриц современного массового сознания, кратно тиражируемых интернет-паутиной в медиамире.

Сверья многочисленные диалектные лексические, лексико-семантические и словообразовательные «жемчужины» пласта народного

языка, определяющего характер художественного реализма и степень исторической правды в тексте шолоховского «Тихого Дона» по *Словарю* Даля, убеждаешься, что время не властно ни над живой казачьей речью, ни над самим духом вольного российского сословия.

Если трансформировать эйнштейновское представление о временной относительности (когда с настоящим связывается реальная точка отсчета в неразрывном триединстве существования – как *«прошлоенастоящеебудущее»*, причем прошлое оживает в настоящем, а вот будущее ощущается как приближающаяся реальность), то художественная картина мира, воплощенная в реалистическом эпическом тексте, несет слово правды (которое весь мир перетянет) только при одном условии: писать о том, *что* видишь в настоящем, и так, *как* это все видит народ в действительности. Язык, подобно полноводной реке, сам найдет тогда свою правду образной континуальности – речевого воплощения реальности в динамике художественного времени и пространства [Чесноков 2011].

Как свидетельствует история русской словесности, художественная континуальность обретает свою силу только при соблюдении автором главного условия – *правдивости* ткани текста и всех его «живых складок» [Алефиренко 2009]. *Народность и гражданственность языка* – залог «сильного» текста. Думается, данный признак высокой поэзии, выделенный В.П. Григорьевым [Григорьев 2006], относится и к лучшим текстам других родов и видов словесности. В их числе и роман-эпопея М.А. Шолохова «Тихий Дон». Замечательное эпическое полотно, запечатлевшее эпохальные исторические события великой гражданской смуты в России начала XX века, написано глубоко народным русским языком и потому искренне гражданственно. Автор сам говорил так: «Я родился на Дону, рос там, учился, формировался как человек и писатель... И, будучи патриотом своей великой, могущественной Родины, с гордостью говорю, что являюсь и патриотом своего родного Донского края... Святая обязанность – любить страну, которая вспоила и вскормила нас, как родная мать» [Губанов 2000:75]. В этом плане «Тихий Дон» Шолохова обнаруживает органическую связь со *Словарем* В.И. Даля. В их основании лежит единый главный принцип русской словесности – гармония устного народного (диалектного) и книжно-письменного (литературного) истоков русского национального языка, восходящего к восточнославянской (древнерусской) общности и ее диалектному многоголосью.

Рассмотрим контекст из шолоховского «Тихого Дона».

«Григорий, посапывая, стянул с подвески будничные шаровары, вобрал их в белые шерстяные чулки и долго надевал чирик, выправляя подвернувшийся задник.

– А приваду маманя варила? – сипло спросил он, выходя за отцом в сенцы.

– Варила. Иди к баркасу, я зараз.

Старик ссыпал в кубышку распаренное пахучее жито, по-хозяйски смел на ладонь упавшие зерна и, припадая на левую ногу, захромал к спуску.

Григорий, нахохлясь, сидел в баркасе.

– Куда править?

– К Черному яру. Спробуем возле энтой карши, где надысь сидели.

Стремя понесло его, покачивая, норовя повернуть боком. Григорий, не огребаясь, правил веслом.

– Не будет, батя, дела... месяц на ущербе.

– Серники захватил?

– Ага.

– Дай огню.

Старик закурил, поглядывая на солнце, застрявшее по ту сторону коряги» [Шолохов 1998: 1].

Мы предполагаем, что здесь среди слов, которые подходят под определение диалектных (как территориальных образований, не соответствующих нормам литературного языка, в том числе лексическим), – следующие: *подвеска* (с *подвески*), *чирик*, *привада* (*приваду*), *сенцы*, *зарáz*, *кубышка* (*кубышку*), *жито*, *править*, *спробуем*, *энта* (*энтой*), *ка́рша* (*карши*), *на́дысь*, *стрема*, (*не*) *огребаясь*, *на ущербе*, *серники*, *огню́*.

В рассматриваемом словесном ряду единицы *чирик*, *привада*, *кубышка*, *жито*, *карша*, *надысь* – лексические диалектизмы, понимание которых лучше всего сверять по толковому словарю проф. Д.Н. Ушакова. Это уникальный отечественный лексикон в 4-х томах, создававшийся в 30-ые годы XX века (как раз в это время был написан и издан роман, контекст из которого выбран нами). Важно, что Д.Н. Ушаков, опираясь на словарные изыскания В.И. Даля, рассматривал лексическую картину русского мира своего времени и семантику образующих ее единиц с учетом употребления в ней как разговорно-просторечной, так и диалектной лексики. Последнюю в словаре сопровождает помета *обл. – областное* [Ушаков].

Привлекая данные толкового словаря Ушакова и сразу отметив разговорный характер слов *задник* (*задняя часть обуви*), *маманя*, *нахохлясь*, а также *сенцы* (*сени*), фиксируем следующие значения выделенных лексем:

подвеска – 1. *только* ед. То же, что *подвес* в 1 знач. (*разг.*). (Подвес. 1. *только* ед. Действие по гл. подвесить. Точка подвеса. Подвес кабеля. 2. Крючок на каком-нибудь предмете для подвешивания чего-нибудь или к чему-нибудь). 2. Что-нибудь, подвешенное к чему-нибудь. | Подвешенное украшение. Стекланные подвески на люстре. Серьги с подвесками. 3. То же,

что серьга (обл.). (Серьга – кольцо, продеваемое в мочку уха для украшения. Серьги с подвесками);

чирик – слово в словаре Ушакова отсутствует. Даль фиксирует слово в гнезде «чирикать»: ‘|| Чирик м. чирики, стар. донск. черевики, башмаки’. ‘Чирки м. мн. олон. чирики, черевички, башмаки, шаркуны’ [Даль];

привада – ж. (обл., охот.). 1. только ед. Действие по глаг. привадить в 1 знач. – приваживать¹. 2. Прикормка для приманки зверей, птиц, рыбы;

кубышка – и, ж. 1. Глиняный сосуд с выпуклыми, раздавшимися боками (обл.). || Копилка; то, в чем хранятся деньги (простореч. шутл.). Набить кубышку (накопить денег). Денег – полная к. 2. перен. О толстой, пухлой, низкого роста женщине, девушке или ребенке (простореч. фам.). 3. Водяное растение из семейства кувшинковых с округлыми плавающими листьями и жёлтыми цветами, называемое иногда желтой водяной лилией (бот.);

жито – а, мн. нет, ср. Всякий хлеб в зерне или на корню. На Украине житом называют рожь, на севере – ячмень, а на востоке – всякий яровой хлеб;

кириша – слово в словаре Ушакова, как и у Даля, отсутствует;

надысь – нареч. (обл.). Совсем недавно, намеренно;

стремя – 3. То же, что стремнина в 1 знач. (обл.). Страшно скоро помчалась жизнь, скоро и без шума, как речное стремя перед водопадом. Тургенев;

огребаясь – дееприч. от глагола *огребаться* (простореч.). Сгрести с себя что-н.;

на ущербе (месяц на ущербе) – На ущербе (книжн.) – перен. в умалении, в упадке. Силы его на ущербе;

серники – слово в словаре Ушакова, как и у Даля, отсутствует.

Итог словарного поиска: к собственно лексическим (лексико-семантическим) диалектизмам в рассматриваемом тексте относятся слова: *чирик*, *кириша*, *привада*, *надысь*, *стремя*. Именно значение этих слов теперь нужно сверить по специальным диалектным словарям – общерусскому национальному и областному, донскому, которые подскажут: *кириша* – это затонувшее дерево бревно, пень), занесенное песком глубокое место в реке, а *серники* – спички [СРДГ 1991].

Заметим, что В.И. Даль (а вслед за ним другие лексикографы, уже позднее) видит в слове *надысь* рязанский диалектизм (помета *ряз.*) со значением ‘намеренно’ (словарь Ушакова содержит помету обл.: *надысь* – «совсем недавно, намеренно»), в слове *жито* – общерусский диалектизм (моск., ряз., вят.; южн.). *Стремя* в далевском словаре, будучи производным от глагола *стремить*, имеет, в частности, и диалектную помету орл. ‘как стрежень реки, быстрина, русло’. Слово *кубышка*, по Далю, образовалось от слова *кубан* (кур., казач.); *привада* дается с пометой южн. – от слова *приваживать* (помета обл. в словаре Д.Н. Ушакова и разг. в словаре Т.Ф. Ефремовой [Ефремова

2000]), а *подвеска* (наш гипотетический этнографизм, который Ушаков связывает со сферой *областной* только как *серьгу*) у Даля – общеупотребительное в значении ‘*всякая подвешенная вещь*’, но отдельно и *твер.* (тверское) ‘*жемчужная нить на лоб у женищин*’.

Подчеркнем, что только слово *чирик* Даль помечает как ‘*стар. донск. черевики, башмаки*» от *чиркнуть*’, и именно *чирики* нам следует отнести к исконно донским диалектизмам, столь близким сердцу автора «Тихого Дона».

Далее, в рассматриваемом контексте форма *энта* – фонетический диалектизм, со вставкой *-н-* (ср.: *эта*), а *зараз, спробуем* – факты диалектного словообразования. Кроме того, префикс *-с-* в форме *спробуем* («*попробуем*» в литературном языке) выражает грамматическое значение совершенного вида глагола. Скорее всего, слово *огребаясь* относится к словообразовательным (приставочно-суффиксальным) диалектизмам: *о* + *греб(а)я* + *сь* (в словаре Даля данное слово отсутствует, но все производные от *грести* в словарном «гнезде» диалектных помет не имеют). Наконец, форма *огню* (*Дай огню!*) – грамматический диалектизм, так как окончание *-ю-* в литературном языке присуще дательному падежу, а здесь – форма вин. падежа.

Заметим, кстати, что авторитет Даля сказывается на современной диалектной лексикографической характеристике лексики. Например: *Первым поплыл вороной белоноздрый конь с широкой розоватой прозвездью во лбу* (Кн.3, ч.6, гл. 60). Здесь шолоховская метафора «*прозвездь*» усиливает авторское восхищение красотой вороного коня-донца как частицы этнически чистого природного начала в картине мира казака. Ср. данные словаря говоров: *Прозвезд`ить*, сов., перех. и неперех. 5. Неперех, безл. Прояснить, разведриться. Вишь нахмарило, пусть прозвездит! На дворе прозвездило. Южн. Даль [СРНГ, 32: 139]. Мы видим, что в авторский художественно-изобразительный арсенал Шолохова включает не только ресурсы диалектного образования слов и их форм, но и потенциал семантического переноса.

Мы видим, что диалектный язык специфичен не только своей лексико-семантической, смысловой, но и формальной стороной (фонетика, словообразование, грамматика). Важно то, что в эпическом художественно-литературном тексте в создание образности включены все диалектные ресурсы *живого великорусского языка*, что в контексте рассматриваемой нами темы предполагает обращение при лексикографическом анализе к данным специальных диалектных словарей, развивающих традиции великого *Словаря* В.И. Даля [СРНГ; СРДГ; БТСДК; Диброва 2005 и др.], легко можно включить в состав диалектизмов явления, в строгом смысле к ним не относящиеся, а связанные со сферами просторечия или разговорной речи, а в рассмотренном примере из шолоховского текста – и с русскими общенациональными диалектизмами, встречающимися не только на Дону, но и в других регионах.

Шолоховский Дон, представленный в народном эпосе писателя, по меткому наблюдению Ф.Ф. Кузнецова, являет собой подлинное «хранилище русского языка в его южном – казачьем варианте в первой половине XX века. Из его глубинных заповедных недр мощнейшим протуберанцем возник гений Шолохова, который принес в литературу все богатство и своеобразие народного русского слова – «казачьего языка» [Кузнецов 2005]. Только в первых трех книгах «Тихого Дона», с учетом всех типов речи – авторской, прямой и несобственно-прямой речи персонажей – употреблено 1733 диалектизма разного типа (менее 1% от общего количества слов). Вместе с тем Г.С. Ермолаев считает, что Шолохов относился к использованию диалектизмов очень «либерально», чрезмерно увлекаясь ими, допуская много искажений грамматических норм: «во многих случаях он, должно быть, не осознавал, что допускает серьезные грамматические ошибки» [Ермолаев 2000: 181]. Ф.Ф. Кузнецов в этой связи справедливо замечает, что, при всей недостаточности классического образования, Шолохов обладал гениальным талантом, заключавшимся «в его полном и абсолютном доверии к глубинной стихии народного языка, в этой «неограниченности» его природного дарования и одновременно в его полном и абсолютном доверии к глубинной стихии народного языка, в этой «неограниченности» его природного дарования и одновременно – абсолютном языковом слухе и феноменальной языковой памяти» [Кузнецов 2005]. Именно поэтому «необработанное» литературно диалектное слово правды в «Тихом Доне» сродни «алмазным искрам» живой народной русской речи, о которых говорил В.И. Даль в цикле очерков «Воспоминания об А.С. Пушкине» [Даль 1998]

Шолоховский язык открывает нам духовную силу родного слова. В результате обнажается скрытое, оно становится явным, ощущается первозданная глубина именующего слова, его эстетическая динамика. Шолоховские диалектизмы обретают в тексте «статус особых единиц авторской номинации, в которой реализуется субъективная, индивидуально ощущаемая, имманентная данность языкового образа денотативного фрагмента картины мира [Буров 2022]. И вот здесь становится ясно: традиционных характеристик знака (семантика, синтактика и прагматика) нам недостаточно, чтобы осмыслить формирующийся поэтический образ, который осознается на глубинной уровне и требует особого, *эвристического подхода* к своей интерпретации [Чумак-Жунь 2022]. В нашем случае это шолоховские диалектизмы.

Взгляд сквозь лексикографическое «око» *Словаря* В.И. Даля на употребленные в шолоховском тексте диалектные слова убеждает нас в близости творческих подходов к раскрытию языковой образности у обоих великих мастеров русского слова. Словарь диалектизмов «Тихого Дона» и его

элементы органически синтезируют статический и динамический аспекты языковой картины мира, которые, взаимодействуя, взаимно дополняют друг друга, являя собой образец литературной гармонии книжной и народной ипостасей русского национального языка.

❖ Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии: монография. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 341 с.
2. Большой толковый словарь донского казачества (БТСДК). 18000 слов и сочетаний / Сост.: О.К. Сердюкова, В.И. Дегтярев, Р.И. Кудряшова, Б.Н. Проценко. – Москва: Астрель-АСТ, 2003. – 608 с. – URL: <https://djvu.online/file/zUngphDon7U6a>
3. Буров А.А. Флоронимы в словаре текста стихотворения Б.Л. Пастернака «Любка»: взгляд сквозь лексикографическое «око» В.И. Даля // Далевские чтения («Дали Даля»). Мат-лы 2-й всероссийской научно-практической конференции. – Белгород : БелГУ, 2022. – С.16-23.
4. Григорьев В.П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. Избр. работы 1958-2000-е годы. – Москва : Языки славянской культуры, 2006. – 813 с.
5. Губанов Г.В. М.А. Шолохов: мгновения жизни. – Ростов-на-Дону : РИО «Цветная печать», 2000. – 186 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. – Москва : Русский язык, 1978-1980. – URL: <https://www.slovardalja.net/>
7. Даль В.И. Воспоминания о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. – Санкт-Петербург : Академический проект, 1998. – С. 258-262.
8. Диброва Е.И. Словарь языка Михаила Шолохова. – Москва : Азбуковник; МГУ, 2005. – 964 с.
9. Ермолаев Г.С. Михаил Шолохов и его творчество. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. – 445 с.
10. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Москва: Русский язык, 2000. – URL: <https://www.efremova.info/>
11. Кузнецов Ф.Ф. «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа. – Москва : ИМЛИ РАН, 2005. – 864 с. – URL: <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/kritika/kuznecov-sudba-i-pravda/donskoj-dialekt.htm>
12. Потебня А.А. Мысль и язык // Слово и миф. – Москва : Правда, 1989. – С. 17-200.
13. Словарь русских донских говоров (СРДГ). – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 1991.
14. Словарь русских народных говоров (СРНГ). – Т. 1-52. – Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965-2023.
15. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Москва : Советская энциклопедия, 1936-1940 г.
16. Чесноков П.В. Картина мира в языке и речи // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Т. 1. – № 2. – С. 149-153.
17. Чумак-Жунь И.И. К вопросу об эвристическом ракурсе поэтического дискурса Б.Л. Пастернака // Русский язык в поликультурном мире : мат-лы VI Международного симпозиума. – Ялта, 2022. – С. 210-215.
18. Шолохов М.А. Тихий Дон. Роман-эпопея. В 4-х кн. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 1504 с.

Мироненко М.К.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород;
науч. рук. – Чумак-Жунь И.И.,
д. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

**РОЛЬ ТОПОНИМОВ В АВТОРСКОМ ИДИОСТИЛЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ
«ЧАСТОТНОГО ГРАММАТИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
ЯЗЫКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА»)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию функций географических наименований в текстах художественных произведений А.П. Чехова. На основе лингвостатистических данных указанного словаря анализируется частотность, семантика и прагматика топонимов и выявляются закономерности их употребления в произведениях писателя. В работе рассматриваются три основные группы топонимов: российские города и сёла, зарубежные географические названия и микротопонимы (улицы, реки). Особое внимание уделяется их роли в создании художественного пространства, социально-культурной типизации и в психологической характеристике персонажей.

Ключевые слова: топонимы, текст художественных произведений, идиостиль, словарь, частотность, микротопонимы, географические объекты.

Summary. The article is devoted to the study of the functions of geographical names in the texts of A.P. Chekhov's works of fiction. Based on the linguistic data of the specified dictionary, the frequency, semantics and pragmatics of toponyms are analyzed and patterns of their use in the writer's works are revealed. The paper considers three main groups of toponyms: Russian cities and villages, foreign geographical names and microtoponyms (streets, rivers). Special attention is paid to their role in creating an artistic space, socio-cultural typification, and psychological characterization of characters.

Keywords: toponyms, text of works of art, idiosyncrasy, vocabulary, frequency, microtoponyms, geographical objects.

Топонимы в текстах художественных произведений выполняют ряд функций: обозначают географические реалии и участвуют в создании авторского идиостиля. Они формируют пространственно-временную организацию произведений и отражают ментальность народа или конкретных персонажей. Исследование функционирования топонимов в художественных текстах А.П. Чехова представляет особый интерес, так как его произведения, которые отличаются глубоким психологизмом, лаконичностью, точностью деталей, даже единичное упоминание местности может нести в себе значительную смысловую нагрузку.

В статье мы определяем роль и особенности топонимов в авторском идиостиле А.П. Чехова на основе данных «Частотного грамматико-семантического словаря языка произведений А.П. Чехова», а также частотность их использования и функции. В исследовании мы использовали лексикографический метод, методы корпусной лингвистики, лингвопоэтический и семантико-стилистический анализ.

Географические название и природные объекты не только являются частью нашей жизни, но еще и олицетворяют исторические события и условия развития общества. В лингвистике все географические названия, вне зависимости от принадлежности к объекту, обозначаются особым термином – топонимы. «Они составляют важную часть ономастического лексического фонда языка» [Разуваева 2023: 2]. Топонимы представляют особый интерес для исследователей-филологов. С одной стороны, они являются частью словарного состава русского языка, с другой – часто используются в художественных текстах. Неспроста Д.С. Лихачев отмечал, что топонимы – это «культурообразующие скрепы между прошлым, настоящим и будущим» [Лихачев, 1989: 410].

Как отмечает Д.С. Лихачёв, в русской литературе топонимы могут служить [Лихачев, 1989: 412]:

- 1) маркерами реального или ирреального пространств;
- 2) средством создания исторического/национального/локального колорита;
- 3) элементом авторской игры читателя (например, при введении в канву текста вымышленного города).

Исследование функционала топонимики в художественном тексте – актуальное направление современной антропоцентрической лингвистики. И.И. Чумак-Жунь и М.С. Малышева пишут об использовании имени собственного как прецедентного [Чумак-Жунь 2017]. Функции топонимов в художественном тексте исследовала и С.Б. Аюпова. Лингвист отмечает, что, в первую очередь, названия географических объектов зависят от сферы употребления, а также используются, исходя из творческого замысла писателя. С.Б. Аюпова выделяет следующие функции топонимов:

1) миромоделирующая: «Топонимы, которые называют реально существующие и вымышленные объекты, участвуют в создании художественной географо-политической картины мира»;

2) мистифицирующая функция, функция правдоподобия изображаемого мира. Ее можно выявить, когда писатель использует реальные географические названия. Таким путём достигает эффект достоверности и четкости изображаемого.

3) ориентационная функция имеет тесную связь с используется как некий ориентир;

4) поэтическая функция: «в авторском повествовании топонимы используются в лирических зарисовках, которые, несмотря на небольшой объем, отсутствие деталей, весьма экспрессивны, передают первое впечатление о месте, содержат оценку, часто гармонируют с состоянием персонажа»;

5) сюжетообразующая: «перечисление включенных в повествование о каких-либо событиях топонимов делают его более лаконичным и динамичным»;

б) символическая: «часто топонимы, связанные с судьбой героя, формируют подтекст произведения и становятся символами»;

7) биографическая функция: «Топонимы, непосредственно не связаны с развитием сюжета, характеризуют биографию персонажа» [Аюпова 2011: 65].

Так, мы выяснили, что топонимы в художественных произведениях могут выполнять различные функции в зависимости от целей их использования. По мнению Е.А. Земской, частотность и способы употребления названия природных объектов являются важной характеристикой индивидуального стиля писателя. Например, для творчества Л.Н. Толстого характерно обилие реальных географических названий, которые подчеркивают эпичность повествований, тогда как у А.П. Чехова топонимы часто используются лаконично, но несут серьезную смысловую нагрузку.

Для анализа топонимов, выявления их функций в тексте и классификации мы использовали данные «Частотного грамматико-семантического словаря языка произведений А.П. Чехова». Созданный словарь является первым полным словарём языка художественных произведений писателя. Он собран на основе анализа 600 произведений, драматических и прозаических. Тексты исследовались по академическому собранию сочинений писателя [Чехов 1974-1983]. За основу при создании словаря был взят ЛОКЛЛ (Электронный корпус художественных произведений А.П. Чехова), который входит в Словарь в качестве электронного приложения.

В Словаре зафиксировано количество употреблений каждой лексемы, что позволяет не только изучить их частотность употребления, но и определить особенности чеховского идиостиля. Всего он содержит 34 752 заглавных слова, включая цифры, средства нумерации списков, компоненты фраз на иностранных языках. Число слов с учётом вариантов – 36 289. Общий объём словоупотреблений, которые отражает данный Словарь, – 1 257 115.

Стоит отметить, что все слова в Словаре маркированы грамматическими пометами, при этом лексика распределена не в алфавитном порядке, а по смысловым группам. Интерес для нашего исследования представляет первый параграф первого раздела — «Имена собственные и их производные». Как показал анализ, в текстах А. П. Чехова представлены четыре основных денотативных типа имён собственных: 1) имена лиц, 2) клички животных, 3) названия кораблей, 4) топонимы, 5) этнонимы и т. п. Эти типы слов описываются в Словаре отдельно, но в составе общей группы «Имена собственные».

Остановимся подробнее на топонимах. «Частотный грамматико-семантический словарь языка произведений А.П. Чехова» позволяет выделить самые частотные географические названия, увидеть соотношение реальных и вымышленных топонимов, а также определить их семантику. Так, писатель в своих текстах использует следующие виды топонимов:

Города и регионы России. Одним из самых частотных топонимов в словаре является существительное *Москва*, которое упоминается 300 раз. Город выступает не просто местом действия, а равноправным персонажем чеховских произведений. Стоит отметить, что значительная часть текстов А.П. Чехова была написана именно в Москве. В рассказах писателя этот город предстает безжалостным и равнодушным, но в то же время полным жизни и надежды. *Москва* описывается в «Чайке», «Хороших людях», «Палате №6», «Страшной ночи» и т.д. Так, например, в «Филантропе» улица *Кузнецкий мост* описана как центр роскоши и моды. В «Палате №6» писатель упоминает известные московские достопримечательности: *Кремль*, *Замоскворечье*, *храм «Спасителя»*. В «Даме с собачкой» Москва представляется холодной и темной по контрасту с солнечной Ялтой: «Дома *в Москве* уже всё было по-зимнему, топили печи, и по утрам, когда дети собирались в гимназию и пили чай, было темно, и няня ненадолго зажигала огонь» [Чехов 1903].

Петербург упоминается 167 раз. Данный город в большинстве случаев не представлен как отдельный герой, а описывается как место действия. Чаще всего город на Неве — географический объект, где герои либо учились или служили, либо уезжали за лучшей жизнью: «Ей страстно хотелось жить, хотелось *в Петербург*, и знакомство с Сашей представлялось уже милым, но далеким, далеким прошлым!» [Чехов].

Ялта (18 упоминаний). Южный город для Чехова стал местом вдохновения, в нём он провёл последние пять лет своей жизни. *Ялта* описывается, как солнечный, тёплый город, место любви и жизни. Неспроста герои, видя морские пейзажи, начинают размышлять о своей былой жизни: «*Ялта* была едва видна сквозь утренний туман, на вершинах гор неподвижно стояли белые облака», «Закрывши глаза, он видел ее, как живую, и она казалась красивее, моложе, нежнее, чем была; и сам он казался себе лучше, чем был тогда, *в Ялте*» [Чехов].

Помимо Ялты в текстах А.П. Чехова упоминаются и другие топонимы Крыма: *Феодосия* (7), *Севастополь* (7), *Симферополь* (1). Сам топоним *Крым* встречается 32 раза.

Следующими городами по частоте использования являются:

- *Сибирь* – 47 раз;
- *Курск* – 17 раз;
- *Тула/тульский* – 16 раз;
- *Таганрог/таганрогский* – 9 раз;
- *Сахалин* – 5 раз;
- *Ростов-на-Дону* – 5 раз;
- *Нижний Новгород* – 5 раз.

Зарубежные топонимы также указаны в Словаре. Если мы обратимся к биографии А.П. Чехова, то узнаем, что он много путешествовал и бывал за

границей. Безусловно, это оставило отпечаток на его произведениях. По частотности использования мы выделили следующие топонимы:

- *Париж* – 83 раза;
- *Вена* – 16 раз;
- *Рим* – 13 раз;
- *Ницца* – 12 раз;
- *Берлин* – 2 раза;
- *Венеция* – 7 раз.

Стоит отметить, что использование зарубежных топонимов выполняет ряд лингвопоэтических и прагматических функций. Их анализ позволяет выявить не только особенности идиостиля автора, но и в целом специфику чеховской рецепции «чужого» пространства как семиотически маркированного феномена.

Так, использование зарубежных топонимов создает в художественных текстах культурно-географический контраст. Часто используются бинарные оппозиции, то есть противопоставление России и Европы. Перечисленные топонимы нередко выступают символами цивилизационного идола – герои мечтают уехать за границу: «Прежде всего поехал бы *в Москву* и цыган послушал. Потом... потом махнул бы *в Париж*. Нанял бы себе там квартиру, ходил бы в посольскую церковь...» [Чехов].

Реже топонимы выступают как проекция внутреннего состояния персонажей. Например, в «Попрыгунье» *Париж* выступает как символ нереализованных амбиций, а *Рим* в «Ариадне» – как метафора недостижимой гармонии.

Также в Словаре указаны и **малые населённые пункты** (сёла и деревни). Мы выделили следующие из них:

– *Уклево* – 13 раз. Стоит отметить, что это село вымышленное, а прототипом его послужило село Угрюмово, расположенное в 3 километрах от Мелихова.

- *Софьино* – 5 раз;
- *Бахчи-Салах* – 2 раза, армянское село;
- *Выселки* – 5 раз;
- *Слободка* – 4 раза;

В текстах также упоминаются **губернии**: *Витебская*, *Архангельская*, *Владимирская*, *Вологодская* и т.д. Всего 47 упоминаний.

Малые населённые пункты в художественных текстах используются реже, нежели города. В текстах они служат для обозначения местности, иногда – для раскрытия деревенского колорита.

Микротопонимы (улицы, реки). Всего в Словаре обозначено упоминание **32 улицы**, каждая из них используется в текстах 1-3 раза, например, *Базарная* (2), *Бассманная* (1), *Гусиная* (3), *Дворянская* (2).

Реки: *Амур* (1), *Голтва* (2), *Москва-река*. Чаще всего в произведениях Чехова упоминается река *Волга* – 22 раза: «А *Волга* уже была без блеска, тусклая, матовая, холодная на вид» [Чехов. Попрыгунья (1892)]. Здесь мы вновь видим, что использование топонимов отражает душевное состояние героев, описание природы соотносится с жизненными событиями.

Таким образом, топонимическая система в художественных текстах А.П. Чехова представляет сложноорганизованный семиотический комплекс, выполняющий ряд существенных стилиобразующих функций. При использовании «Частотного грамматико-семантического словаря языка произведений А.П. Чехова» мы выявили, что географические наименования занимают значительное место в лексиконе писателя. Нами была выделена следующая классификация топонимов, употребляемых автором: Российские урбанонимы (столичные центры, провинциальные города, зарубежные топонимы (европейские культурные центры, курортные города), микротопонимы (гидронимы, ойконимы, урбанонимы). Также мы выявили функции: географическая (указание на локус, место действия), социокультурная (описание колорита, культурных традиций) и психологическая (географический объект как предел мечтаний героя, соотнесенность с его внутренним состоянием).

❖ Список литературы

1. Аюпова С.Б. Топонимическое пространство в языковой художественной картине мира прозы И. С. Тургенева // *Русская словесность*. – 2011. – № 3. – С. 61-64.
2. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка / Словоизменение. – Москва : Рус. яз., 1977. – 880 с.
3. Лихачёв Д.С. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. – Ленинград: Сов. писатель, 1989. – 608 с.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка // РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – Москва : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. – 944 с.
5. Разуваева Е.Г. Классификация топонимов в русском языке // *Юный ученый*. – 2023. – № 7 (70). – С. 1-3.
6. Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова с электронным приложением / Кукушкина О.В., Суровцева Е.В., Лапонина Л.В., Рюдигер Д.Ю. / Под общ. ред. Поликарпова А.А. – Москва : МАКСПресс, 2012. – 571 с.
7. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Москва : Наука, 1974–1983.
8. Чумак-Жунь И.И. Имя собственное как прецедентный феномен поэтического творчества И.А. Чернухина // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. – 2017. – № 21(270). – С. 5-13.

Хомякова Е.С.,
аспирант, НИУ «БелГУ», г. Белгород;
науч. рук. – Чумак-Жунь И.И.,
д. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА «САД» В ПОЭЗИИ Б.А. АХМАДУЛИНОЙ

Аннотация. В статье анализируются лексические репрезентации, участвующие в объективации оценочных признаков концепта «Сад» – архетипического для русской литературы и доминантного в поэзии Б.А. Ахмадулиной. В центре внимания находится семантический анализ оценочных конструкций, который подтверждает представление о неразрывной связи между субъективными и объективными аспектами структуры оценки, акцентируя внимание на ее прагматическом характере. Контекстуальный анализ лексемы сад, номинирующей одноименный концепт, свидетельствует о важности рассматриваемого концепта и позволяет сделать вывод о том, что в аксиосфере русской национальной языковой картины мира образ сада имеет положительный аксиологический статус.

Ключевые слова: концепт, идиостиль, оценочность, перцепция, лирический герой.

Summary. The article analyzes lexical representations involved in the objectification of evaluative features of the concept «Garden» – archetypal for Russian literature and dominant in the poetry of B.A. Akhmadulina. The focus is on the semantic analysis of evaluative constructions, which confirms the idea of an inextricable connection between the subjective and objective aspects of the evaluation structure, focusing on its pragmatic nature. Contextual analysis of the lexeme garden, nominating the concept of the same name, testifies to the importance of the concept in question and allows us to conclude that in the axiosphere of the Russian national linguistic picture of the world, the image of the garden has a positive axiological status.

Keywords: concept, idiostyle, evaluation, perception, lyrical hero.

Многие исследователи отмечали, что образ сада является доминантным в поэтическом идиостиле Б.А. Ахмадулиной – одной из самых ярких поэтесс XX века [Алешка 2001], [Михайлова 2008], [Разумовская 2011], [Тропкина 2016] и др. Ее феномен притягателен тем, что даже на фоне не менее ярких современников (Е. Евтушенко, А. Тарковского, Р. Рождественского) она все равно оказывается ярче. Б.Ш. Окуджава, стремясь подчеркнуть связь между внутренним миром Беллы Ахмадулиной и утонченным характером ее лирики, верно заметил: «Как дышит, так и пишет. Это редкое качество, оно говорит о подлинности горения. В этом смысле стихи Ахмадулиной – дар природы» [Ахмадулина 2019: 380]. М.Н. Эпштейн утверждает, что для лирической героини Б. Ахмадулиной характерно «благоговейное отношение» к природе «как к величайшему таинству» [Эпштейн 1990: 272]. Неслучайно концепт «Сад» оказывается частотным в идиостиле поэтессы.

Отметим, что концепт «Сад» не только является одним из самых семантически насыщенных, но и принадлежит к числу архетипических

концептов, по терминологии Е.М. Мелетинского [Мелетинский 1994: 13], поскольку сад воспринимается как «колыбель» зародившейся земной жизни, (вспомним, например, Эдем – райский сад). С точки зрения Е.М. Мелетинского, противоборство космоса и хаоса – ключевой архетипический мотив, из которого формируются все остальные. Одним из его проявлений является традиционная бинарная оппозиция *сад* (природа «прирученная», созданная руками человека) – *лес* (дикая, первозданная природа). Это один из вариантов противопоставлений *культура – природа*, *свое – чужое*, *человеческое – животное*, *христианское – языческое*. Антиномия *сад – лес* как проходит через всю русскую литературу (начиная с фольклора) и встречается в поэзии Б.А. Ахмадулиной. Так, в стихотворении «Сад-всадник» противопоставление всадника-сада и заглавного героя – Лесного царя – отражает указанную оппозицию: «*О сад мой, заботливый мой погубитель! / Зачем от Царя мы бежали Лесного?*». Сад выступает здесь как хранитель души младенца-поэта, взрастивший его и охраняющий. Лесной царь же – воплощение стихии, которая предлагает «*короткую гибель под царскою лаской*», являющуюся расплатой за дар.

Таким образом, концепт «Сад» действительно можно считать архетипическим, поскольку он реализует бинарную оппозицию «внутренний – внешний», «свое – чужое», «хаос – космос» [Власенко 2005: 96]. Традиционный локус наполняется глубоким символическим смыслом и обретает универсальный, философский подтекст.

Итак, мы остановимся на ключевом слове *сад*, поскольку именно оно и является ядром одного из самых значимых концептов русской культуры. Чтобы понять специфику индивидуально-авторского концепта «Сад», мы обратимся к методике исследования, предложенной в диссертации И.И. Чумак-Жунь, которая выделяет в структуре восприятия концепта перцептивно-сенсорный, аксиологический, пространственный и образно-символический аспекты [Чумак-Жунь 2009].

1. Перцептивно-сенсорная характеристика концепта «Сад». Образ сада в поэзии Б.А. Ахмадулиной тесно связан с перцепцией (ощущениями) конкретной личности – лирической героини, что доказывают языковые единицы, представляющие перцептивный слой концепта. Перцептивные признаки, входящие в образный компонент концепта «Сад», основываются на тактильных, визуальных, аудиальных, обонятельных сенсорных впечатлениях.

– **Аудиальное (слуховое) ощущение:** «*сад слышней... чем вздор людей*» («Вишневый сад»), «*заглохший сад*» («Дачный роман»), «*...стук ужасной их забавы / в саду*» («Когда жалела я Бориса...»), «*Сад-всадник мне шепчет...*» («Сад-всадник»), «*Рассада неизвестных новшеств, / о, слово «сад» – как садовод, / под блеск и лязг садовых ножниц / ты длишь и множишь свой*

приплод» («Сад»), «...дом в саду стоит / и музыка **вита**ет окон возле» («Здесь дом стоял. Столетье назад...»), «**ударяется** яблоко **оземь** – / столько раз, сколько яблок в саду» («Бьют часы, возвестившие осень...»), «Так я сижусь, **подслушиваю сад**...» («Опять сентябрь, как тьму времен назад...»).

Обратим внимание, что Ахмадулина воспроизводит как реальные звуки, раздающиеся в пространстве сада (лязг ножниц садовода, музыка, звук падающих плодов), так и те, которые позволяют представить сад как живое существо, способное говорить и быть услышанным. Звуковые образы, сопровождающие образ сада, несут дополнительную оценочную нагрузку.

– **Визуальные ощущения:** «В окне моем **расцвел** вишневый сад – / **белейший семицветный** день февральский», «Вишневый сад **глядит** в мое окно» («Вишневый сад»), «**лиловый сад**» («Где поле зренья просит просветленья...»), «**сияет** сад» («Девочка с персиками»), «Но этот сад! Чей пересуд **зеленым** его назвал?» («Забытый мяч»), «...той садовой / **потёрто-белый цвет** скамьи» («Сад»), «Он мною в половине / покинут был, и **сумерки** на сад / тогда не пали...» («Вот не такой, как двадцать лет назад...»), «Сад еще не облетал, / только береза **желтела**» («Сад еще не облетал...»), «Мы сиживали в **час заката** / в саду, где липа и скамья» («Дачный роман»), «...Как не дам идти дождям, / как не дам, чтобы в народе / помышляли о свободе, / как не дам стоять садам / в **бело-розовом восходе**...» («Моя родословная»), «И верю я одна на свете, / что **зацветут** его сады, / что **странно засияют** с веток / их совершенные плоды» («Садовник»), «**Сияет** сад, и девочка бежит» («Девочка с персиками»), «...**оранжевый** цветок ей сад преподносил» («Палец на губах»), «То гляну в окно: белизна без единой помарки / **то сумерки выросли, словно растения сада**» («За что мне все это? Февральской теплоты подарки...»).

Слово *цвет* этимологически восходит к лексеме *свет*, так как «цвет выделяется из света» [Колесов 2007: 289]. Кроме того, он связан с противопоставлением «свет – тьма». В лексико-тематическую группу «свет» входят слова «сиять». Оттенки, наблюдаемые лирической героиней в саду, исключительно приятны, навевают теплые чувства, создают образ гармоничного пространства.

– **Тактильные ощущения:** «Сад... / летит он нырлящиком необратимым / и **увальнем вымокишем тащится в гору**» («Сад-всадник»), «...в саду **толчея**: кто расцвёл, кто воскрес, кто родился» («Мы начали вместе: рабочие, я и зима...»), «**влажный сад**» («Прощай! Прощай! Со лба сотру...»), «Весь сад в **дожде!**», «Так **обнялись**, что и ладонь / не вклинится!» («Дождь и сад»), «Я саду **лышу**, я к саду **лкну**» («Поездка в город»), «сад – в **сырости овражной**» («Палец на губах»), «О, я любил ее не первый год, / **целую** воздух и камень сада» («Приключение в антикварном магазине»).

«Особость» пространства сада в идиостиле Б.А. Ахмадулиной подчеркивается его тактильным восприятием: он часто влажный. Связь с водой и дождем, дарующим ее, утверждает связь сада и жизни, без воды немислимой.

– **Обонятельные ощущения:** «...Когда так нежно / **столетьем** **прошлым пахнет сад?**», «**Запах дымный** / в саду всё тот же» («Сон»), «Их дарят празднично на память, / но мне – мне страшно их судьбы, / ведь никогда им так **не пахнуть**, / как это делают сады» («Цветы»).

Номинации, включенные в лексико-семантическую группу «запахи», подчеркивают особую атмосферу сада.

2. Аксиологический аспект концепта «Сад». Образ сада, тесно связанный с физическим и внутренним миром личности, не может не оказывать влияние на человека. Так, в лирике Б.А. Ахмадулиной зафиксирован глагол чувственного восприятия **любить**: «Как я **люблю** минувшую весну, / и дом, и сад, чья сильная природа / трудом горы держалась на весу / поверх земли, но ниже небосвода» («Мне вспоминать сподручней, чем иметь...»).

Положительное аксиологическое восприятие подкрепляется качественными именами прилагательными, где доминирующим является представляемый ими эмоциональный компонент: «Глубокий **нежный сад**, **впадающий в Оку**, / **стекающий с горы лавиной многоцветья**» («Глубокий нежный сад, впадающий в Оку...»), «...со лба сотру / воспоминанье: **нежный, влажный** / сад, углубленный в **красоту**, / словно в занятое службой важной» («Прощай! Прощай! Со лба сотру...»), «**прекрасным кругом сада**» («Случилось так, что двадцати семи...»), «**Всегда быть не хитрей, чем дети, / не злей, чем дерево в саду**» («Дом»), «Дом заточён в себя, как выйти – он не знает. / Но, как душа его, вокруг **свободен сад**» («Палец на губах»).

В поэтических текстах Б.А. Ахмадулиной лексема **сад** может составлять ряд однородных членов со словом **дом**, что традиционно считается одной из высших духовных ценностей: «Всё минет: **сад и дом**...» («Прощай! Прощай! Со лба сотру...»), «**Дом, сад и я – втроём причастны тайне важной**, «...Я шла и отворяла / калитку в нижний мир, где обитает тень, – / чтоб видеть **дом и сад** из глубины оврага», «Знал беспризорный **сад** и знал бездомный **дом**...», «Ещё там был чердак. Пока не вовсе смерклось, / **дом, сад и я** – на нём летали в даль, в поля» («Палец на губах»).

Отдельно выделим контексты, прямо или косвенно воспроизводящие сад как райское место: «И не виден мне **богобоязненный сад**, / дали ветку сирени – и кажется: вот он» («Лишь июнь сортавальские воды согрел...»), «Благословляю в **райском том саду** / и дерева, и яблоки, и змия, / и ту беду, бог вест в каком году, / и грешницу по имени Мария» («Моя родословная»), «Растут ли ивы **во Эдеме?**» («Вот – пруд и дерево плакучее...»). Ассоциация

сада с Эдемом порождает в поэтическом сознании Б.А. Ахмадулиной определения, связанные с мыслями о святости и чистоте сада: *«Невинный Летний сад»* («Ленинград»), *«Явиться утром в чистый север сада...»* («Симону Чиковани»).

Сад для лирической героини действительно предстает неким идеалом, способным укрыть от тягот реальности, однако бегство оказывается невозможным: *«Ау, любезный друг! Предчувствие беды / преувеличит смысл свечи, обмолвки, жеста. / И, как ни отступай в столетья и сады, / душа не сыщет в них забвенья и блаженства»* («Глубокий нежный сад, впадающий в Оку...»), *«Когда о купол золотой / луч разобьется предрассветный / и лето входит в Летний сад, / каких наград, каких улад / иных / просить у жизни этой?»* («Не до бела раскалена»).

3. Пространственный аспект концепта «Сад». Сад в русской языковой картине мира, как и в поэзии Б.А. Ахмадулиной, репрезентирует пространство, причем как реальное, так и метафизическое – райское.

Пространство в поэтическом идиостиле Б.А. Ахмадулиной, с одной стороны, существует в сугубо вещественной конкретности: сад ресторана («Анне Каландадзе»), Александровский сад («Москва ночью при снегопаде», «Я думала, что ты мой враг...»), сад, впадающий в Оку («Глубокий нежный сад, впадающий в Оку...», «Палец на губах»), Летний сад («Ленинград», «Не до бела раскалена...», «Стена», «Шесть дней небытия», «Роза на окне»), Люксембургский сад («Пригород: названья улиц»).

В основе пространственного восприятия сада лежит универсальная «ориентационная» (Лакофф-Джонсон) метафора «верха», закреплённая за положительными эмоциональными состояниями. Так, положение сада описывается конструкциями с предлогами *над*: *«...где над Курой, в объятый богом Мцхете, / в садах зимы берут фиалки дети, / их называя именем «Иа»?* («Симону Чиковани»). Локус сада у поэтессы часто связан с нахождением сверху: *«...в глубокий нежный сад, стекающий с горы»* («Глубокий нежный сад, впадающий в Оку...»), *«Сад падает в Оку обрывисто и узко»* («Палец на губах»), *«Как я люблю...и сад, чья сильная природа / трудом горы держалась на весу / поверх земли, но ниже небосвода»* («Мне вспоминать сподручней, чем иметь...»). «Сад-всадник» в поэтическом мире Ахмадулиной также обитает на вершине: *«Живую меня он приносит в обитель / на тихой вершине отвесного склона»* («Сад-всадник»).

Таким образом, пространство осмысляется поэтессой как высшая онтологическая инстанция, а сама лирическая героиня «реализуется» во взаимодействии с ним и пытается найти свое место в нем.

Итак, когнитивная репрезентация концепта создается сочетанием закреплённого в коммуникативном сознании основного значения лексемы *сад*

и поэтической образности, которая возникает под воздействием различных энергопотоков – символического, перцептивно-сенсорного, аксиологического [Чумак-Жунь 2009]. Соединяясь, эти смыслы реализуются в конкретной внутритекстовой ситуации восприятия сада и самой лирической героиней, и читателем, носителем иного дискурса.

❖ Список литературы

1. Алешка Т.В. Стихотворение Беллы Ахмадулиной «Дом с башней»: пространство, время, текст. – Елец : Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, 2017. – 204 с.
2. Ахмадулина Б.А. «По улице моей который год...»: стихотворения. – Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2019. – 381 с.
3. Власенко Е.Ю. Функции архетипов и архетипических образов в произведениях П.В. Засодимского : дис. канд. филол. наук: 10.01.01. – Ульяновск, 2005. – 163 с.
4. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2007. – С. 289.
5. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. – Москва : РГГУ, 1994. – 136 с.
6. Михайлова М.С. Концепт сада и метафора цветочного времени в книге Беллы Ахмадулиной «Сад» // Культура и текст: в 3 т. Санкт-Петербург – Самара – Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. – Т. 1. – С. 192-197.
7. Разумовская А.Г. Сад в русской поэзии XX века: феномен культурной памяти : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. – Санкт-Петербург, 2011. – 31 с.
8. Тропкина Н.Е. Образ сада в русской поэзии конца XX – начала XXI века: фольклорные традиции // Литература в школе, 2016. – № 8. – С. 16-18. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27020875>
9. Чумак-Жунь И.И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Белгород, 2009. – 407 с.
10. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...». Система пейзажных образов в русской поэзии. – Москва : Высшая школа, 1990. – 306 с. – URL: <http://www.bookposter.ru/info/imwerden/criticism-history-literature581.html#.YG6c0qAmxPY>

Научное издание

ДАЛИ ДАЛЯ

Сборник материалов Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции молодых учёных
«Далевские чтения»,
посвящённой Дню славянской письменности и культуры
г. Белгород, 22–23 мая 2025 г.

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: О.Г. Томусяк
Выпускающий редактор: Ю.В. Берегова

Подписано в печать 31.07.2025. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman, Book Antiqu. Усл. п. л. 11,8. Тираж 100 экз. Заказ 185
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ЦПП ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48